

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 17

№ 3 · 2016

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2016

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбагова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф. (*зам. главного редактора*); **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 30.09.2016. Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Борисова Н.В., Петрова Р.И., Сулимов К.А.* «Когда одни не могут, а другие не хотят, доминирует третий»: к проблеме субъектных ролей в реформе местного самоуправления в Перми и Пермском крае. 6

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Берберян А.С., Найденов В.Г.* Исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности студентов 25
- Шамионов Р.М., Аренков А.П.* Ценностные отношения и гражданская идентичность молодежи 35

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Галлямова А.А., Лопухова О.Г.* Духовность и религиозность: гендерный и возрастной аспекты 49
- Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Нормы мужского и женского поведения в оценках студенческой молодежи. 61
- Шлыкова Ю.Б., Лагутова Л.О.* Автобиографические воспоминания о супружеских отношениях и гендерная самооценка женщин 73

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

- Вызулина К.С.* Потребности и ценности в структуре движущих сил развития личности офицера 92

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Рожков А.Ю.* Студенческий протест в Краснодаре в 1928 г.: эмоциональные нормы власти и молодежи. 103

СОЦИОЛОГИЯ ДОСУГА

- Мкоян Г.С.* Роль и значение развития свободного времени в формировании социокультурных ценностей в современном обществе Армении 123

ОБЗОРЫ

- Кольба А.И.* Развитие представлений о городском конфликте в современных социальных исследованиях. 132
- Наши авторы. 145
- К сведению авторов 149
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 155

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

3-2016

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Roland Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

POLITICAL MANAGEMENT

- Borisova N.V., Petrova R.I., Sulimov K.A.* "When the first one has no ability and the second one has no wish, the third one always dominates": to the issue of political agent's role in municipal reform in Perm and Perm region 6

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Berberyan A.S., Naidenov V.G.* Study of relationship between ethnic identity and tolerance in students 25
- Shamionov R.M., Arenkov A.P.* Value attitudes and civil identity of youth 35

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Galliamova A.A., Lopukhova O.G.* Spirituality and religiosity: gender and age aspects 49
- Kletsina I.S., Ioffe E.V.* The norms of male and female behavior shared by college students 61
- Shlykova J.B., Lagutova L.O.* Women's autobiographical memories about marital relations and gender self-esteem 73

LABOUR PSYCHOLOGY

- Vyzulina K.S.* Needs and values in the structure of officer's personality development motivation 92

HISTORICAL SOCIOLOGY

- Rozhkov A.Yu.* Students' protest in Krasnodar in 1928: emotional norms of the power and youth 103

LEISURE SOCIOLOGY

- Mkoyan G.S.* Role and meaning of spare time in context of formation of socio-cultural values in modern Armenian society 123

REVIEWS

- Kol'ba A.I.* Development urban conflict ideas in modern social researches. 132
- Our authors 147
- Information for the authors. 149
- Procedure for receiving and reviewing manuscripts. 156

**«КОГДА ОДНИ НЕ МОГУТ,
А ДРУГИЕ НЕ ХОТЯТ, ДОМИНИРУЕТ ТРЕТИЙ»:
К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТНЫХ РОЛЕЙ В РЕФОРМЕ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ПЕРМИ И ПЕРМСКОМ КРАЕ¹**

.....

Борисова Н. В., Петрова Р. И., Сулимов К. А.

Борисова Надежда Владимировна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Эл. почта: nadezhda2@yandex.ru

Петрова Регина Игоревна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Эл. почта: rance.regina@mail.ru

Сулимов Константин Андреевич,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Эл. почта: ksulimov@yandex.ru

В статье рассматривается проблема публично-политического взаимодействия региона и муниципалитетов в условиях современной России на материале критически важного для обеих сторон вопроса о порядке формирования муниципальной власти. Этот вопрос приобрел особую актуальность в контексте федеральных новаций 2014–2015 гг., давших субъектам РФ дискреционные полномочия, но во многих регионах он имел значимую историю. Решение этого вопроса в Перми развернулось в пространстве взаимодействия трех групп акторов: собственно региональной и городской политических элит, а также общественной коалиции. Все они претендовали на субъектную роль через формирование и репрезентацию собственных повесток публичных обсуждений и повесток последующих необходимых политических действий. Совпадения и разрывы этих повесток и образуют сюжет трансформации институционального устройства МСУ в Перми и Пермском крае. Совпадение трех публичных повесток в 2012 г., открывавшее возможность для реализации устраивавшей всех институциональной формы, сменилось разрывом повесток, где крайние полюса заняли: общественная коалиция, настаивавшая на необходимости прямых выборов глав муниципалитетов, и региональная исполнительная власть, продавливавшая прямо противоположный вариант. Произошла кристаллизация субъектности заинтересованных сторон. «Городской политической класс» продемонстрировал, что не является таковым, будучи случайным конгломератом множества партикулярных и индивидуальных интересов, у которого отсутствует единство инструментария, ресурсов и воли. Прежняя претензия на публичную позицию была легко де-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-13-59006 «Дифференциация стратегий региональных властей в отношении муниципалитетов в Пермском крае: факторы, условия, результаты и эффекты».

завуирована, поскольку не была позицией всего «класса», а была тактическим ходом его отдельных представителей в рамках иной стратегической цели — индивидуальное «выживание» в контексте любых институциональных форм. Общественная коалиция не нашла союзников — и из-за своеобразия муниципального «политического класса», и из-за узости собственной базы и крайней ригидности позиции, закрывавшей возможность любых компромиссов. На региональном уровне действительным субъектом оказалась только исполнительная власть, которая легко продавала собственное решение в условиях оппортунистического настроения и слабости остальных сил.

Ключевые слова: политическая власть, политические субъекты, местное самоуправление, стратегии политического взаимодействия, политические элиты, городская политика.

Взаимоотношения между разными уровнями публичной власти — одна из ключевых предметных областей политической науки. В современной России, с одной стороны, налицо тенденция выстраивания «вертикали власти», т.е. стремление выстроить субординацию. С другой стороны, властная вертикаль имеет очевидные пределы. Региональная власть способна устанавливать приоритеты и обеспечивать субординацию лишь в отдельных сферах политики, но не в состоянии полностью контролировать муниципалитеты, в том числе региональные столицы, которые почти всегда занимают особое положение среди муниципальных образований региона. Значительная часть публичных городских проблем решается на местах, и существенная часть публичных ресурсов по факту распределяется городскими властями. Практика взаимоотношений между региональными властями и муниципалитетами может быть рассмотрена как соотношение «части» и «целого». Симбиотический характер отношений региона и его столицы, как частный случай таких отношений, усиливается фактически тем, что именно в городе — столице региона — физически локализованы органы и учреждения региональной власти, а также территориальных управлений федеральных государственных структур. Эта локализация так или иначе усиливает статус столичного города как «части», интегрированной в регион как политическую единицу — «целое». В рамках настоящего исследования, отношения между столичным городом (Пермь) и регионом (Пермский край) описываются в категориях самостоятельности («автономия») и подчинения в рамках властной иерархии («субординация»). При этом, мы допускаем, что муниципальная автономия — это всегда относительная самостоятельность и свобода, ограниченная субординацией по отношению к региону как политической единице. Ни субординация, ни автономия не являются абсолютными и не исключают друг друга. Взаимоотношения между краем и Пермью как региональной столицей динамичны по своей природе: в контексте тематически разнообразных ситуаций (градостроительство, выборы, ЖКХ, образование, бюджеты, политико-институциональное строительство и др.) эти отношения по-разному выстраиваются с точки зрения соотношения выбираемых регионалами и муниципалами стратегий самостоятельности / субординации, что проявляется в процессе установления городской повестки дня как самостоятельного феномена и одновременно как части краевой политической повестки. При этом для нас важным является вопрос о носителях (субъектах) повестки.

Пермский казус городской политики как процесса согласования интересов стал одним из эмпирических случаев, с помощью которых верифицировались положения теории городских режимов на российском материале (Борисова, 2010; Борисова, Ковина, Сулимов 2011; Borisova, 2011; Фадеева 2011; Фадеева 2013). Важным элементом развития локального режима в Перми виделась активизация общественного участия и правозащитной деятельности в 2000-е гг., что можно было рассматривать как ростки стихийно формирующейся прогрессистской коалиции. При этом ее роль в рамках локального режима не следовало переоценивать: очевидно это была «роль второго плана», значимая лишь в отдельные моменты. Важным, однако, было наличие в городе относительно значимых групп / сил, которые не сводимы ни к деятельности зависимых от властей распределительных коалиций, ни к деятельности политических и экономических акторов, конкурирующих друг с другом в борьбе за власть и ресурсы. (Борисова, 2010). Таким образом, в пространстве взаимодействия между городом и регионом могли оказаться не только очевидные игроки: локальная и региональная элита в виде городской и региональной властей, но и иные игроки, претендующие на субъектность и участие. В связи с этим, интерес представляют два связанных друг с другом вопроса: 1) какие поддерживающие коалиции стратегии (по линии самостоятельность / субординация) склонны выбирать российские локальные и региональные политические и бизнес-элиты, а также представители городской общественности в изменившемся политико-институциональном контексте первой половины 2010-х гг. и 2) как выбор стратегии влияет на процесс установления повестки дня (agenda setting)?

Под повесткой мы понимаем набор тем, подлежащих обсуждению, и вслед за М. Говлетом и М. Рамешем различаем системную (или публичную) и институциональную (или формальную / административную) «повестки». «Публичная повестка дня является регламентом для обсуждения, а институциональная — повесткой дня для действия, что указывает на начало процесса политики относительно этой проблемы» (Казаков, 2012). Важным отличием является и то, кто выступает субъектом повестки. И если системная повестка задается обществом², поскольку она затрагивает в первую очередь важные для общества вопросы, то субъектом институциональной повестки является власть³. Мы исходим из трех возможных вариантов соотношения повесток: 1) совпадение повесток, когда проблемы, актуальные для общества (групп), поддерживаются властью через принятие решения; 2) ситуация, когда власть идет на некоторые уступки, что обеспечивает частичную трансформацию публичной повестки в институ-

² Под обществом подразумеваются составляющие его элементы: социальные группы, группы интересов, гражданские организации, общественность в широком смысле этого слова, индивидуумы и т.п., которые являются носителями системной повестки и в некоторой констелляции репрезентируют её доминирующую версию, которая, впрочем, может и отсутствовать.

³ В лице конкретных властных органов, действующих в контексте нормативных правил и полномочий.

циональную, причем такой вариант, скорее всего, допускается властью в целях легитимации существующего политического прядка; 3) ситуация, когда происходит «разрыв повестки» — публичная повестка оказывается противоположной административной. В качестве метафорического это выражение используется в политическом лексиконе, а также в ряде научно-публицистических работ, посвященных изучению общественного мнения (Качкаева, 2008). Под «разрывом повестки» мы понимаем ситуационный случай полного несовпадения и пересечения публичной и административной повесток при решении значимых для местного (городского) сообщества вопросов и проблем, что выражается в фактическом игнорировании и / или выталкивании на периферию местной политики субъектов публичной повестки, но не влечет за собой пересмотр коалиционных соглашений и переконфигурацию городского режима.

Современный российский контекст значительно отличается от контекста западного, как минимум, в том смысле, что сложившийся в 2000-е гг. политический режим чаще всего маркируется экспертами и исследователями как гибридный (например, «электоральный авторитаризм») (Голосов, 2008; Умланд, 2009; Levitsky, Way, 2010; Ворожейкина, 2010; Гельман, 2012а; Гельман, 2012b; Рогов, 2014). Но намного важнее иная особенность современного российского общества — это предельно низкий градус *общественного (публичного)* интереса к проблемам местного (городского) значения, который бы трансформировался в реальное не только обсуждение, но и участие граждан в решении этих вопросов. Так, например, по данным исследования ИНСОР, проведенного в 2009 г., остается устойчивым и распространенным в российском общественном сознании «противопоставление власти и населения, недооценка возможности и ограниченность стремления влиять на власть и участвовать в принятии ею решений, высокий уровень иждивенческих настроений» (Российское местное самоуправление, 2008). Явный дефицит устойчивого и равноправного институционализированного диалога-сотрудничества между обществом и властью, также задают контекст взаимодействия региональных и локальных элит, а также влияют на субъектный характер последних в отношении установления повестки как части политико-управленческого цикла.

В качестве исследовательских случаев выступают два значимых и взаимосвязанных для Перми и Пермского края сюжета: реформа МСУ и принятие Устава г. Перми в 2010–2015 гг.

Новейший этап реформы МСУ был задан федеральным центром в конце 2013 г. в ежегодном послании президента Федеральному Собранию. Вместе с тем, проблема организации и конфигурации местной власти, например, в Пермском крае и его территориях актуализировалась задолго до старта федеральной реформы 2014–2015 гг. В регионе наиболее дискутируемым стал вопрос о порядке избрания / наделения полномочиями глав муниципалитетов.

В Перми прямые выборы мэра были отменены еще в 2010 г. с подачи губернатора Олега Чиркунова по решению Пермской городской думы. Со стороны краевых властей было оказано достаточно жесткое давление на городских политиков, в результате чего были внесены изменения в устав города, изменившие процедуру избрания градоначальника. Прямые выборы мэра были заменены на выборы мэра из числа депутатов Пермской городской думы. Это решение было принято без учета альтернативных позиций. Так, опрос «Левада-Центра» в Перми весной 2010 г. показал, что 79% пермяков на вопрос о том, нужны ли городу прямые выборы мэра, ответили «да» («Левада-Центр» установил, 2010). В свою очередь, по данным пермского аналитического агентства «СВОИ» 69,2% опрошенных пермяков ратовали за сохранение прямых выборов мэра (Нода, 2010). Горожане явно выражали широко распространенное нормативистское, но не актуализированное представление об устройстве городской власти. Вопрос был в том, сможет ли кто-то конкретизировать его в прагматической плоскости. Опросы были инициированы невластными субъектами (в том числе сформировавшейся группой правозащитников, политических экспертов и ученых, бывших депутатов, городских активистов), которые таким образом реагировали на процесс отмены прямых выборов мэра Перми. Проведение опросов и, что более важно, публичная активность по представлению их результатов являлось формой включения в публичную городскую повестку вопроса о возвращении прямых выборов мэра города. Эта повестка оказалась по своему содержанию альтернативной той, что предлагала администрация губернатора. Субъектами публичной повестки стали сторонники возвращения прямых выборов, объединившиеся в коалицию «За прямые пермские выборы». Членами коалиции предпринимался целый спектр действий, чтобы обратить внимание власти на важный, с их точки зрения, для города вопрос. Были проведены пикеты со сбором подписей в поддержку возвращения прямых выборов, в центре города был установлен «позорный столб» для депутатов гордумы, которые заявили о намерении отменить выборы главы города вопреки мнению большинства пермяков. Помимо публичных акций, пермские активисты обратились в районный суд с иском о признании незаконными изменения в Уставе Перми, которые повлекли за собой отмену выборов, но получили отказ в удовлетворении иска. В итоге жалоба была направлена в Конституционный суд РФ, однако суд не принял его к рассмотрению, поскольку посчитал вопрос не входящим в компетенцию Конституционного суда РФ (Астахов, 2011). Таким образом, многочисленные действия и старания общественников в проведении публичных акций, судебных разбирательств не способствовали включению вопроса о возвращении прямых выборов в институциональную повестку.

Главным же вопросом институциональной повестки был вопрос не о возвращении прямых выборов мэра, а их отмена. Субъектами институциональной повестки в тот момент были региональные власти, которые предпочли вообще не реагировать сколько-нибудь публично на требования / запросы сторонни-

ков прямых выборов. Позицию местных властей в тот момент с точки зрения стратегии, которой они следовали, можно описать как «подчинение», что означало отсутствие субъектной роли у городских политических элит (депутатов гордумы, мэра г. Перми И. Шубина) в процессе обсуждения вопроса о правилах формирования городской власти. События 2010 и 2011 гг. являются примером того, когда в городском политическом пространстве сформировалась альтернативная институциональной публичная повестка дня, ключевым вопросом которой сначала стали прямые выборы мэра Перми, а с 2011 г. и губернатора Пермского края.

Возможность превращения публичной повестки в институциональную наметилась в августе 2012 г., когда идея возвращения прямых выборов была поддержана главой города И. Сапко (в Перми создают рабочую группу по подготовке и внесению поправок в Устав города, 2012) и была создана рабочая группа по внесению изменений в Устав Перми, куда были включены представители общественной коалиции. На тот момент градоначальник активно высказывался в СМИ, участвовал в заседаниях рабочей группы, готовился представить поправки перед городской думой (Изотов, 2012). «Пермь, Пермский край — это одна из самых либеральных территорий, где уровень гражданского общества достаточно высокий. Это мое решение, и я буду активно убеждать депутатов в его правильности. Мы прожили определенный важный этап и сегодня мы готовы к тому, чтобы в Перми ввести прямые выборы главы города» (Изотов, 2012) — утверждал И. Сапко. В свою очередь губернатор В. Басаргин, только вступивший в свою должность, неоднократно высказывался в пользу прямых выборов глав муниципальных образований, подчеркивая, что «я, сторонник прямых выборов, поддерживаю институт создания сити-менеджеров. Прямые выборы должны быть обязательно» (Ромашкина, 2012). Через год губернатор подтвердил свою позицию относительно прямых выборов, написав в блоге: «Следующие выборы главы города в Перми должны быть прямыми. Я давно выступал с такой инициативой и все ветви власти поддерживают эту идею. Всё остальное — это технические моменты» (Басаргин, 2013). Изменение позиций региональных властей по вопросу о выборах мэра краевой столицы, равно как и фактическая претензия избранного уже по новым правилам (из числа депутатов гордумы) мэра Перми И. Сапко на приобретение субъектной роли в формировании городской повестки, происходило в качественно иных публично-политических условиях: состоялись все значимые федеральные, региональные и городские электоральные кампании (цикл осени 2011 — весны 2012 г.). Это означало, что публичные дискуссии и включение в них представителей региональной и городской властей были безопасными, поскольку даже положительное решение вопроса о возврате прямых выборов не означало немедленное проведение выборов по новым правилам. Более того, вновь назначенному губернатором Пермского края «варягу» В. Басаргину, равно как и не прошедшему «огонь и медные трубы»

прямых мэрских выборов И. Сапко, участие в такой дискуссии *тактически* добавляло очков их легитимности.

В свою очередь общественные активисты продолжали действия по воплощению публичной повестки в институциональную. Еще в августе 2011 г. при Пермской городской думе по инициативе мэра И. Сапко был создан Общественный совет, куда вошли представители пермских НКО, деятели науки и социальной сферы, с целью обсуждения вопросов, входящих в компетенцию ПГД. Предполагалось, что такой совет станет выполнять посреднические функции между городскими властью и обществом. В числе вопросов, которые этот совет должен был обсуждать, в 2012 г. стал вопрос об изменении устава города. Спустя пару месяцев была создана отдельная рабочая группа по подготовке и внесению изменений в устав, куда были включены, как уже было сказано, представители общественной коалиции, итогом работы которой стал согласованный пакет поправок, включая возвращение прямых выборов главы города. На тот момент, казалось, что классическая схема, описанная в западной литературе по трансформации системной (общественной) повестки в институциональную (административную), наконец-то произойдет. Но «встреча повесток» не закончилась включением вопроса о возвращении прямых выборов мэра Перми в административную повестку. Мэр И. Сапко, ссылаясь на отсутствие необходимых поправок в Федеральном законе (ФЗ № 131), так и не обратился с пакетом поправок в городскую думу в 2012 г. (Полина, 2012). Взаимодействие в 2013 г. было продолжено в формате разработки технического задания для подрядчика, который займется написанием нового Устава. Причем по замыслу авторов новая конституция города должна была не просто претерпеть частичные изменения, а быть полностью переписанной (исходя из реальных нужд современного города и его сообщества). Помимо возвращения прямых выборов главы города, эксперты предложили «найти варианты для исключения рисков отклонения бюджета в думе», провести активное публичное обсуждение проекта нового устава и сократить сроки разработки документа, чтобы оптимизировать и не затягивать процесс (Полина, 2013). Но на рубеже 2013–2014 гг. стало ясно, что местное самоуправление ожидают большие федеральные новации, и в 2014 г. городские политики опять заняли выжидательную позицию, отказываясь от инициативных действий, несмотря на еще имевшиеся возможности. И хотя сопротивление инициативной группы по изменению устава вновь продолжилось через двойное инициирование референдума (впоследствии инициативная группа получила на это двойной отказ), за эти годы борьбы, несмотря на кажущееся сближение повесток, фактически публичная повестка так и не приобрела формат институциональной. Причина тому в отсутствии среди городской политической элиты фактических субъектов принятия решения, а значит и субъектов повестки.

Отмена сначала прямых выборов губернаторов, а потом и прямых выборов мэров (прежде всего региональных столиц) сформировала особую конфигу-

рацию отношений региональных и местных властей в современной России, где и те, и другие были (вторые продолжают) неизбираемыми всенародным образом политиками и в силу этого обстоятельства явно ограничены в возможности участия в формировании публичной повестки (для этого у них просто нет электоральной арены). Будучи исключительно администраторами, высшие должностные лица региона и муниципалитетов не имеют политических стимулов к тому, чтобы обеспечивать «встречу» административной и публичной повесток. В этой ситуации сохраняются политико-институциональные условия для *доминирования стратегий подчинения*, когда муниципалы — городские чиновники и депутаты — не приобретают и/или не актуализируют потенциально существующую возможность быть субъектом повестки и решения. Но при этом они исключительно *тактически* ориентированы на легитимацию своих позиций, что ведет к таким акциям, как: 1) публичное согласие с тем, что обсуждать вопрос о возврате прямых выборов нужно и полезно; 2) приглашение представителей коалиции «За прямые пермские выборы» к обсуждению возможных программ развития города, составления техзадания на формирование нового Устава Перми и т.п.

Такое тактическое поведение городских властей, с одной стороны, обеспечивает институциональные возможности для формального участия субъектов публичной повестки в обсуждении локально значимых вопросов, касающихся не только Устава Перми, вопроса о возврате прямых выборов, но и вопросов из области градостроительства, образования, ЖКХ или культуры. Представители общественности широко включены в различного рода общественные советы при думе, мэре, губернаторе и т.д. Но, с другой стороны, выбор местных элит в пользу стратегии «подчинения» по отношению к региональным (прежде всего, властям) и фактический отказ от политической субъектности блокирует появление у реальных субъектов публичной повестки (в нашем случае это коалиция «За прямые пермские выборы») институциональных возможностей для продвижения желаемого решения, поскольку все эти общественные советы правом законодательной инициативы не обладают. Получается, что связанные и взаимообусловленные отсутствующая политическая субъектность муниципалов и их выбор в пользу стратегии подчинения делают институты представительства и участия граждан в решении местных вопросов имитационными по своему характеру.

Новый этап реформы местного самоуправления, который получил в мае 2014 г. законодательное оформление, — ФЗ № 136 (О внесении изменений в ст. 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления РФ»), вновь актуализировал дискуссию о процедурах формирования органов исполнительной власти. Но на этот раз федеральный законодатель дал возможность каждому

субъекту самостоятельно подготовить проект закона, который будет принят непосредственно в каждом субъекте, т.е. сформировать ту модель местного самоуправления, которая отвечает специфике региона (Решетникова, 2014). По словам заместителя председателя Госдумы С. Неверова, «кардинальные различия, например, между регионами страны, не позволяют "упаковать" всю муниципальную проблематику в одну-две схемы... Теперь же регионы могут установить, как широкий перечень полномочий МСУ, так и ограничить его минимальным объемом, закрепленным федеральным законом» (Неверов, 2014).

В Пермском крае реформа МСУ вызвала интерес: было предложено пять вариантов проекта закона. Четыре инициативы были подготовлены депутатами Законодательного собрания края А. Бурнашовым, И. Шулькиным, А. Луканиным и фракцией КПРФ. Общим содержательным моментом этих инициатив было предложение по установлению прямых выборов глав городских округов и муниципальных районов. Пятый проект, внесенный в Законодательное собрание Пермского края от Совета муниципальных образований Пермского края (Совета МО), фактически был инициирован администрацией губернатора и «настойчиво рекомендован депутатам Законодательного собрания в качестве базового для принятия в первом чтении» (Повальный сити-менеджмент, 2014).

Экспертные интервью, с главами муниципалитетов⁴, которые и входят в состав Совета МО, свидетельствуют о фактическом разрыве между обсуждавшимся и фактически реализованным вариантом реформы. По словам самих глав, «в территориях действительно проводились обсуждения, были дискуссии, споры, относительно лучшей модели организации власти на местном уровне, однако большинство сходилось во мнении необходимости сохранения прямых выборов как формы непосредственного волеизъявления народа, как неотъемлемой части самоуправления, даже не части, а основы». То есть речь идет о том, что в территориях края, в т.ч. и за пределами региональной столицы локальные политические элиты публично озвучивали, хотя и с опасением, свои предпочтения в отношении сохранения прямых выборов глав муниципалитетов, а их аргументация, как правило, строилась на нормативном представлении об институциональном устройстве и функционале МСУ. Эксперты отмечают, что их мнением только лишь поинтересовались, но фактически не учли при принятии решений: «Процесс обсуждения происходил, но почему-то приняли все наоборот. ... В администрации губернатора свои правила: нас никто не спрашивал. Вернее, про мнение спросили, но про него потом забыли...». В целом надо отметить, что у муниципалов достаточное количество претензий к новому закону, которые при разговоре они эмоционально выражают. Например, говорят об отсутствии четкого распределения полномочий и ответственности за их исполнения как между органами самоуправления и государственной властью, так и между муниципали-

⁴ Экспертные интервью проводились зимой-весной 2015 г. в Перми и территориях Пермского края (выборка составила 12 интервью).

татами в зависимости от их статуса административного управления: «Местное самоуправление сейчас — «мальчик для битья» — полномочия, прописанные в законе «разъезжаются»: отвечает один, полномочия у другого, а спрашивают с третьего. Причем зачастую приехавший с проверкой представитель региональной власти не знает в сельское или городское поселение он приехал. И вообще люди «на верху» не знают, что у нас происходит, да им это и не интересно». «Если бы хоть один депутат ЗС понимал работу глав муниципальных районов или дела на этом уровне, никогда бы не приняли такую схему...».

Другая претензия, которую озвучивают главы муниципалитетов, касается недостаточного финансирования и справедливого замечания относительно взаимозависимой связи между развитием демократических норм, институтов (например, возможность избрания путем прямого всеобщего голосования) и финансовой автономией. «Нет бюджета для исполнения полномочий, какой смысл тогда самоуправления?» (Неверов, 2014) или «нет финансовых полномочий, невозможно устанавливать народовластие». Эксперты отмечают прямую зависимость между их политической лояльностью и финансовым обеспечением вверенной им территории: «Денег больше получает тот, кто выражает лояльность к региональной власти»; «Нужно ведь еще понимать, что, высказывая свое мнение, не дай бог попадешь в черный список».

В первоначальном варианте проект Совета МО устанавливал, что посредством прямого волеизъявления граждан формируется представительный орган муниципалитета. А порядок избрания глав предлагалось сохранить таким, каким он уже установлен в уставах муниципальных образований на момент принятия закона. Важно отметить, что изначально из 48 глав муниципальных районов в 41 муниципалитете избирали главу прямым способом (Пояснительная записка к проекту закона «О порядке формирования, организации и деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований в Пермском крае», 2014). Таким образом, принципиальное отличие этого проекта от «депутатских» заключалось не в отказе от выборов, а в статусе избранного главы. Проект предусматривал повсеместное введение так называемых сити-менеджеров (глав администраций, назначаемых по результатам конкурса), т.е. как бы глава не был избран, после этого должен возглавить представительный орган. Однако депутат Законодательного собрания Г. Кузьмицкий от фракции КПРФ внес поправку о том, что «глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава», что фактически отменяло прямое избрание глав во всех районах, городах и поселениях Пермского края. Примечательно, что Кузьмицкий входил в 2010–2012 гг. в коалицию «За прямые пермские выборы», но главное — эта поправка оказалась совершенно неожиданной для большинства участников публичного обсуждения вопроса.

Реакция общественных деятелей (представители Пермской гражданской палаты, Центра ГРАНИ, политологи, научные и культурные деятели) на поправку

последовала незамедлительно, и губернатору было направлено открытое письмо с просьбой не подписывать законопроект, вернуть его на доработку (Аверкиев, Агишева, Ковин, Маковецкая, Подвинцев, Сулимов, 2014). Уполномоченный по правам человека Т. Марголина также выразила несогласие с инициативой (Новость от 21 ноября 2014 г.). Однако это возмущение не получило сколь-нибудь значимого распространения как минимум в публичном медийном пространстве, которое к 2014 г. было серьезным образом переформатировано и взято под контроль администрацией губернатора в лице заместителя главы администрации губернатора К. Маркевича. Тот же сегмент медийного рынка, который оказался в зоне контроля относительно автономных по отношению к губернатору политиков краевого уровня, прежде всего депутата ЗСПК Д. Скриванова, ограничен технологически: издание даже в интернет-версии пары-тройки газет не заменяет ТВ-трансляции. Да и сам Д. Скриванов не был в числе депутатов — авторов альтернативных законопроектов о реформе МСУ в Пермском крае, что, полагаем, свидетельствует минимум об отсутствии у него на тот момент интереса к локальной политике. Это означает, что публичная повестка как «повестка на предъявителя» осталась без последнего. Закон был принят в ноябре 2014 г. с поправкой Г. Кузьмицкого (Закон Пермского края от 26.11.2014 г. № 401-ПК «О порядке формирования представительных органов муниципальных образований Пермского края и порядке избрания глав муниципальных образований Пермского края»).

Показательной оказалась история с изменением Устава Перми в 2015 г. Разработкой проекта изменений городского Устава, выиграв муниципальный конкурс, занялось пермское отделение «Ассоциации юристов России». Члены рабочей группы по подготовке и внесению изменений в устав, которые участвовали в разработке технического задания, фактически были исключены из этого процесса. В новом варианте устава была предложена новая схема формирования городской думы. Разработчики предложили ввести смешанную систему, где 22 депутата будут избираться по одномандатным округам, а 14 по партийным спискам. Такой вариант формирования городской думы оказался неожиданным для общественников — экс-членов рабочей группы по изменению устава. За пару дней до официальных публичных слушаний они организовали альтернативные слушания, в которых любой горожанин мог принять участие в обсуждении нового проекта устава. Участники альтернативных слушаний отмечали, что несмотря на то, что существует достаточное количество вариантов и форм взаимодействия власти с жителями города, прописаны они не системно и формально, есть те формы, которые не реализуются на деле (референдумы) (Лазарев, 2015). Например, известный пермский гражданский активист и учредитель фонда «Дедморозим» Д. Жебелев справедливо указывал на то, что любая форма взаимодействия не будет работать без политических рычагов, а точнее без возможности прямого избрания главы города. Политические эксперты, принимавшие участие в альтернативном обсуждении проекта Устава, отмечали, что новая схема формирования гордумы принимается конкретно под выборы

2016 г.: «в основе лежит создание ситуации неопределённости, чтобы поиграть с нарезкой округов и заставить депутатов конкурировать друг с другом, получить для себя преимущества» (Лазарев, 2015).

Официальные публичные слушания, организованные городскими властями, дали положительную оценку проекту устава. Группа общественников (организаторов альтернативного обсуждения) подала в суд на нарушения процедуры проведения публичных слушаний. Но суд не увидел оснований в удовлетворении иска и отказал в повторном проведении публичных слушаний. Депутаты же проголосовали за предложенный администрацией проект Устава Перми без сколько-нибудь серьезного его обсуждения.

Наконец, в марте 2015 г., после очередной федеральной новации, в региональный закон о порядке избрания глав муниципальных образований (№ 401-ПК) была внесено изменение, согласно которому «глава муниципального образования Пермского края избирается представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса». Не обсуждая здесь предметно содержание этой новеллы, необходимо отметить, что речь идет о довольно серьезной трансформации самой логики устройства муниципальной власти, сложившейся с момента муниципальной реформы 2003 г. Если до этого момента вся борьба шла в пространстве привычных и устоявшихся моделей формирования и взаимодействия муниципальных органов, то сейчас был введен в действие сначала федеральным законодателем как возможность в ряду других, а потом региональным законодателем как инвариант принципиально новый формат. Но значимого публичного обсуждения, не говоря уже о борьбе, по этому поводу не было. Региональная дискреция не встретила никого сопротивления.

Таким образом, можно отметить несколько важных моментов. Во-первых, г. Пермь можно рассматривать как основной объект реформы и место взаимодействия основных носителей повестки и то пространство, где повестки находили свое выражение, тем самым определить и выделить его как городское измерение повестки. Во-вторых, в пространстве городского измерения повестки важным является вопрос о возвращении / сохранении прямых выборов мэра города. В-третьих, можно говорить о формировании и наличии в городском измерении двух повесток: *публичная* повестка, носителем которой является общественность г. Перми (коалиция «За прямые пермские выборы», ученые, правозащитники, общественные активисты). Содержательно их повестка заключается в возвращении прямых выборов. И *институциональная* повестка, носителем последней является региональная власть (в основном в лице администрации губернатора), позиция которой корректируется федеральным центром, и в данном случае выступающая за отмену / невозвращение прямых выборов.

Процесс реформирования системы МСУ в Пермском крае свидетельствует о том, что публичная и административная повестки крайне редко оказываются

совпадающими. Публичная повестка (в данном случае — ожидания о возвращении / сохранении прямых выборов) оказывается противоположной институциональной в силу несовпадения их субъектов. При всем видимом «плюрализме» и конкуренции идей, победу одерживают и попадают в административное поле повестки те варианты решений, которые содержательно иницируются и / или поддерживаются региональной властью.

В связи с этим, представляется, что условия формирования ситуации, метафорически описываемой как «разрыв повестки», связаны с потерей и / или не приобретением субъектности и наличием / отсутствием стимулов у акторов (преимущественно у городских пермских политиков) к реальным политическим действиям. Попытки овладения субъектной ролью в процессе реформы не раз предпринимали общественники, правозащитники, гражданские активисты, действуя на основе вполне нормативных стимулов — вернуть возможность голосовать и выбирать главу города, но у них как у акторов нет политико-институциональных возможностей довести до институционального состояния этот вопрос, поскольку необходимо участие в этом процессе политиков и чиновников, как обладающих институциональными и процедурными возможностями для завершения политико-управленческого цикла принятием решения. Следует отметить, что попытка приобрести субъектную роль была предпринята депутатами ЗСПК через инициирование альтернативных законопроектов о МСУ. Однако стимулы и цели, которыми руководствовались депутаты, по большей части, носили не нормативный, но утилитаристский характер, и, как и в случае с активностью мэра Перми И. Сапко в 2012 г., это была не стратегия, а скорее тактические действия. Каждый из них, скорее всего, понимал невозможность превращения своего проекта в базовый, но использовал право на инициативу в интересах наращивания своего публично-политического веса, узнаваемости. Главы и спикеры ассамблей муниципалитетов Прикамья, будучи вовлеченными в процесс обсуждения законопроекта о МСУ, в своих действиях руководствовались также не нормативными, а утилитаристскими стимулами. Для них ключевой задачей является проблема выживания, которая напрямую связана с финансированием МО и бюджетной зависимостью от региональной власти. Находясь в положении такого политико-экономического подчинения, муниципальные власти сталкиваются с выхолащиванием своей политической субъектности.

Резюмируя, можно отметить, что решения, которые принимались относительно реформы МСУ и нового Устава Перми оказались схожими. Действия происходили практически по одному и тому же сценарию: сближение публичной и институциональной повесток на начальном этапе взаимодействий, активное участие и поддержка властями общественных ожиданий, затем резкий откат, исключение общественников и оппозиционных политиков из процесса обсуждения реформы / устава и форсированное принятие решения с кардинально иным содержанием.

Основным носителем административной повестки и субъектом принятия решений в обоих случаях является региональная власть (администрация губернатора), использующая в этих случаях исключительно стратегию субординации. Ее главный стимул к действию продиктован чисто технической и прагматической целью — контролировать расклад сил на предстоящих федеральных и региональных выборах. Именно под эту цель были отменены прямые выборы и принята новая схема избрания депутатов. И если в первом случае агентами краевой власти выступили Совет муниципальных образований и депутат Г. Кузьмицкий, за счет которых удалось провести проект, закрепляющий отмену прямых выборов, то в случае с уставом эту роль выполнили неполитизированная «Ассоциация юристов России». И несмотря на то, что общественники как носители публичной повестки исходят из своей активной гражданской позиции, руководствуются нормативными стимулами создать «работающий» устав, субъектная политическая роль в сложившейся политико-институциональной ситуации им не принадлежит.

Библиографический список

1. Аверкиев, И. В., Агишева, Н. В., Ковин, В. С., Маковецкая, С. Г., Подвинцев, О. Б., Сулимов, К. А. (2014). Открытое письмо губернатору Пермского края (24 ноября). Режим доступа: <http://www.pgpalata.ru/news/241114>
2. Астахов, Д. (2011). Конституционный суд не стал рассматривать иск об отмене прямых выборов мэра (7 ноября). Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1832718>
3. Басаргин, В. (2013). Блог Губернатора Пермского края (19 ноября). Режим доступа: <http://basargin.livejournal.com/31195.html>
4. Борисова, Н. (2010). Пермь: локальный режим в крупном российском городе. *Неприкосновенный запас*, 70, 92–103.
5. Борисова, Н., Ковина, О., Сулимов, К. (2011). Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов. *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*, 1, 5–14.
6. В Перми будет создана рабочая группа по подготовке и внесению поправок в Устав города (2012, 28 августа). Режим доступа: <http://glava.perm.ru/news/2012/08/53354/>
7. Ворожейкина, Т. (2010). Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия (25 мая). Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2010/05/25/vorozheikina#_ednref3
8. Гельман, В. (2012а). Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России. *Неприкосновенный запас*, 84, 4–15.
9. Гельман, В. (2012б). Расцвет и упадок электорального авторитаризма. *Полития*, 4, 65–88.
10. Голосов, Г. (2008). Электоральный авторитаризм в России. *Pro et Contra*, 1, 22–35.
11. Изотов, И. (2012). Глава Перми намерен вернуть прямые выборы мэра (12 июля). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/07/12/reg-pfo/perm-sapko-anons.html>

12. Казаков, А. А. (2012). Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История*, 1, 138–143.
13. Качкаева, А. Г. (2008). *Идентичность в «виртуальной реальности» телевидения и социальных сетей: «драматический разрыв повесток дня»*. Москва: МГУ.
14. Лазарев, И. (2015). Изъяны «городской конституции» (8 июля). Режим доступа: <http://zvzda.ru/articles/3c2bbd6330c6>.
15. «Левада-Центр» установил, что пермяки — за прямые выборы главы города. (2010, Май). Режим доступа: <http://pgpalata.ru/news/100525>
16. Неверов, С. (2014). «Самоуправление: модель для сборки» (20 мая). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/20/model.html>
17. Новость от 21 ноября 2014 г. Режим доступа: <http://ombudsman.perm.ru/news/2014/11/21/5208/>
18. Нода, А. (2010). Пермяки за прямые выборы мэра (16 мая). Режим доступа: <http://pgpalata.ru/news/1005191>
19. Повальный сити-менеджмент, репрессии для «Перми-36» и путешествие Ордена Ленина. Топ-5 самых громких конфликтов года в Прикамье (2014, 29 декабря). Режим доступа: http://fedpress.ru/news/conflict_map/socpolitical_conflicts/1419863832-rovalnyi-siti-menedzhment-repressii-dlya-permi-36-i-puteshestvie-ordena-leni
20. Полина, Д. (2013). Рабочая группа при гордуме утвердила техзадание для новой редакции Устава Перми (4 декабря). Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2360026>
21. Полина, Д. (2012). Выборы не лезут в пакет (10 ноября). Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2064718>
22. Пояснительная записка к проекту закона «О порядке формирования, организации и деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований в Пермском крае» (2014). Режим доступа: <http://zakon.zsperm.ru/data/docs/31641.pdf>
23. Решетникова, Н. (2014). Муниципальный выбор (15 мая). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/15/reg-sibfo/samoupravlenie.html>
24. Рогов, К. (2014). Ресурсы электорального авторитаризма. *Общая тетрадь*, 1, 48–55.
25. Ромашкина, Л. (2012). Пермский край по версии Виктора Басаргина (30 апреля). Режим доступа: <http://59.ru/text/news/513936-print.html>
26. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. (2008). Режим доступа: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>
27. Умланд, А. (2009). Электоральный авторитаризм на постсоветском пространстве (15 апреля). Режим доступа: <http://www.geopolitika.lt/?artc=3316>
28. Фадеева, А. (2011). Формы взаимодействия бизнеса и местной представительной власти (на примере Перми). *Человек, Сообщество, Управление*, 3, 73–86.
29. Фадеева, А. (2013). «Коалиции роста» в городской политике (на примере Перми). *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*, 2, 66–78.
30. Borisova, N. (2011). Perm: a Local Regime in a Large Russian City. *Russian Politics and Law*, 49, 85–96. DOI: 10.2753/RUP1061–1940490409

31. Levitsky, S. & Way L. (2010). *Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold war*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 17.12.2015.

.....

**“WHEN THE FIRST ONE HAS NO ABILITY AND THE SECOND ONE HAS NO WISH, THE THIRD ONE ALWAYS DOMINATES”:
TO THE ISSUE OF POLITICAL AGENT’S ROLE IN MUNICIPAL
REFORM IN PERM AND PERM REGIONI**

Borisova N. V., Petrova R. I., Sulimov K. A.

Borisova Nadezhda Vladimirovna, Perm State University,
614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15. E-mail: nadezhda2@yandex.ru.

Petrova Regina Igorevna, Perm State University,
614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15. E-mail: rance.regina@mail.ru.

Sulimov Konstantin Andreevich, Perm State University,
614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15. E-mail: ksulimov@yandex.ru.

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 15–18–00034
“Securing a balance in interethnic relations: regional autonomies, the state integrity
and the rights of ethnic minoritie”.

This article focuses on the problem of political interactions of the entity and municipalities in contemporary Russia through the case study of the question on municipal government formation being important for both sides. This question has become more significant due to federal law innovations introduced (2014–2015). According to the last federal decisions, entities have discretionary powers. At the same time, the history of the question has been essential in many regions. Decision making on municipal government formation in Perm region has been developing in conditions of three interested groups’ interactions: 1) regional, 2) local political elites, and 3) a public coalition. All of them claimed on agent’s role through formation and representation of their own public and institutional agendas. The configuration of the agendas’ overlap and gaps constitutes the transformation of institutional design of local government in Perm and the Perm region. Overlap of three public agendas in 2012 that primarily produced the possibility to introduce reforms convenient for everyone, gave way to the agendas gap with the extreme terminals occupied by the public coalition (insisting on the necessity of direct elections of municipal heads) and the regional executive power (promoting a diametrically opposed option). This revealed subjectivity of the interested parties. Perm local elite demonstrated that it is not an “urban political class” being a casual conglomerate of numerous particular and individual interests. The members of this conglomerate did not have the unity of political instruments, resources and commitment. Their last claim on public position was disavowed because it was not the position of the whole “class”. More likely, it was tactics of individual members who had another strategic aim — to survive individually in the context of any institutional forms. The public coalition did not find any allies for two following reasons: 1) the specific characteristics of local “political class” and 2) their limited social basis. Moreover, the public coalition policy was rigid and prevented possibilities for any compromises. Therefore, the regional political elite (the governor administration) was only real political agent. It easily promoted its own decision in conditions of opportunistic attitudes and weakness of other interested groups.

Keywords: political power, political agents, local government, strategies of political interactions, political elites, urban politics.

References

1. Astakhov, D. (2011). Konstitutsionnyi sud ne stal rassmatrivat' isk ob otmene priamykh vybora mera [The Constitutional court did not entertain the claim for cancelling the mayoral election results] (November, 7). Retrieved from: <http://www.kommersant.ru/doc/1832718>
2. Averkiev, I. V., Agisheva, N. V., Kovin, V. S., Makovetskaia, S. G., Podvintsev, O. B. & Sulimov, K. A. (2014). Otkrytoe pis'mo gubernatoru Permskogo kraia [Open letter to the governor of the Perm region] (November, 24). Retrieved from: <http://www.pgpalata.ru/news/241114>
3. Basargin, V. (2013). Blog Gubernatora Permskogo kraia [Blog of the Governor of Perm region] (November, 19). Retrieved from: <http://basargin.livejournal.com/31195.html>
4. Borisova, N. (2010). Perm': lokal'nyi rezhim v krupnom rossiiskom gorode [Perm: local regime in a large Russian city] *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency story], 70, 92–103.
5. Borisova, N. (2011). Perm: a Local Regime in a Large Russian City. *Russian Politics and Law*, 49, 85–96. DOI: 10.2753/RUP1061–1940490409
6. Borisova, N., Kovina, O. & Sulimov, K. (2011). Koalitsii v gorodakh Prikam'ia: faktory formirovaniia i sokhraneniia gorodskikh politicheskikh rezhimov [Coalitions in Prikamie cities: factors of urban regimes formation and transformation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya* [Review of Political Science], 1, 5–14.
7. Fadeeva, A. (2011). Formy vzaimodeistviia biznesa i mestnoi predstavitel'noi vlasti (na primere Permi) [Forms of co-operation between business entities and local representative agencies of state power (through the example of Perm)]. *Chelovek, Soobshchestvo, Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 73–86.
8. Fadeeva, A. (2013). “Koalitsii rosta” v gorodskoi politike (na primere Permi) [Coalitions of growth in municipal politics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya* [Review of Political Science], 2, 66–78.
9. Gelman, V. (2012a). Rezhim, oppozitsiia i vyzovy elektoral'nomu avtoritarizmu v Rossii [Regime, opposition and challenges for electoral authoritarianism in Russia]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency story], 84, 4–15.
10. Gelman, V. (2012b). Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma [Rise and decline of electoral authoritarianism]. *Politiia* [Politeia], 4, 65–88.
11. Golosov, G. (2008). Elektoral'nyi avtoritarizma v Rossii [Electoral authoritarianism in Russia]. *Pro et Contra*, 1, 22–35.
12. Izotov, I. (2012). Glava Permi nameren vernut' priamyie vybory mera [The head of Perm intends to return direct mayoral elections] (July, 12). Retrieved from: <http://www.rg.ru/2012/07/12/reg-pfo/perm-sapko-anons.html>
13. Kachkaeva, A. G. (2008). *Identichnost' v “virtual'noi real'nosti” televideniia i sotsial'nykh setei: “dramaticheskii razryv povestok dnia”* [Identity in “virtual reality” of TV and social networks: “a dramatic gap of agendas”]. Moscow: MGU.
14. Kazakov, A. A. (2012). Teoretiko-metodologicheskii potentsial kategorii “mediinaia povestka dnia”: vozmozhnosti i ogranicheniia [Theoretic and methodological potential of concept “mass media agenda”: possibilities and limits]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriiia* [Science journal of VolSU. History], 1, 138–143.

15. Lazarev, I. (2015). Iz"iany "gorodskoi konstitutsii" [Defects of "city Charter"] (July, 8). Retrieved from: <http://zvzda.ru/articles/3c2bbd6330c6>
16. "Levada-Tsentr" ustanovil, chto permiaki — za priamye vybory glavy goroda [Levada-centre: Perm citizens called for direct mayoral elections]. (May of 2010). Retrieved from: <http://pgpalata.ru/news/100525>
17. Levitsky, S. & Way, L. (2010). *Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold war*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Neverov, S. (2014). "Samoupravlenie: model' dlia sborki" [Local autonomy: the model kit] (May, 20). Retrieved from: <http://www.rg.ru/2014/05/20/model.html>
19. Noda, A. (2010). Permiaki za priamye vybory mera [Perm citizens called for direct mayoral elections] (May, 16). Retrieved from: <http://pgpalata.ru/news/1005191>
20. Novost' ot 21 noiabria 2014 g. [News dated November 21, 2014]. Retrieved from: <http://ombudsman.perm.ru/news/2014/11/21/5208/>
21. Poiasnitel'naia zapiska k proektu zakona "O poriadke formirovaniia, organizatsii i deiatel'nosti organov mestnogo samoupravleniia munitsipal'nykh obrazovaniu v Permskom krae" [Explanatory note for Law "On order of local government formation, organization and activities in Perm region"]. (2014). Retrieved from: <http://zakon.zsperm.ru/data/docs/31641.pdf>
22. Polina, D. (2013). Rabochaia gruppa pri gordume utverdila tekhzadanie dlia novoi redaktsii Ustava Permi [Working group of the City Duma has approved a technical task on the Perm Charter new edition] (December, 4). Retrieved from: <http://www.kommersant.ru/doc/2360026>
23. Polina, D. (2012). Vybory ne lezut v paket [Elections cannot be added to the package] (November, 10). Retrieved from: <http://www.kommersant.ru/doc/2064718>
24. Poval'nyi siti-menedzhment, repressii dlia "Permi-36" i puteshestvie Ordena Lenina. Top-5 samykh gromkikh konfliktov goda v Prikam'e [Epidemic city-management, repressions for "Perm-36" and the Lenin order journey. Top-5 of the most scandalous conflicts of the year in Prikamie]. (December 29, 2014). Retrieved from: http://fedpress.ru/news/conflict_map/socpolitical_conflicts/1419863832-povalnyi-siti-menedzhment-repressii-dlya-permi-36-i-puteshestvie-ordena-leni
25. Reshetnikova, N. (2014). Munitsipal'nyi vybor [Municipal choice] (May, 15). Retrieved from: <http://www.rg.ru/2014/05/15/reg-sibfo/samoupravlenie.html>
26. Rogov, K. (2014). Resursy elektoral'nogo avtoritarizma [Electoral authoritarianism resources]. *Obshchaia tetrad'* [Notebook], 1, 48–55.
27. Romashkina, L. (2012). Permskii krai po versii Viktora Basargina [Perm region according to Victor Basargin] (April, 30). Retrieved from: <http://59.ru/text/news/513936-print.html>
28. Rossiiskoe mestnoe samoupravlenie: itogi munitsipal'noi reformy 2003–2008 gg. Analiticheskii doklad Instituta sovremennogo razvitiia [Russian local government: results of the municipal reform of 2003–2008. Analytical report of the Institute of Contemporary Development]. (2008). Retrieved from: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>
29. Umland A. (2009). Elektoral'nyi avtoritarizm na postsovet'skom prostranstve [Electoral authoritarianism in the post-Soviet space] (April, 15). Retrieved from: <http://www.geopolitika.lt/?artc=3316>

30. V Permi budet sozdana rabochaia gruppa po podgotovke i vneseniiu popravok v Ustav goroda [A working group on developing and introducing amendments to the city Charter will be created in Perm]. (August 28, 2012). Retrieved from: <http://glava.perm.ru/news/2012/08/53354/>
31. Vorozheikina, T. (2010). Avtoritarnye rezhimy XX veka i sovremennaia Rossiia: skhodstva i otlichii [Authoritarian regimes of the 20th Century and of the contemporary Russia: similarities and differences] (May, 25). Retrieved from: http://www.polit.ru/article/2010/05/25/vorozheikina#_ednref3

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ¹

Берберян А. С., Найденов В. Г.

Берберян Ася Суреновна, Российско-Армянский (Славянский) университет,
0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Эл. почта: aspsy@inbox.ru.

Найденов Владимир Глебович, Российско-Армянский (Славянский)
университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Эл. почта: specinstrum@yandex.ru.

В статье проводится анализ понятий этнической идентичности и толерантности, результаты исследования их взаимосвязи. Целью работы является исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности. Для полноценного понимания этнической толерантности были проанализированы содержательные характеристики и уровни этнической идентичности.

Выборку исследования составили армянские и русские студенты, проживающие на территории Республики Армения, общее количество 98 чел. Исследование было проведено с использованием следующих методик: авторская этнопсихологическая анкета, экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова), типы этнической идентичности (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова).

На основании результатов эмпирического исследования было выявлено, что у большинства респондентов наличествует позитивная этническая идентичность, у меньшинства — этнонигилизм, этноэгоизм и этническая индифферентность. Как у этнических русских, так и этнических армян преобладает высокий общий уровень толерантности и средний уровень этнической толерантности. По результатам авторской анкеты была определена субъективная значимость этнической принадлежности, интерес к истории своего народа, традициям и культуре при общем положительном отношении к другим национальностям было отмечено негативное отношение к некоторым национальностям.

Результаты проведенного исследования подтвердили предположение о том, что существует положительная корреляция между позитивной этнической идентичностью и высоким уровнем толерантности армянских и русских студентов (сильная корреляция по Пирсону).

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность, этнокультурные ценности, армянская и русская молодежь.

¹ Статья подготовлена при поддержке ГКН МОН РА в рамках армяно-российского гуманитарного совместного научного проекта РГ16-07 «Психологический аспект формирования самопонимания личностью национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

В последнее время среди исследователей проблемы идентичности возрастает интерес к изучению тенденций сохранения и обогащения своей национальной культуры, своих традиций и обычаев, культурной самобытности народов, представителей различных этнических групп. Это приводит к стремлению осознать свою принадлежность к определенной этнической группе, к самопониманию своей этнической идентичности, особенностей самоидентификации.

Этнокультурное многообразие современного общества в контексте интеграционных процессов фактически охватывает весь цивилизованный мир. Этот феномен ученые назвали «этническим парадоксом современности», который ярко проявляется в «сочетании несочетаемого»: сосуществовании глобализационных процессов одновременно с повышенным вниманием и интересом к национальным обычаям и традициям этнической общности.

Целью работы является исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности. Гипотеза настоящего исследования заключается в предположении о том, что позитивная этническая идентичность, обусловленная позитивным самопониманием, взаимосвязана с высоким уровнем этнической толерантности.

Понятие «идентичность» перекликается с дихотомией «социальное — персональное», дополняя и обогащая смысл традиционных понятий «Я — концепция», «Образ — Я». Значительный вклад в разработку концепта «идентичность» внес Э. Эриксон. Он отмечал, что «идентичность является процессом организации жизненного опыта в «Я», происходящим в процессе жизнедеятельности человека, а сам он обладает определенной энергией, которая определяет динамику развития личности» (Erikson, 1994). Дж. Марсиа разработал статусную модель идентичности, в соответствии с которой он рассматривал идентичность в качестве особой структуры «Эго» (Marcia, Waterman, Matterson, Archer & Orlofsky, 2011). По нашему мнению, предположение Дж. Марсиа о паттернах решения проблем, проявляющихся через данную структуру, дает основание говорить о взаимосвязи проблем непосредственно саморазвития, которые проявляются в социальной сфере, личной жизни, системе ценностных ориентаций, с этнической идентичностью (Берберян, Тучина, 2014). Дж. Финни (1992) предложил модель развития этнической идентичности, которая сочетает теоретические подходы Э. Эриксона и Дж. Марсиа. Основной акцент в данной модели направлен на трехстадийное формирование этнической идентичности от подросткового возраста до периода зрелости.

И. Гоффман описывает уникальный парадоксальный феномен: личная идентичность выявляется через социальное взаимодействие, через социум. Эта идея имеет важное значение для цели нашего исследования. Многие современные ученые (Т. Г. Стефаненко, Г. Г. Шпет) выдвигают положение о рассмотрении идентичности как открытой потенциальной системы, имеющей интенцию на возможные выборы (Лебедева, Татарко, 2002). Н. М. Лебедева указывает, что

этническая идентичность — это «психологическая категория, которая выражает представление субъекта о своей принадлежности к определенной этнической общности наряду с эмоциональным и ценностным значением этого членства» (Лебедева, Татарко, 2011). Этническая идентичность — такое динамическое явление, которое предполагает взаимосвязь идентификационных особенностей личности (Солдатова, 1998; Стефаненко, 1999). Этническая идентичность — динамическое образование, социум накладывает свой отпечаток на проявление идентичности в зависимости от личностных особенностей и характеристик внешней среды: моноэтнической либо полиэтнической.

В современных социально-психологических науках толерантность, наряду с понятием идентичности, находится в центре внимания все большего числа исследований. Впервые к данному понятию обратились: Вольтер в «Трактате о веротерпимости», Дж. Локк в «Письме о веротерпимости» и др. В настоящее время проблемы этнической толерантности представлены в работах зарубежных (Э. Аронсон, Д. Кэмпбелл, Д. Мацумото (2002), С. Московичи (2000), Г. Тэджвел (1981), Г. Триандис (1999)) и отечественных психологов (А. В. Ананина (2015), И. Б. Андрущак, Н. М. Лебедева (2002), Б. Д. Парыгина, Л. Г. Почебут, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко (2005)).

Дискуссия о природе толерантности близка дискуссии о сущности идентичности, в частности этнической идентичности. Понятие толерантности, отождествляемое многими исследователями с понятием терпимости, имеет более глубокое содержательное направление.

Толерантность — это определенное отношение человека к другим людям, не ограничивающееся только предвидением помощи и поддержки других людей, это отношение лояльности, терпимости и в крайнем случае нейтральное отношение к людям (Лебедева, Татарко, 2002). Изучение толерантности как этнокультурной нормы свидетельствует о том, что в различные эпохи и в разных этнокультурных контекстах она приобретает различный смысл, в основе которого лежат универсальные ценности.

Этнокультурные ценности, культурная самобытность вступают в противоречие с глобализационными процессами. Толерантность понимается как универсальная категория, символизирующая универсальность, более того, она примирят две противоречащие тенденции: стремление к интеграции и стремление к мультикультурности.

Этническая толерантность может быть рассмотрена как компромисс между конкурирующими культурами и сохранением разнообразия, правом на культурную самобытность в условиях глобальной цивилизации. Этническая толерантность характеризуется наличием: схожего мировоззрения, мотивационных компонентов для взаимодействия этносов; отношением к представителю другого этноса как к равноправному субъекту по общению, взаимопониманием собеседников; наличием благополучной атмосферы для общения, благоприятной среды, условий

для эффективного взаимодействия; перспективы развития взаимоотношений с учетом совпадения интересов этнических групп.

Взаимосвязь этнической идентичности с различными личностными особенностями, в частности толерантностью, недостаточно изучена. Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследование взаимосвязи между этнической идентичностью и видами толерантности позволило бы решить базовую и ключевую проблему «Я-концепции» личности «Я — социум».

Нами было проведено исследование со студентами Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван, РА) различных направлений профессиональной подготовки, общее количество респондентов — 98. Респонденты были поделены на 2 группы по критерию принадлежности к определенному этносу: русские и армяне. Методики: авторская этнопсихологическая анкета, экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова), методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова).

Авторская анкета, направленная на выявление этнопсихологических факторов, была сконструирована на основе теоретического анализа и сопоставлена с аналогичными опросниками: методикой Дж. Финни (1992), измеряющей мультигрупповую этническую идентичность; шкалой Н. М. Лебедевой для экспресс-оценки чувств, связанных с этнической идентичностью; шкалой социальной дистанции Э. Богардуса (Лебедева, Татарко, 2011). Данная анкета включает в себя 20 закрытых вопросов с вариантами ответов («да», «нет», «затрудняюсь ответить», в некоторых вопросах — «иногда»), которые объединены в 4 содержательных блока.

Блок № 1 включает вопросы, определяющие личностную значимость традиций и обычаев. По результатам ответов на вопросы данного блока было выявлено, что респонденты в большинстве случаев хотели бы узнать об обычаях, традициях других народов (69% этнических армян — 73% этнических русских). Отрицательно ответили на данный вопрос 13 и 18%, а затруднялись ответить 18 и 9%.

Блок № 2 направлен на выявление значимости этнической принадлежности окружающих для индивида. Так, на ключевой вопрос данного блока «Придаете ли значение национальной принадлежности своих друзей?» положительно ответили 19 и 12%, отрицательно — 41 и 51%, иногда — 18 и 24%, затруднялись ответить — 22 и 13%.

Блок № 3 направлен на выявление субъективного отношения к другим этническим общностям, уровня этнической толерантности. На вопрос данного блока «Есть ли народы, которые вызывают у Вас негативные чувства?» были получены следующие ответы: да — 15 и 17%, нет — 36 и 59%, затруднялись ответить — 49 и 24%.

Блок № 4 включает вопросы, определяющие патриотические чувства, связанные с родиной. Но ключевой вопрос данного блока «Испытываете ли Вы национальную гордость, чувство долга и ответственность перед Родиной?» большинство ответили положительно с небольшими вариациями в двух группах: 61 и 63%, временами — 29 и 21%, нет — 6 и 10%, затруднялись ответить — 4 и 6%.

Таким образом, на основе проведенной анкеты было выявлено, что большинство армянских и русских студентов заинтересованы в своих этнических традициях, испытывают патриотические чувства к родине. Несмотря на толерантное отношение к национальности своего окружения, большинство респондентов отметили факт существования народов, вызывающих у них негативные чувства.

Опросник «Индекс толерантности» позволяет нам, во-первых, диагностировать общий уровень толерантности, а во-вторых, проводить качественный анализ аспектов толерантности с выделением следующих трех субшкал: этническая толерантность, социальная толерантность и толерантность как черта личности. Наибольшую значимость в проведенном исследовании представляют показатели субшкалы этнической толерантности. По результатам проведенного исследования было выявлено, что большинство респондентов (53% этнических армян и 61% этнических русских) характеризуются высоким уровнем толерантности, 31 и 29% — средним уровнем, 16 и 10% — низким уровнем толерантности. Полученные результаты позволяют заключить, что большинство респондентов в обеих группах обладают высоким уровнем толерантности. Однако стоит отметить, что у 7% этнических русских был выявлен чрезмерно высокий уровень толерантности, что свидетельствует о размывании «границ толерантности». На наш взгляд, это может быть обусловлено отнесением к группе меньшинства в условиях проживания в монокультурной реальности (Zbarauskaite, Grigutyte, & Gailiene, 2015).

По показателям субшкалы «этническая толерантность» в группах было следующее соотношение: у большинства респондентов преобладает средний уровень этнической толерантности личности (58% этнических армян и 53% этнических русских), 28% армян и 31% русских обладают высоким уровнем толерантности, 14% армян и 16% русских соответственно низким уровнем. Таким образом, несмотря на преобладание высокого общего уровня толерантности в выборке армян и русских по показателям этнической идентичности, характеризующей установки личности в межкультурном взаимодействии, большинство респондентов относятся к среднему уровню этнической идентичности. Это объясняется высокими показателями по двум другим субшкалам: этнической толерантности и толерантности как черте личности, что и определяет общий высокий уровень толерантности.

По методике «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) были получены следующие результаты: у преобладающего большинства студентов в двух группах (63,3 и 64%) выявлена позитивная этническая идентичность.

Этнонигилизм наблюдается у 17,4 и 19,5%, т.е. у данной группы этническая принадлежность не осознается. Этноэгоизм наблюдается у 9% студентов (в обеих группах), этническая индифферентность имеется у 10,3 и 7,5%, которая выражена в неопределенности и неустойчивости этнической принадлежности. Этноизоляционизм и этнофанатизм минимально выражены, что может говорить об уважительном отношении к представителям других этносов, об отсутствии ксенофобии.

Таким образом, были получены следующие результаты проведенного эмпирического исследования:

– по результатам авторской анкеты была определена субъективная значимость этнической идентичности, традиций и обычаев собственного этноса для большинства респондентов. Несмотря на преобладание ответов о незначимости этнической принадлежности социального окружения, этнические армяне и русские выделили некоторые национальности, к которым испытывают негативные чувства;

– по результатам опросника «Индекс толерантности» у большинства респондентов был выявлен высокий уровень толерантности и средний уровень этнической толерантности. У некоторых этнических русских (7%) был выявлен чрезмерно высокий уровень толерантности, граничащий «с размыванием границ толерантности», что, на наш взгляд, связано с отношением к группе этнического меньшинства в монокультурной среде;

– по методике «Типы этнической идентичности» были получены следующие результаты: у большинства этнических армян и этнических русских преобладает позитивная этническая идентичность, определяемая как положительное отношение к собственной нации и другим этносам. В выборке также были отмечены случаи этнонигилизма, этноэгоизма и этнической индифферентности, в то время как этноизоляционизм и этнофанатизм по результатам исследования не были выявлены.

Для подтверждения или опровержения гипотезы нами был проведен статистический анализ с использованием SPSS. Так как исследуемые переменные (преобладающий тип этнической идентичности и общий уровень толерантности) относятся к интервальным шкалам, мы вычислили коэффициент корреляции Пирсона. Коэффициент корреляции между позитивной этнической идентичностью и преобладающим высоким уровнем идентичности составил 0,83 и является статистически достоверным ($p < 0,05$). Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась и между позитивной этнической идентичностью и высоким общим уровнем толерантности наличествует сильная корреляция.

Анализ результатов методик показал, что представители исследуемых этнических групп в основном обладают позитивной этнической идентичностью, не разделяют людей по этническому признаку, а также имеют этническую толерантность. Представители этнических групп, у которых наблюдается неопределенность и негативная этническая идентичность, отличаются низким

уровнем этнической толерантности. Следовательно, трансформация показателей этнической идентичности позволит повысить уровень этнической толерантности, с этой целью возможно проведение тренинга по развитию этнической идентичности и межкультурного взаимодействия.

При всем многообразии смыслов и концептуальных позиций толерантность в настоящее время несет в себе заряд позитивных и конструктивных взаимодействий людьми друг с другом. Толерантность позволяет строить отношения сотрудничества с теми людьми, с которыми не совпадают во мнениях и убеждениях. Проблема взаимосвязи этнической идентичности и толерантности в условиях социальных, коммуникативных, религиозных различий становится актуальной проблемой.

Согласно принципам гуманизма толерантность является критерием демократического согласия, нравственного уровня развития общества, способности противостоять насилию и авторитаризму, психологической готовности человека предоставить окружающим выбор собственной стратегии поведения, образа мышления и независимого мировоззрения, осознание своей собственной идентичности. Умение конструктивно взаимодействовать с представителями различных этнических групп, владение навыками построения толерантных отношений определяют уровень межетнической компетентности в процессе межкультурной коммуникации (Berberyan & Berberyan, 2016). В качестве характеристик межетнической компетентности выступают уровень этнической осведомленности о собственной и иной этнической группе, уровень этнической толерантности, система знаний о культуре, укладе жизни, быте, ценностях, осознание этнической идентичности. Изучение толерантности как этнокультурной нормы свидетельствует о том, что в разных этнокультурных контекстах она приобретает различный смысл, в основе которого лежат универсальные ценности.

Библиографический список

1. Асмолов, А. Г. (2001). *Психология личности: принципы общепсихологического анализа*. Москва: Смысл.
2. Берберян, А. С., Тучина, О. Р. (2014). Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 86–100.
3. Гречко, П. К. (2005). О границах толерантности. *Свободная мысль — XXI*, 10, 173–182.
4. Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2011). *Методы этнической и кросс-культурной психологии: учебно-методическое пособие*. Москва: Издательский Дом Высшей школы экономики.
5. Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (ред.) (2002). *Этническая толерантность в поликультурных регионах России*. Москва: Изд-во РУДН.
6. Мацумото, Д. (2002). *Психология и культура*. СПб.: Прайм- Еврознак.

7. Почебут, А. Г. (2005). *Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
8. Солдатов, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Москва: Смысл.
9. Стефаненко, Т. Г. (1999). *Этнопсихология*. Москва: Академический проект.
10. Стефаненко, Т. Г. (2005). Поликультурное образование: концепции и программы. *Кросс-культурная психология: актуальные проблемы*: сб. ст. Под ред. А. Г. Почебут, И. А. Шмелевой (с. 229–249). СПб.: Изд-во СПбГУ.
11. Ananina, V. & Danilov, D. (2015). Ethnic tolerance formation among students of Russian universities: current state, problems, and perspectives. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 214, 487–496.
12. Berberyan, A. S. & Berberyan, H. S. (2016). Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 121–137.
13. Erikson, E. H. (1994). *Identity: Youth and Crisis*. W. W. Norton & Company.
14. Kanagawa, C., Cross, S. E. & Markus, H. R. (2001). “Who am I?” The cultural psychology of the conceptual self. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27, 90–103.
15. Moscovici, S. (2000). *Social representations. Explorations in social psychology*. Cambridge.
16. Marcia, J. E., Waterman, A. S., Matteson, D. R., Archer, S. L. & Orlofsky, J. L. (2011). *Ego identity: A handbook for psychosocial research*. Springer.
17. Phinney, J. (1992). The multigroup ethnic identity measure: a new scale for use with adolescents and young adults from diverse groups. *Journal of Adolescent Research*, 7, 156–176.
18. Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge.
19. Triandis, H. C. (1999). Cross-cultural psychology. *Asian Journal of Social Psychology*, 2, 127–143.
20. Zbarauskaitė, A., Grigutyte, N. & Gailienė, D. (2015). Minority ethnic identity and discrimination experience in a context of social transformations. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 165, 121–130.

Статья поступила в редакцию 23.05.2016.

.....

STUDY OF RELATIONSHIP BETWEEN ETHNIC IDENTITY AND TOLERANCE IN STUDENTS

Berberyan A. S., Naidenov V. G.

Berberyan Asya Surenovna, Russian-Armenian University,
0051, Armenia, Yerevan, 123 Hovsep Emin str. E-mail: aspsy@inbox.ru.

Naidenov Vladimir Glebovich, Russian-Armenian University,
0051, Armenia, Yerevan, 123 Hovsep Emin str. E-mail: specinstrum@yandex.ru.

The study was supported by the State Science Committee of MES RA within the framework of the Armenian-Russian joint scientific project RG16–07 “The psychological aspect of the personality’s self-understanding of the formation of national identity in the context of the historical experience in post-Soviet space (based on research of Russian and Armenian youth)”.

Ethnic identity and tolerance concepts analysis as well as the results of correlation study are presented in the article. The aim of the article is to study the correlation between ethnic identity and tolerance. For a full understanding of ethnic tolerance we analyzed substantial characteristics and levels of ethnic identity.

We studied Armenian and Russian students, residing on the territory of the Republic of Armenia, the total number of respondents was 98. We used the following methods: author's ethno-psychological questionnaire, express questionnaire "Index of tolerance" (G. U. Soldatova, O. A. Kravtsova, O. E. Huhlaev, L. A. Shaygerova), types of ethnic identity (G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova).

Based on the results of empirical research we found that the majority of respondents had positive ethnic identity, in some cases — ethnonihilism, ethnoegotism and ethnic indifference. The overall high level of tolerance, and the average level of ethnic tolerance dominated in ethnic Russians and ethnic Armenians. As a result of the author's questionnaire subjective importance of own ethnicity, interest in history of its people, traditions and culture was determined; with an overall positive attitude towards other nationalities it was noted the negative attitude to certain nations.

Results of the study confirmed the assumption that there is a positive correlation between a positive ethnic identity and a high level of tolerance in Armenian and Russian students (high Pearson's correlation coefficient).

Keywords: ethnic identity, ethnic tolerance, ethno-cultural values, ethnic Armenian and Russian youth.

References

1. Asmolov, A. G. (2001). *Psikhologiya lichnosti: principy obshepsikhologicheskogo analiza* [Psychology of personality: principals of general psychological analyses]. Moscow: Smysl.
2. Berberyan, A. S., & Tuchina, O. R. (2014). Issledovanie osobennostei samointerpretatsii lichnosti v raznykh etnicheskikh obshnostyakh [Study of self-interpretation features of personality in different ethnic communities]. *Chelovek. Soobshestvo. Upravlenie* [Personality. Community. Management], 1, 86–100.
3. Grechko, P. K. (2005). O granicakh tolerantnosti [On the boundaries of tolerance]. *Svobodnaya mysl' — XXI* [Free thought — XXI], 10, 173–182.
4. Lebedeva, N. M. & Tatarko, A. N. (2011). *Metody etnicheskoi i kross-kulturnoi psikhologii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics.
5. Lebedeva, N. M. & Tatarko, A. N. (eds.) (2002). *Etnicheskaya tolerantnost' v polikulturnykh regionakh Rossii* [Ethnic tolerance in multicultural regions of Russia]. Moscow: Publishing House of RFUR.
6. Matsumoto, D. (2002). *Psikhologiya i kultura* [Psychology and culture]. SPb.: Praim-Euroznak.
7. Pochebut, L. G. (2005). *Vzaimoponimaie kul'tur. Metodologiya i metody etnicheskoi i kross-kulturnoi psikhologii. Psikhologiya mejetnicheskoi tolerantnosti* [Mutual understanding of cultures. Methodology and methods of ethnic and cross-cultural psychology. Psychology of interethnic tolerance]. SPb.: Publising House of SPbSU.
8. Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mejetnicheskoi napryajennosti* [Psychology of inter-ethnic tension]. Moscow: Smysl.
9. Stefanenko, T. G. (1999). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Academicheskii proekt.

10. Stefanenko, T. G. (2005). Polikulturnoe obrazovanie: koncepcii i programmy [Multicultural education: concepts and programs]. In *Kross-kulturnaya psikhologiya: aktualnye problemy: sb. st.* [Cross-cultural psychology: actual problems: col. of art.] (p. 229–249). SPb.: Publishing House of SPbSU.
11. Ananina, V. & Danilov, D. (2015). Ethnic tolerance formation among students of Russian universities: current state, problems, and perspectives. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 214, 487–496.
12. Berberyan A. S. & Berberyan H. S. (2016). Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 121–137.
13. Erikson, E. H. (1994). *Identity: Youth and Crisis*. W. W. Norton & Company.
14. Kanagawa, C, Cross, S. E. & Markus, H. R. (2001). “Who am I?” The cultural psychology of the conceptual self. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27, 90–103.
15. Moscovici, S. (2000). *Social representations. Explorations in social psychology*. Cambridge.
16. Marcia, J. E., Waterman, A. S., Matteson, D. R., Archer, S. L. & Orlofsky, J. L. (2011). *Ego identity: A handbook for psychosocial research*: Springer.
17. Phinney, J. (1992). The multigroup ethnic identity measure: a new scale for use with adolescents and young adults from diverse groups. *Journal of Adolescent Research*, 7, 156–176.
18. Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge.
19. Triandis, H. C. (1999). Cross-cultural psychology. *Asian Journal of Social Psychology*, 2, 127–143.
20. Zbarauskaitė, A., Grigutyte, N. & Gailienė, D. (2015). Minority ethnic identity and discrimination experience in a context of social transformations. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 165, 121–130.

ЦЕННОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

.....

Шамяонов Р. М., Аренокв А. П.

Шамяонов Раиль Мунирович, Саратовский государственный университет,
490012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83. Эл. почта: shamionov@info.sgu.ru

Аренков Александр Павлович, Саратовский государственный университет,
490012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83. Эл. почта: arenkov1987@mail.ru

В статье обсуждаются результаты исследования соотношения традиционных ценностей россиян и гражданской идентичности молодежи. В исследовании приняло участие 172 человека (56% мужчин), средний возраст 27,5 лет. На основе экспертных оценок выделены 80 категорий, характеризующих ценности россиян, которые предложено оценить испытуемым основной группы с использованием специальной шкалы. В результате анализа установлено, что в системе ценностных отношений молодежи приоритетными являются сферы поведения (почитание родителей, вежливость, культура быта и др.), высшие переживания (смысл жизни, вера в Бога и др.), отношения к стране (культурные ценности, экономическая стабильность, историческое прошлое), личные переживания (семья, свобода, выдержка и др.), а наименее значимые — власть, риск, деньги. Выделены 10 факторов, объясняющих 60% общей дисперсии. Установлено, что ценностные отношения молодежи объясняют 46% вариаций гражданской идентичности. Ценностное отношение к Родине является наиболее сильным предиктором идентичности.

Ключевые слова: личность, субъект, ценностное отношение, традиционные ценности.

Проблема ценностных ориентаций современной молодежи занимает одно из центральных мест в исследованиях социальных психологов по ряду оснований: во-первых, социальной значимостью ценностных ориентаций с точки зрения их роли в регуляции поведения личности; во-вторых, усилением процесса глобализации и взаимопроникновением ценностей культур, выработанных разными народами на протяжении длительной истории общественного развития; в-третьих, необходимостью различения традиционных общечеловеческих и культурно-специфических ценностных отношений. Наконец, прогрессом, как считал У. Мак-Даугалл, морально-нравственных норм в обществе, полным различными мнениями (Мак-Даугалл, 1916).

На неснижающийся интерес исследователей в изучении ценностной сферы личности указывает количество публикаций, выполненных за последние 5 лет. По нашим данным, полученным на основе анализа публикаций в крупных базах данных, аккумулирующих научные работы, выполненные в ведущих журналах,

в тематической области психологии были опубликованы более 5000 статей, касающихся данной темы (порядка 3950 в базе Web of Science и 1567 в базе РИНЦ).

Ценности, усваиваемые личностью в процессе социализации, в процессе включения в деятельность различных групп, являющихся их носителями, взаимодействия с Другими, становятся для нее ориентирами лишь в результате сознательного отношения к действительности (Додонов, 1978); реализация ценностей в социальном поведении индивида и рефлексия задают смысловой характер ценности (Леонтьев, 2007). Д. А. Леонтьев отмечает, что ценности «представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы» (Леонтьев, 2007). С другой стороны, ценности являются регуляторами поведения личности в различных областях жизни (Солдатова, 1998; Журавлев, Дробышева, 2010; Фанталова, 2011; Капцов, 2012; Капцов, 2014; Miles, 2015; Buhanan, Bardi, 2015; Maxwell-Smith, 2015; Schwartz, Butenko, 2014). Большинство современных исследователей исходят из того, что существует определенный набор ценностей (убеждений) в той или иной степени общности для представителей разных культур (Rokeach, 1989; Schwartz, 2012; Miles, 2015). Поэтому в последние десятилетия были развернуты кросскультурные исследования, направленные на сравнение ценностных приоритетов в разных странах, их сопоставление с объективными данными (например, ВВП, развитие демократических институтов, социальных программ и т.п.). Отметим, что работа исследователей по выявлению универсальных ценностей оказалась весьма востребованной в связи с социально-экономическими и геополитическими процессами, реализующимися в мире, свободным движением информации, расширением виртуальных контактов по всему миру, что в значительной степени расширяет культурные границы; эффектом этого является взаимопроникновение культур, в результате чего традиционные для разных народов (культур) ценности либо вытесняются универсальными, либо вступают в конкурентные отношения с ними, либо существуют параллельно, либо взаимовключаются друг в друга.

Одним из наиболее авторитетных исследователей, стремившихся выделить универсальные ценности, был М. Рокич (Rokeach, 1979). Его исследования, выполненные 40 лет назад, оказались весьма востребованными. Принципиальная позиция М. Рокича заключается в том, что все люди обладают одинаковыми ценностями в разной мере предпочтительности и их количество невелико. Вместе с тем, культурные ценности представителей разных народов, цивилизаций могут в значительной степени различаться и эти различия обусловлены длительной историей жизни отдельных народов и развития их культуры (Бердяев, 1918; Бердяев, 2007; Гумилев, 1989). В отличие от подхода, в котором устанавливается универсализм ценностей, ряд кросскультурных психологов пришли к выводу о необходимости оперировать культурными универсалиями, воплощающими ценностные отношения. В соответствии с этой идеей выполнены работы С. Шварца, Инглхарта, Триандиса и др.

В настоящее время исследования ценностей представлены весьма широким спектром. Это и сравнительные исследования, направленные на отслеживание изменений в иерархическом строении ценностных ориентаций (Журавлева, 2012), соотнесение доминирующих ценностей и инновационного потенциала общества (Лебедева, 2009), соотношение ценностей и активности личности (Шамяионов, 2009; Григорьева, 2012; Caspersz, Olaru, 2015), ценностей и субъективного благополучия (Шамяионов, 2011; Бочарова, 2014; Норе, etc., 2014; Buchanan, Bardi, 2015), соотношения ценностей и характеристик самокатегоризации (Лузаков, 2005), реализуются и попытки пересмотреть ценности, выделенные М. Рокичем с использованием современного междисциплинарного инструментария (Tsirogianni, Gelfland, 1998), соотнести ценности, выделенные Шварцем и Инглхартом (Dobewoll, Strack, 2014) и др.

В отличие от представлений М. Рокича в том, что количество ценностей невелико и все люди обладают одинаковой системой ценностей, но дифференцированной (иерархически выстроенной) по выраженности внутри этой системы, мы полагаем, что разные сферы жизни предполагают как одинаковые (терминальные), так и различные ценности, регулирующие поведение личности в отношении этих сфер. Поэтому ограничения количества ценностей, равно как и их «принудительная» унификация представляются сужающими исследовательское поле. На протяжении длительного времени продолжаются дискуссии о специфичности ценностей представителей отдельных этнических групп, культурных общностей и т.д. (Levinetc., 2015). Известные русские философы подчеркивали особость ценностного склада россиян (Бердяев, 1918; Бердяев, 2007; Гумилев, 1989).

Ценностные отношения к действительности формируются в процессе социализации как результат усвоения ценностей, правил поведения, ролевых позиций личностью, включенной в межличностные отношения, а также в институциональные отношения. Вполне очевидно то, что их многообразие невозможно свести к какому бы то ни было ограниченному перечню. Вместе с тем, многие ценностные отношения предопределены всей историей человеческих отношений и являются универсальными для разных культур. Часть этих отношений в немалой степени касается культурно-специфичной области. История жизни народа имеет свои специфичные особенности бытия, которые накладывают отпечаток на установки последующих поколений, становятся важными обстоятельствами, влияющими на их адаптацию и функционирование в современных условиях. Научное познание оснований подобных ценностей является предметом исследования ряда областей, в числе которых и социальная психология. Поэтому цель данного исследования заключается в анализе приоритетных областей ценностных отношений, их типологии и обуславливании ими гражданской идентичности молодежи.

Методика

Исследование проводилось в два этапа: предварительный и основной.

На *первом этапе* исследования проведен опрос экспертов относительно традиционных ценностей россиян. В опросе приняли участие 22 эксперта, среди которых преподаватели вузов (3), школ (2), священники (5), культуролог (1), дизайнер (1), юрист (2), практикующий психолог (1), группа молодых мам (5), студент-магистрант (1), музыкант (1). В результате контент-анализа были выделены 80 категорий, на основе которых сформулированы утверждения (шкалы) для последующего опроса с использованием 5-балльной шкалы (1 — «совершенно не имеет значения для меня», 5 — «это очень значимо для меня»), например: «Успешность в жизни, карьерный рост», «Историческое прошлое страны, ее победы и великие битвы», «Обращение к Богу в горе и в радости» и др.

На *втором этапе* исследования приняли участие 150 человек (средний возраст $M = 27,5$; $SD = 5,39$; в том числе мужчин — 56%, женщин — 44%, состоящих в браке — 49,3%, высшее образование — 72%, среднее профессиональное — 16,7%; православных 87,3%, мусульман — 6,7%). Испытуемым были предложены утверждения «Опросника гражданской идентичности» (А. Н. Татарко) и разработанных нами шкал для оценки значимости тех или иных ценностей в соответствии с предварительным исследованием.

Все результаты обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS19. Были проведены описательные статистики, вычислялся показатель надежности-согласованности альфа Кронбаха (при удалении пункта показатели варьировали 89–90, что относится к зоне высокой согласованности–надежности), факторный и регрессионный анализы.

Результаты исследования

Рассмотрим показатели значимости ценностей. В области наиболее значимых ценностей испытуемых выявлены такие, как семья ($4,62 \pm 0,56$), доступное образование ($4,53 \pm 0,51$), смысл жизни ($4,55 \pm 0,70$), вера в Бога/высшие силы ($4,33 \pm 1,06$), культура быта ($4,31 \pm 0,66$), многообразие интересов и хобби ($4,37 \pm 0,68$), уважение к себе и другим ($4,34 \pm 0,59$), почитание и уважение родителей ($4,49 \pm 0,55$), вежливость, культура поведения ($4,41 \pm 0,62$), экология, забота о природе ($4,21 \pm 0,68$), мир во всем мире ($4,13 \pm 0,83$), способность к творчеству, новизне ($4,10 \pm 0,87$), историческое прошлое страны, ее победы ($4,09 \pm 0,92$), безопасное окружение ($4,05 \pm 0,82$), свобода ($4,30 \pm 0,72$), здоровье ($4,27 \pm 0,73$), культурные ценности страны ($4,21 \pm 0,81$), выдержка (терпение лишений и невзгод) ($4,08 \pm 0,72$), мир красоты ($4,24 \pm 0,75$), помощь ближнему ($4,18 \pm 0,67$), умение прощать ($4,27 \pm 0,74$), любовь к родному дому, городу, стране ($4,16 \pm 0,85$), экономическая стабильность ($4,09 \pm 0,79$). Как видно из приведенного списка, наиболее ценными для молодежи являются не только традиционно описываемые как терминальные («семья», «свобода», «мир» и пр.), но и те явления, которые характеризуют личностные свойства, проявляющиеся во взаимоотношениях («выдержка и терпение», «умение прощать», «вежливость» и др.), а также *ценностное*

отношение к Отечеству, его истории, победам и культурным достижениям; не малое значение придается миру во всем мире (данная ценность была выделена М. Рокичем в области терминальных ценностей (Rokeach, 1979)).

Такие явления, как власть ($2,21 \pm 1,12$), риск ($2,35 \pm 1,06$), деньги ($2,88 \pm 1,07$), развлечения ($2,02 \pm 1,00$), атеизм ($1,63 \pm 0,94$), публичность, желание быть в центре внимания ($2,67 \pm 1,17$), книги и прочие источники знания ($2,24 \pm 1,11$), удовольствия ($2,64 \pm 1,19$), личное геройство ($2,80 \pm 1,03$), экстрим ($2,67 \pm 1,29$), острые и сильные переживания и ощущения ($3,01 \pm 1,27$), большое количество партнеров по сексу ($1,65 \pm 1,15$), оказались наименее значимыми. Судя по показателям, абсолютное большинство респондентов склонно относить их к области незначимости. Интересным представляется то, что в этой зоне оказались столь часто приписываемые россиянам ценности риска, острых ощущений и личного геройства, что в очередной раз развенчивает достаточно распространенный миф. Книги и иные источники знаний также вне значимости (хотя подавляющее большинство респондентов — лица с высшим образованием), что свидетельствует о том, что они перестают играть значимую роль в жизни молодежи.

Среднюю выраженность значимости составляют такие ценностные отношения, как успешность в жизни, карьерный рост ($3,67 \pm 1,05$), друзья ($3,98 \pm 1,07$), способность «показать себя на людях» ($3,23 \pm 1,11$), равные возможности ($3,41 \pm 1,02$), соблюдение правил и норм поведения при отсутствии внешнего контроля ($3,85 \pm 0,88$), скромность ($3,19 \pm 0,95$), благотворительность ($3,71 \pm 0,96$), соблюдение народных и семейных обычаев ($3,58 \pm 0,97$), бескорыстная любовь и служение Родине ($3,51 \pm 1,11$), справедливость ($3,89 \pm 0,88$), независимость ($3,84 \pm 0,91$), спокойная, размеренная жизнь ($3,25 \pm 1,08$), здоровый образ жизни ($3,80 \pm 0,98$), безопасность страны ($3,99 \pm 0,92$), жертвование собой ($3,74 \pm 0,94$), вкусная еда ($3,05 \pm 1,09$), отдых с друзьями ($3,46 \pm 1,11$), эстетика внешнего вида ($3,67 \pm 1,02$), терпимость межэтническая ($3,53 \pm 0,97$), социальная стабильность ($3,96 \pm 0,87$), увеличение материального достатка без особого труда ($3,23 \pm 1,11$). Как видно из полученных данных, среднюю зону значимости составляют такие ценностные отношения, которые можно отнести к нескольким категориям: с одной стороны, это терминальные ценности справедливости и независимости, и ценности безопасности страны и служения отечеству, социальная стабильность, составляющие верхнюю часть средней зоны, а с другой — карьерный рост, самопрезентация и увеличение материального достатка без особого труда, вкусная еда, составляющие нижнюю часть.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что экономическая стабильность у молодежи находится в большем приоритете и значимости, нежели социальная; культурные ценности страны и мир красоты — более значимы, чем книги и источники знаний; ценностное отношение к Отечеству и его истории находятся в приоритете над материальным. Небезынтересным является и то, что друзья и времяпрепровождение с ними относятся к средней области значимости у современной молодежи, а риск и «острые ощущения» практически не имеют значения.

Обратимся к результатам факторного анализа. После Varimax-вращения было выделено 10 факторов, описывающих 60,03% дисперсии. Первый фактор (16,8% дисперсии) включает такие ценностные отношения, как успешность в жизни, карьерный рост (0,566), власть (0,529), способность «показать себя на людях» (0,719), ценность денег и дорогих вещей (0,693), публичность, желание быть в центре внимания (0,710), экономическая стабильность (0,586), общественное признание (0,738), эстетика внешнего вида (0,418), удовольствия (0,459), скромность (-0,495). Анализ данного фактора позволяет обобщить включенные в него переменные как *«ценностное отношение к атрибутам общественного признания»*.

Второй фактор (12,94%) включает следующие категории: мир во всем мире (0,504), равные возможности (0,633), справедливость (0,638), вежливость (0,445), межнациональная терпимость (0,740), социальная стабильность (0,709), доступное образование (0,535). Взаимосвязанные категории, включенные в данный фактор, характеризуют желаемые отношения в обществе. Исходя из такой конфигурации, можно говорить о высокой значимости социально-ориентированного общества. Поэтому данный фактор назван нами как *«ценностное отношение к атрибутам социально-ориентированного стабильного общества»*.

Третий фактор (5,45%) назван нами *«патриотизм»*, поскольку включает такие ценностные отношения, как историческое прошлое страны, ее победы (0,731), соблюдение традиций (0,531), бескорыстная любовь и служение Родине (0,791), безопасность страны (0,532), любовь к родному дому, городу, стране (0,585). Анализ данного фактора позволяет предположить, что смысловое представление о патриотизме выступает в одной связке с безопасностью страны.

Четвертый фактор (4,53%) определяется *«ценность риска»* и включает такие категории, как риск (0,688), благотворительность (0,522), экстрим (0,711), острые и сильные переживания, ощущения (0,655). Возможно, в ценностных представлениях молодежи благотворительность выступает как своего рода действие, направленное на оказание помощи тем, кто либо пострадал в результате рискованных действий (братья по риску), либо не в состоянии предпринимать подобные действия, либо выполняет защитную функцию («предусмотрительный откуп»).

Пятый фактор (4,09%) назван нами *«ценностное отношение к творчеству»* и включает способность к творчеству, новизне (0,719), самоуважение (0,494), культурные ценности страны (0,581), мир красоты (0,720).

Шестой фактор (3,89%) объединил *ценности здоровья и безопасности*, поскольку включает такие характеристики, как безопасное окружение (0,512), свобода (0,518), здоровье (0,658), здоровый образ жизни (0,629), безопасность страны (0,453). Весьма показательным в данном факторе является наличие ценности свободы. Очевидно, свобода, в представлениях молодежи, выступает значимым для безопасности. Это также говорит о значении свободы и ее оценке для тех, кто социализировался уже после заката советской системы.

Седьмой фактор (3,44) интерпретирован нами как «*вера в Бога*» и включает такие ценности, как смысл жизни (0,710), вера в Бога (0,770), атеизм (-0,723). Интересным представляется то, что в него включена ценность смысла жизни. Очевидно, проблема поиска смысла жизни решается современной российской молодежью через обращение к религии. Совершенно неслучайно и то, что по данным социологов около 85% молодых людей заявляет о своей религиозности.

Восьмой фактор (3,19%) включил в себя два пункта, которые объединяет *социальная нормативность в отношении природы*: правила поведения в обществе (0,723), экология, забота о природе (0,623),

Девятый фактор (2,99%) включает такие характеристики, как почитание и уважение родителей (0,601), семья, семейные ценности (0,558), соблюдение традиций (0,429), которые объединяет общность *ценностных отношений традиционной семьи*.

Наконец, десятый фактор (2,70%) включает в себя ценность спокойной, размеренной жизни (0,806) и книги, прочие источники знаний (0,610). Возможно, в представлениях молодежи (сетующей на нехватку времени для чтения) *книги и спокойная, размеренная жизнь* выступают, своего рода желаемыми, но недоступными в актуальном бытии явлениями.

Как видно из результатов факторного анализа, наиболее «сильные» факторы отражают комплексы ценностных отношений молодежи, в большей степени характеризующие не столько традиционные, сколько современные, позволяющие добиться успеха в жизни, требующей инициативы, хорошей самопрезентации, риска и прочих атрибутов социальной активности. Между тем, ценностное отношение к Родине и ее безопасности также является немаловажным. Поэтому можно сказать, что ценностные отношения, основанные на представлениях (установках) жизненного успеха, сопровождаются с патриотическими чувствами.

Обратимся к результатам пошагового регрессионного анализа, проведенного с целью выяснения «вклада» ценностных отношений молодежи в вариации гражданской идентичности (см. таблицу).

Ценностное отношение к Родине ($R^2 = 0,28$, $F = 58,57$ $p < 0,001$) является наиболее сильным предиктором (28% вариаций объясняются этим параметром). Поэтому данный параметр был снят с дальнейшего анализа.

Как видно из приведенной таблицы, 46% вариаций гражданской идентичности молодежи объясняются их ценностными отношениями (попутно заметим, что социально-демографические параметры никак не связаны с гражданской идентичностью). Наиболее сильным предиктором является значимость исторического прошлого страны и ее побед. Сильными положительными предикторами являются также значимость власти, безопасности страны, дружеских отношений и стремления жить для других. Вместе с тем, значимость атеизма, удовольствий и выдержки в условиях лишений и невзгод является расшатывающим фактором

Результаты пошагового регрессионного анализа

Ценностные категории	ΔR^2	β	t	p
Историческое прошлое страны, ее победы	,17	,161	2,167	,032
Атеизм, отрицание религиозных представлений	,07	-,160	-2,413	,017
Удовольствия	,05	-,290	-4,010	,000
Власть, стремление управлять людьми	,03	,176	2,648	,009
Безопасность страны	,03	,235	3,265	,001
Выдержка (терпение лишений и невзгод)	,04	-,316	-4,372	,000
Стабильность экономическая	,03	-,200	-2,981	,003
Друзья	,02	,153	2,263	,025
Стремление жить для других	,02	,157	2,220	,028
	R2 = 0,46; F = 13,29 p < 0,001			

Примечание. Приняты следующие обозначения: β — стандартизированный регрессионный коэффициент; t — критерий Стьюдента, p — уровень значимости, R^2 — коэффициент множественной детерминации, ΔR^2 — приращение коэффициента множественной детерминации, F — критерий Фишера.

гражданской идентичности. Последнее, очевидно, свидетельствует о неготовности молодежи к жестким испытаниям в условиях современного мира с точки зрения готовности быть гражданином только России.

Полученные данные подтверждают известные идеи об особом строении гражданской идентичности в России, высказанные русскими философами ХХ в. В частности Н. Бердяев писал о том, что понятие истинного патриотизма и истинного гражданства «почти тождественны» (Бердяев, 1918) и, вместе с тем, первичная сущность любви к отчизне проявляет себя в способности бескорыстного служения России (Бердяев, 2007). Еще одной характеристикой, значимой для гражданской идентичности российской молодежи, выступает готовность отречения от своих интересов ради других, значимость посвящения своей жизни другим. Достаточно сильным отрицательным предиктором является атеизм, но в то же время ценность веры в Бога не включена в уравнение регрессии. Возможно, это связано с некоторой неопределенностью молодежи в отношении веры и религиозности.

Заключение

В результате проведенных исследований можно сделать несколько выводов.

1. В системе ценностных отношений молодежи приоритетными являются сферы поведения (почитание родителей, вежливость, культура быта и др.), высшие переживания (смысл жизни, вера в Бога и др.), отношения к стране (культурные ценности, экономическая стабильность, историческое прошлое), личные переживания (семья, свобода, выдержка и др.). Наименее значимые — власть, риск, деньги и т.п. — категории, которые отнесены экспертами к ценностям современной жизни.

2. В результате факторного анализа выделены 10 факторов, описывающих 60% общей дисперсии, которые интерпретированы как «ценностное отношение к атрибутам общественного признания», «ценностное отношение к атрибутам социально-ориентированного стабильного общества», патриотизм, ценностное отношение к риску, «ценностное отношение к творчеству», ценности здоровья и безопасности, «вера в Бога», социальная нормативность в отношении природы, ценностных отношений традиционной семьи, ценность спокойной, размеренной жизни.

3. Ценностные отношения молодежи объясняют 46% вариаций гражданской идентичности. Положительные предикторы: значимость исторического прошлого страны и ее побед. Значимость власти, безопасности страны, дружеских отношений и стремление жить для других; значимость атеизма, удовольствий и выдержки в условиях лишений и невзгод является расшатывающим фактором гражданской идентичности. Ценностное отношение к Родине служит наиболее сильным предиктором идентичности (28% вариаций).

Ограничения данного исследования — это недостаточно формализованный характер полученных данных, поскольку они основаны на опросе экспертов, и авторы не предполагали на данном этапе разработку формализованной техники для определения ценностей. Здесь речь идет о ценностных отношениях личности к разным сферам жизни (бытия). Следующим шагом может стать разработка формализованного метода измерения традиционных ценностей россиян в структуре ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. (2007). *Падение священного русского Царства: Публицистика 1914–1922*. Москва: Астрель.
2. Бердяев, Н. А. (1918). *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. Москва: Изд-во Г. А. Леман и С. И. Сахаров.
3. Бочарова, Е. Е. (2014). Аксиологическая направленность личности представителей разных социокультурных групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 14 (2–1), 58–63.
4. Бочарова, Е. Е. (2012). Ценностные предпочтения молодежи в представлениях различных социальных групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*, 12 (4), 13–16.
5. Григорьева, М. В. (2012). Социальные представления о нормах и ценностях молодежи у представителей разных поколений. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*, 12 (4), 8–13.
6. Гумилев, Л. Н. (1989). *Этногенез и биосфера Земли*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
7. Додонов, Б. И. (1978). *Эмоция как ценность*. Москва: Политиздат.
8. Журавлёв, А. Л., Дробышева, Т. В. (2010). Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества. *Психологический журнал*, 31 (5), 5–16.
9. Журавлева, Н. А. (2012). Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе. *Психологический журнал*, 33 (1), 30–39.

10. Капцов, А. В. (2014). Роль асимметричных экопсихологических типов коммуникативного взаимодействия в развитии ценностей студентов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*, 3 (4), 352–355.
11. Капцов, А. В. (2012). Соотношение выраженности терминальных и инструментальных ценностей в аксиосфере работающей молодежи. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, 2, 96–107.
12. Лебедева, Н. М. (2009). Ценности культуры и отношение к инновациям в России и Китае. *Альманах современной науки и образования (Almanac of Modern Science and Education)*, 11 (30): в 2-х ч. Ч. II, 188–192. Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/69.html
13. Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл.
14. Ломова, Т. Е., Тимошенко, Е. Д., Ячин, С. Е. (2009). Трансформация ценностных ориентаций российской и китайской студенческой молодежи в условиях глобализации. *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, 1, 81–90.
15. Лузаков, А. А. (2005). Структура ценностных предпочтений и категории самовосприятия. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 16–30.
16. Мак-Даугалл, У. (1916). *Основные проблемы социальной психологии*. Москва: Книгоиздательство «Космос».
17. Панкратов, С. А., Тельнова, Н. А. (2011). Специфика гражданской идентичности. *Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология*, 11 (4), 75–79.
18. Рябикина, З. И. (2014). Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социально-психологические эффекты украинского разлома). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*, 3 (3), 263–267.
19. Савицкий, П. Н. (1927). *Россия — особый географический мир*. Прага: Евразийское книгоиздательство.
20. Солдатова, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Москва: Смысл.
21. Фанталова, Е. Б. (2011). Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах: психометрическое исследование показателей. *Методика. Мир психологии*, 2, 228–243.
22. Шамионов, Р. М. (2011). Взаимосвязь групповых ценностей и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов (на примере Поволжья). *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*, 4, 307–309.
23. Шамионов, Р. М. (2009). Характеристики ценностных ориентаций молодежи в сопоставлении с представлениями о России и ценностях россиян. *Социология образования*, 4, 39–49.
24. Buchanan, K. & Bardi, A. (2015). The Roles of values, Behavior, and Value-Behavior Fit in the Relation of Agency and Communion to Well-Being. *Journal of personality*, 83 (3), 320–333.
25. Caspersz, D. & Olaru, D. (2015). Why do students differ in the value they place on pro-social activities? *Journal of sociology*, 51 (4), 1017–1038.

26. Copestake, J. & Camfield, L. (2010). Measuring multidimensional aspiration gaps: A means to understanding cultural aspects of poverty. *Development policy review*, 28 (5), 617–633.
27. Dobewall, H. & Strack, M. (2014). Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited. *International journal of psychology*, 49 (4), 240–248.
28. Hope, N. H., Milyavskaya, M., Holding, A. C. & Koestner, R. (2014). Self-Growth in the College Years: Increased Importance of Intrinsic values Predicts Resolution of Identity and Intimacy Stages. *Social psychological and personality science*, 5 (6), 705–712.
29. Levin, S., Roccas, S., Sidanius, J. & Pratto, F. (2015). Personal values and intergroup outcomes of concern for group honor. *Personality and Individual differences*, 86, 374–384.
30. Maxwell-Smith, M. A., Seligman, C., Conway, P. & Cheung, I. (2015). Individual Differences in Commitment to Value-Based Beliefs and the Amplification of Perceived Belief Dissimilarity Effects. *Journal of personality*, 83 (2), 127–141.
31. Miles, A. (2015). The (Re)genesis of values: Examining the Importance of values for Action. *American sociological review*, 80 (4), 680–704.
32. Rokeach, M. (1979). *Understanding human values: individual and societal*. New York: The free press.
33. Rokeach, M. & Ball-Rokeach, S. J. (1989). Stability and Change in American Value Priorities, 1968–1981. *American Psychologist*, 44 (5), 775–784.
34. Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J. E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O. & Konty, M. (2012). Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103 (4), 663–688. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1037/a0029393>
35. Schwartz, S. H. & Butenko, T. (2014). Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia. *European journal of social psychology*, 44 (7), 799–813.
36. Triandis, H. C. & Gelfand, M. J. (1989). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (6), 118–128.
37. Tsirogianni, S. & Sammut, G. (2014). Transitivity analysis: A framework for the study of social values in the context of points of view. *British journal of social psychology*, 53 (3), 541–556.

Статья поступила в редакцию 15.04.2016.

.....

VALUE ATTITUDES AND CIVIL IDENTITY OF YOUTH

Shamionov R. M., Arenkov A. P.

Shamionov Rail Munirovich, Saratov State University, 490012, Russia, Saratov, ul. Astrakhan, 83. E-mail: shamionov@info.sgu.ru

Arenkov Aleksandr Pavlovich, Saratov State University, 490012, Russia, Saratov, ul. Astrakhan, 83. E-mail: arenkov1987@mail.ru

The article dwells upon the results of the study of the correlation between traditional values of the Russians and civil identity of youth. The study covered 172 people (56% of them are men) with the average age of 27.5. Based on expert assessments, 80 categories characterizing values of the Russians were identified, and the research subjects from the main group were asked to assess them using a special scale. The analysis demonstrated that in the system of value attitudes of youth, the highest priority is given to the behavior domain (parents honoring,

politeness, culture of everyday life, etc.), highest feelings (meaning of life, belief in God, etc.), and attitude to one's country (cultural values, economic stability, historical past), personal experiences (family, freedom, endurance, etc.), while the least priority is given to power, risk, and money. The study identified 10 factors that account for 60% of total variance. It is found that value attitudes of young people explain 46% of variations in civil identity. Value attitudes towards one's homeland is the strongest predictor of identity.

Keywords: identity, subject, value attitude, traditional values.

References

1. Berdyaev, N. A. (2007). *Padenie svyashchennogo russkogo Tsarstva: Publitsistika* [Fall of the holy Russian Tsardom: Political essays] 1914–1922. Moscow: Astrel.
2. Berdyaev, N. A. (1918). *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsionalnosti* [Destiny of Russia. Essays on the psychology of war and nationality]. Moscow: G. A. Leman and S. I. Sakharov Publishing House.
3. Bocharova, E. E. (2014). Aksiologicheskaya napravlennost lichnosti predstavitelei raznykh sotsiokulturnykh grupp [Axiological orientation of the personality of representatives of different socio-cultural groups]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Seria: Filosofia. Psikhologia. Pedagoga*, 14 (2–1), 58–63.
4. Bocharova, E. E. (2012). Tsennostnye predpochtenia molodezhi v predstavneniakh razlichnykh sotsialnykh grupp [Value preferences of youth as perceived by various social groups]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Akmeologia Obrazovania. Psikhologia razvitiya*, 12 (4), 13–16.
5. Grigorieva, M. V. (2012). Sotsialnye predstavleniya o normakh i tsennostiakh molodezhi i predstavitelei raznykh pokoleniy [Social representations of the norms and values of the youth representatives of different generations]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Akmeologia Obrazovania. Psikhologia razvitiya*, 12 (4), 8–13.
6. Gumilyov, L. N. (1989). *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Leningrad: LSU Publishing House.
7. Dodonov, B. I. (1978). *Emotsiya kak tsennost'* [Emotion as a value]. Moscow: Politizdat.
8. Zhuravlev, A. L. & Drobysheva T. V. (2010). Tsennostnye orientatsii formiruyuschiysya lichnosti v raznye periody razvitiya rossiiskogo obschestva [Value orientations of emerging personality in different periods of Russian society development]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (5), 5–16.
9. Zhuravleva, N. A. (2012). Tsennostnye orientatsii lichnosti v izmenyayushchemsya rossiiskom obschestve [Personal value orientations in the changing Russian society]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 33 (1), 30–39.
10. Kaptsov, A. V. (2014). Rol' asimmetrichnykh ekopsikhologicheskikh tipov kommunikativnogo vzaimodeystviya v razvitiy tsennostey studentov [Role of asymmetric ecopsychological types of communication interaction in the development of values of students]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Akmeologia Obrazovania. Psikhologia razvitiya*, 3 (4), 352–355.
11. Kaptsov, A. V. (2012). Sootnoshenie vyrazhennosti terminalnykh i instrumentalnykh tsennostey v akiosfere rabotayushey molodezhi [The ratio of expression of terminal and

- instrumental values in the axiosphere of young workers]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seria: Psikhologia*, 2, 96–107.
12. Lebedeva, N. M. (2009). Tsennosti kulturi i otnoshenie k innovatsiyam v Rossii i Kitae [Cultural values and attitudes to innovation in Russia and China]. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovania*, 11 (30), 188–192. Retrieved from: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/69.html
 13. Leontiev, D. A. (2007). *Psikhologia smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi realnosti* [The psychology of meaning: nature, structure, and dynamics of conceptual reality]. Moscow: Smysl.
 14. Lomova, T. E., Timoshenko, E. D. & Yachin, S. E. (2009). Transformatsia tsennostnykh orientatsiy rossiiskoy i kitayskoy studencheskoy molodezhi v usloviakh globalizatsii [Transforming value orientations of Russian and Chinese young University students in the context of globalization]. *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoi akademii nauk*, 1, 81–90.
 15. Luzakov, A. A. (2005). Struktura tsennostnykh predpochteniy i kategorii samovospriatia [Structure of value preferences and categories of self-perception]. *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie*, 4, 16–30.
 16. McDougall, W. (1916). *Key problems of social psychology*. Moscow: Kosmos Publishing House.
 17. Pankratov, S. A. & Telnova, N. A. (2011). Spetsifika grazhdanskoy identichnosti [The specificity of civic identity]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seria: Sotsiologia, Politologia*, 11 (4), 75–79.
 18. Ryabikina, Z. I. (2014). Lichnostnaya identichnost v situatsii izmeneniya systemy identifikatsii (sotsialno-psikhologicheskie efekty ukrainskogo razloma) [Personal identity in the situation of identification system change (socio-psychological effects of the Ukrainian breakup)]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seria. Akmeologia Obrazovania. Psikhologia razvitiia*, 3 (3), 263–267.
 19. Savitsky, P. N. (1927). *Rossia — osobiy geograficheskii mir* [Russia, a distinct geographical world]. Prague: Eurasian Publishing House.
 20. Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologia mezhetneticheskoi napryazhennosti* [The psychology of ethnic tension]. Moscow: Smysl.
 21. Fantalova, E. B. (2011). Uroven sootnosheniya “tsennosti” i “dostupnosti” v razlichnykh zhiznennykh sferakh: psikhometricheskoe issledovanie pokazatelei [Level of correlation of “value” and “accessibility” in different life spheres: psychometric study of indicators]. *Methodology. Mir psikhologii*, 2, 228–243.
 22. Shamionov, R. M. (2011). Vzaimosvyaz gruppovykh tsennostei i sub’ektivnogo blagopoluchia predstavitelei kontaktiruyusch ikh etnosov (na primere Povolzhia) [The relationship of group values and subjective well-being of representatives of contact ethnic groups (Volga Region)]. *Vektor nauki Toliatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pedagogika, psikhologia*, 4, 307–309.
 23. Shamionov, R. M. (2009). Kharakteristiki tsennostnykh orientatsii molodezhi v sootnoshenii s predstavleniami o Rossii i tsennostiakh Rossii [Features of value orientations of youth as compared with perceptions of Russia and values of Russians]. *Sotsiologia obrazovania*, 4, 39–49.

24. Buchanan, K. & Bardi, A. (2015). The Roles of values, Behavior, and Value-Behavior Fit in the Relation of Agency and Communion to Well-Being. *Journal of personality*, 83 (3), 320–333.
25. Caspersz, D. & Olaru, D. (2015). Why do students differ in the value they place on pro-social activities? *Journal of sociology*, 51 (4), 1017–1038.
26. Copestake, J. & Camfield, L. (2010). Measuring multidimensional aspiration gaps: A means to understanding cultural aspects of poverty. *Development policy review*, 28 (5), 617–633.
27. Dobewall, H. & Strack, M. (2014). Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited. *International journal of psychology*, 49 (4), 240–248.
28. Hope, N. H., Milyavskaya, M., Holding, A. C. & Koestner, R. (2014). Self-Growth in the College Years: Increased Importance of Intrinsic values Predicts Resolution of Identity and Intimacy Stages. *Social psychological and personality science*, 5 (6), 705–712.
29. Levin, S., Roccas, S., Sidanius, J. & Pratto, F. (2015). Personal values and intergroup outcomes of concern for group honor. *Personality and Individual differences*, 86, 374–384.
30. Maxwell-Smith, M. A., Seligman, C., Conway, P. & Cheung, I. (2015). Individual Differences in Commitment to Value-Based Beliefs and the Amplification of Perceived Belief Dissimilarity Effects. *Journal of personality*, 83 (2), 127–141.
31. Miles, A. (2015). The (Re)genesis of values: Examining the Importance of values for Action. *American sociological review*, 80 (4), 680–704.
32. Rokeach, M. (1979). *Understanding human values: individual and societal*. New York: The free press.
33. Rokeach, M. & Ball-Rokeach, S. J. (1989). Stability and Change in American Value Priorities, 1968–1981. *American Psychologist*, 44 (5), 775–784.
34. Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J. E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O. & Konty, M. (2012). Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103 (4), 663–688. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1037/a0029393>
35. Schwartz, S. H. & Butenko, T. (2014). Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia. *European journal of social psychology*, 44 (7), 799–813.
36. Triandis, H. C. & Gelfland, M. J. (1989). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (6), 118–128.
37. Tsirogianni, S. & Sammut, G. (2014). Transitivity analysis: A framework for the study of social values in the context of points of view. *British journal of social psychology*, 53 (3), 541–556.

ДУХОВНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ГЕНДЕРНЫЙ И ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТЫ

Галлямова А. А., Лопухова О. Г.

Галлямова Алия Альбертовна,
Институт психологии и образования Казанского федерального университета,
420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Межлаука, д. 1.
Эл. почта: aliya.gallyamova@inbox.ru

Лопухова Ольга Геннадьевна,
Институт психологии и образования Казанского федерального университета,
420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Межлаука, д. 1.
Эл. почта: olopuhova@gambler.ru

В статье ставится проблема изучения взаимосвязи духовности и религиозности, актуализированная современными угрозами влияния различных религиозных движений и сект. Исследование содержания образа духовности у подростков, юношей, молодежи и взрослых, мужчин и женщин, его взаимосвязи с религиозностью позволяет сопоставить возрастные и гендерные аспекты и понять значение религиозной активности в развитии духовности личности. Выборка включает 496 респондентов мужского и женского пола в возрасте от 11 до 62 лет. В исследовании применялись семантические методы диагностики представлений о духовности и измерение религиозности по восьми шкалам опросника религиозной активности (Смирнов, 1999), частотный и корреляционный анализ данных. Выявлено, что в целом уровень религиозной активности оказывает прямое влияние на содержание духовного опыта. С возрастом духовность больше ассоциируется с морально-нравственным, религиозным содержанием личного опыта и действий, в то время как у подростков и юношей духовность в большей степени связана с внутренним состоянием спокойствия. Религиозность у женщин в большей степени сказывается на особенностях их мировоззрения, отождествляясь с духовностью, в то время как у мужчин имеется большая вариативность в ассоциациях между духовным и религиозным опытом.

Ключевые слова: духовность, образ духовности, религиозность, религиозная активность, подростки, юноши, мужчины, женщины.

Хаос и разрушения, вызванные действиями активизировавшейся радикальной части исламского мира, не могут оставлять без внимания представителей общественных наук. Принимая во внимание, что второй по численности исповедующих религиозной конфессией в России является ислам, и при условии, что к традиционно мусульманским народам Поволжья и Северного Кавказа прибавляется население Крыма, а также учитывая характер современной геополитики, веками сохраняющееся мирное сосуществование народов нашей многоконфессиональной страны требует поддержки, проведения исследований,

своевременного реагирования на угрозы и их минимизацию. И, как отмечают многие исследователи, ведущим фактором неблагоприятного развития становится кризис духовности (Азарова, 2009; Астахова, Александрова, 2010; Карпова, Лукс, Асташина, Бухнер, Говердовская, 2014; Керимов, Керимова, Гадаев, 2013; Стерледева, Стерледев, 2013; Черникова, 2010). Учеными в основном выделяются нравственные аспекты духовности и предлагаются методы их развития, поддержания и просвещения населения и даже обосновывается необходимость выделения и исследования «духовного копинга» (Самойлова, 2013).

Ни для кого не секрет, что религиозные формы сознания, существуя испокон веков, имеют высокую значимость и смысл. Например, нам представляются показательными данные социологических опросов, согласно которым к 1990-м количество неверующих в несколько раз превышало количество верующих, а через несколько лет число верующих начало стремительно расти и к 2015 г. их число превысило 80%. Так, с одной стороны, социальная действительность оказывает ощутимое влияние на религиозность населения, с другой — потребность в вере сохраняется веками и оказывает существенное влияние на жизнь всего общества в целом и отдельно взятой личности.

Высокое значение религии для населения также отразилось в ответах 1600 респондентов на вопрос «Как вы считаете, что люди прежде всего обретают в религии?»: моральные и нравственные нормы повседневной жизни (28%), спасение души, путь к вечной жизни (13%), ничего существенного религия не дает, но и особого вреда от нее нет (12%), затрудняюсь ответить (12%), очищение души (11%), смысл жизни (9%) (Левада-Центр, 2016).

Поскольку потребность в вере «не изживаема и будет всегда вести человека к жрецам, в каком виде они бы ни были» (Карпова, 2014), то проблема духовности и веры людей приобретает особую значимость в связи с воздействием на население новых религиозных движений и сект, которые удовлетворяют искания людей психологически небезопасными путями. Ученые подчеркивают, что их воздействие нарушает социальную стабильность, насаждает бездуховность и безнравственность, дискредитирует традиционные религии и целенаправленно спекулирует прежде всего духовными и нравственными ценностями, обещая невиданные уровни духовного и нравственного совершенства. Предсказуемо, что главный упор такие организации делают на юношей, вербуя из учащихся своих адептов. В результате «тысячи студентов вузов оказываются в этих сектах, забрасывают учебу, появляются многочисленные случаи психических расстройств и самоубийств» (Швечиков, 2005). Спекуляции духовностью в таких организациях приводят к тотальному контролю над личностью, десоциализации человека, формированию мировоззрения, в котором существует единственно истинное учение, а мир делится на своих и чужих, происходит подмена традиционных духовных принципов и норм.

Поэтому для научного понимания религиозных и духовных аспектов жизни человека и профилактики негативного воздействия обозначенных факторов, нами проводится данная исследовательская работа.

Теоретический анализ осмысления понятий «духовность» и «религиозность», а также их соотношения показал недостаточную разработанность и неоднозначность толкований как в зарубежной, так и в отечественной науке. Например, по Р. Эммонсу, духовность и религиозность входят в область жизни, относящуюся к «конечному назначению и смыслу жизни, набору принципов и этических установок, к служению Богу или высшей силе, признанию трансцендентного в повседневном опыте, самозабвенной сосредоточенности и набору верований и практик, созданных для установления отношений с трансцендентным» (Эммонс, 2004). По Т. Легере, духовность это опыт, а религия — концептуализация опыта (Legere, 1984). Согласно Е. Келли, религия и духовность исходят из измерений реальности, не воспринимаемых строго эмпирически, при этом религией можно назвать многие ритуализированные связи людей с Богом, а духовность есть чувство принадлежности и целостности, это открытость бесконечному (Kelly, 2004). У. Джеймс разделяет внешнюю, обрядовую религию и личную, внутреннюю, имеющую опыт совести, одиночества, долга, несовершенства человека, позволяющую выйти на встречу с Богом (Джеймс, 1902). Анализируя психологические представления о духовности и религиозности, Р. В. Агузумцян заключает, что религия может выступать более широким понятием по отношению к духовности и включать ее в себя. В то же время, если рассматривать духовность как опыт внутренних, личных переживаний, как поиск сакрального, то можно предположить, что с религиозными переживаниями человек может испытывать и эстетические, познавательные, нравственные переживания, способные вывести его из эмпирического в трансцендентный мир. С такой точки зрения духовность предстает более широким, по отношению к религиозным переживаниям, понятием, и включает его наряду с другими переживаниями (Агузумцян, Хачатрян, 2012). В отечественной психологии фундаментальными вопросами духовности занимаются такие исследователи, как Б. С. Братусь, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, В. А. Пономаренко, Л. М. Попов, В. И. Слободчиков, В. Д. Шадриков, которые требуют отдельного пристального внимания. На данный момент отметим, что пока не оформилось единого толкования и понимания феномена духовности.

Анализ последних практико-ориентированных публикаций психологов и педагогов по вопросам духовности показал, что многие отечественные исследователи ратуют за возрождение изучения духовной сферы, нацелены на развитие духовности молодых людей.

Поэтому нам представляется перспективным и полезным начать наше исследование с изучения образа духовности у молодых людей, его смыслового содержания и значения, а также связи образа духовности с религиозностью.

Хотя для юношеского возраста и характерна неотрефлексированность духовной сферы жизни и в целом понятия «духовность», тем не менее, даже самые простые, наивные житейские образы оказывают влияние на их переживание, понимание и поведение.

Таким образом, *целью исследования* является научное понимание духовных и религиозных аспектов жизни человека, позволяющее разрабатывать программы развития духовного начала и минимизации воздействия негативных внешних факторов. Образ духовности нами исследуется у подростков и юношей, а у молодежи и людей зрелого возраста образ духовности анализируется во взаимосвязи с религиозностью.

На данный момент характеристики религиозности подростков мало изучены. В проанализированных исследованиях представлено, что имеется динамика религиозной самоидентификации детей и подростков. Так, верующими себя считают 33,3% шестилетних детей, 51,7% девятилетних, 75% двенадцатилетних, 67,2% пятнадцатилетних, к 15 же годам формируются атеистические представления (Самойлова, 2013). Отмечается, что подростковый возраст очень чувствителен для формирования религиозного мировоззрения в верующих семьях, при этом религиозная принадлежность скорее выступает как средство самопредъявления, т.е. создания определенного образа у окружающих и повышения своей самооценки. Поэтому мы считаем, что для получения ответа на вопрос о взаимосвязи религиозности и образа духовности наиболее подходящим является возрастная категория старшего юношеского возраста, ориентировочно с 17–18 лет, т.е. это молодежь и люди зрелого возраста, у которых религиозные представления являются более устоявшимся личностным образованием и имеется рефлексия религиозного опыта.

Организация и методы исследования

Для проведения эмпирического исследования образа духовности применялись следующие методы: метод свободных ассоциаций на понятие «духовность»; семантический дифференциал с парами слов «веселый–грустный», «хороший–плохой», «полный–пустой», «светлый–темный», «длинный–короткий», «большой–маленький», «сильный–слабый», «сложный–простой», «новый–старый», «теплый–холодный», «быстрый–медленный», «активный–пассивный», «спокойный–беспокойный», «мирный–агрессивный», «добрый–злой»; контент-анализ ответов на открытые вопросы: «Что такое духовность?» и «Мой опыт духовности». Для анализа религиозности применялся опросник религиозной активности Д. О. Смирнова (Смирнов, 1999), включающий в себя 8 шкал: «шкала религиозных переживаний», представляющая собой суммарный показатель следующих трех шкал и отражающая многообразие религиозного опыта и теистические трансцендентные устремления личности, «шкала астенических религиозных переживаний», выражающая ощущение человеком своей

слабости, несовершенства перед божественным, «шкала стенических религиозных переживаний», показывающая степень ощущения человеком прилива сил, вдохновения и восторга по отношению к божественному, «шкала предрелигиозных переживаний», свидетельствующая о направлении человека в сферу трансцендентного, без связи с Теосом, «шкала внутренней / внешней религиозной мотивации», опирающаяся на опросник Г. Олпорта и отражающая характер религиозной мотивации (как цель или как средство), «шкала религиозных действий», показывающая индивидуальный опыт религиозных действий, «шкала религиозного естественно-научного мировоззрения», выражающая особенности мировоззрения личности, «шкала религиозной активности», представляющая суммарный показатель шкал и характеризующий уровень развития личной религиозности.

Выборку подростков и юношей составили учащиеся трех средних общеобразовательных школ г. Казани в количестве 292 человек, среди которых 189 подростков (103 девочки и 86 мальчиков) и 103 юноши (55 девушек и 48 парней). Деление выборки на две возрастные группы (подростки и юноши) основано на периодизации психического развития Д. Б. Эльконина (Кулагина, Колюцкий, 2006). Соответственно в группу подростков вошли дети 11–15 лет (ученики 6–9 классов), в группу юношей вошли ученики 10–11 классов в возрасте 16–18 лет. Выборку молодежи и людей зрелого возраста составили 104 женщины в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст 28,2 года) и 100 мужчин в возрасте от 18 до 62 лет (средний возраст 27,8 лет).

Результаты исследования

Представим здесь предварительные данные, полученные по результатам частотного анализа ассоциаций. Всего подростками дано 740, юношами 377 ассоциаций, взрослыми 754 ассоциации. Сравним десятку наиболее часто встречающихся ответов в трех группах.

Полученные данные свидетельствуют о наличии ассоциативной связи понятия «духовность» с религиозными символами и объектами, что ставит задачу выявления взаимосвязи между представлениями о духовности и религиозности. Из таблицы очевидно, что связь духовности с религиозностью только укрепляется с возрастом, более того, у взрослой группы в ассоциациях на первом месте стоит главный религиозный феномен — вера, и представлено ключевое религиозное действие — молитва, также взрослыми делается акцент на морально-нравственной составляющей, тогда как у подростков и юношей религия скорее выступает как общественное явление, а духовность в первую очередь связана с состоянием спокойствия. С полученными данными соотносятся и результаты исследования религиозности в разные возрастные периоды, проведенного Н. В. Усовой и А. Ф. Кашаповой, согласно которому у представителей среднего возраста (30–40 лет) сильнее выражена вера в Бога и религиозная активность (ритуалы), а также

Частотный анализ ассоциаций на слово «духовность» в трех возрастных категориях

№ п/п	Подростки	Кол-во, %	Юноши	Кол-во, %	Взрослые	Кол-во, %
1	Спокойствие	35	Религия	43	Вера	32
2	Дух(и)	24	Спокойствие	26	Религия	24
3	Религия	20	Вера	23	Доброта	18
4	Душа	16	Богатый (развитый) внутренний мир	14	Бог	12
5	Добро(та)	15	Церковь	13	Душа	11
6	Вера	13	Культура	11	Молитва	10
7	Музыка	12	Искусство	8	Спокойствие	10
8	Любовь	11	Мир	8	Церковь	8
9	Церковь	8	Душа	7	Чистота	7
10	Расслабленность	5	Развитие	7	Нравственность	6

более выражен морально-нравственный религиозный компонент, чем у респондентов более юного возраста (18 лет). В исследовании Е. С. Гусевой обнаружено, что в каждом возрасте уровень базовых духовных переживаний выше у женщин, чем у мужчин, при этом статистически эти различия становятся только в группе испытуемых 20–40 лет (Гусева, 2014). Так, наше предположение о необходимости изучения у взрослых взаимосвязи образа духовности с религиозностью подтверждаются полученными нами данными и результатами исследований других ученых. Также появляется потребность проанализировать гендерные особенности взаимосвязи духовности с религиозностью.

Как и предполагалось, людей, причисляющих себя к верующим, оказалось довольно много. Так, на вопрос «Какая у Вас религиозная принадлежность?» с вариантами ответов «Я не религиозный человек», «Православное христианство», «Мусульманство», «Католическое христианство», «Иудаизм», «Буддизм», «Свой вариант» 86% мужчин и 73% женщин выбрали определенную религиозную принадлежность, а также 3% мужчин и 4% женщин отметили, что верят в «Бога вне религии». Только 11% мужчин и 22% женщин не считают себя религиозными людьми. Таким образом, подавляющий процент населения считает себя религиозным, что, конечно, сказывается во многих жизненных сферах личности.

Контент-анализ определения духовности и опыта духовности, а также ассоциаций на слово «духовность» проводился с позиции религиозного содержания: есть ли религиозный смысл в определении и опыте духовности (молитва, религиозные действия, обретение веры и др.) или нет, присутствуют ли религиозные объекты и символы в ассоциациях (вера, религия, молитва, церковь, соединение

с Богом и др.) или нет. Корреляционный анализ полученных данных с показателями религиозной активности позволил получить следующие результаты.

Испытуемые в группе мужчин ($r_s = 0,2$, при $p = 0,05$), и испытуемые в группе женщин ($r_s = 0,24$, при $p = 0,05$), у которых преобладает религиозно-теоретическое мировоззрение, представляющее собой рациональные стороны веры с восприятием религиозных символов, таких как Бог, рай, ад, душа, как реально существующих, дают ассоциации на понятие «духовность» религиозного содержания, т.е. связывают духовность с религиозностью. В то время, как мужчины и женщины с естественно-научными взглядами на жизнь, склонные объяснять непонятные явления с точки зрения науки и воспринимающие религиозные символы как фантазию или продукт субъективных переживаний верующих, не имеющий связи с реальностью, не соединяют духовность с религиозностью.

Как у мужчин, так и у женщин, с опытом духовности напрямую взаимосвязаны большинство показателей религиозной активности.

Так, взаимосвязь показателя «стенических религиозных переживаний» с опытом духовности у мужчин ($r_s = 0,3$ при $p = 0,01$) и у женщин ($r_s = 0,4$ при $p = 0,001$) свидетельствует о том, что при переживании многообразных и глубоких чувств по отношению к Богу, Божественным проявлениям, характеризующимся приливом сил, восторгом, вдохновением, под опытом духовности ими будет подразумеваться религиозный опыт.

Прямая взаимосвязь показателя «общих религиозных переживаний» с опытом духовности у мужчин и у женщин ($r_s = 0,25$, при $p = 0,05$) говорит о том, что при наличии многообразного личного религиозного опыта и теистических трансцендентных устремлений, под опытом духовности также подразумевается религиозный опыт.

Взаимосвязь показателя «внутренней / внешней религиозной мотивации» с опытом духовности у мужчин ($r_s = 0,2$ при $p = 0,05$) и у женщин ($r_s = 0,4$ при $p = 0,001$) означает, что мужчины и женщины, у которых выражена внутренняя религиозная мотивация, как первостепенная в структуре направленности личности, и которые не просто предполагают существование Бога, но и чувствуют его в своей жизни, называют религиозный опыт духовным, связывают эти две категории. В то время, как мужчины и женщины с внешней религиозной мотивацией, основанной на поверхностном, случайном интересе к религии, склонны называть опытом духовности нерелигиозные события и переживания.

Взаимосвязь показателя «религиозного / естественно-научного мировоззрения» с опытом духовности в группе мужчин ($r_s = 0,2$ при $p = 0,05$) и в группе женщин ($r_s = 0,4$ при $p = 0,001$) означает, что люди, у которых преобладает теистическое, религиозное мировоззрение, рациональная сторона веры, позволяющая воспринимать религиозные символы Бога, души, рая, ада как реальные, об опыте духовности рассказывают, как об опыте религиозности, т.е. называют

религиозный опыт духовным. В то время, как люди с естественно-научным мировоззрением, объясняющие непонятные явления с научных позиций и воспринимаящие религиозную символику скорее фантазией или продуктом субъективных религиозных переживаний верующих, не связанных с реальностью, под опытом духовности не склонны подразумевать религиозный опыт.

Взаимосвязь показателя «религиозной активности» с опытом духовности у мужчин ($r_s = 0,24$ при $p = 0,05$) и у женщин ($r_s = 0,3$ при $p = 0,01$) говорит о том, что и мужчины, и женщины с высоким уровнем развития личной религиозности отождествляют духовный и религиозный опыт.

В группе мужчин также имеется взаимосвязь показателя «религиозных действий» с опытом духовности ($r_s = 0,2$ при $p = 0,05$), которая свидетельствует о том, что при наличии у мужчин индивидуального опыта религиозных действий, таких как участие в церемониях, обращение к Богу, практическое следование религиозным принципам, ими он характеризуется как духовный, т.е. связывается духовность и религиозность. И соответственно, мужчины, у которых мал или отсутствует опыт религиозных действий, под опытом духовности не склонны описывать религиозный опыт.

В группе женщин показатель «религиозных действий» связан с ассоциациями на понятие «духовность» ($r_s = 0,2$, при $p = 0,05$) и с определением духовности ($r_s = 0,2$, при $p = 0,05$), что свидетельствует о том, что женщины со значительным опытом выполнения таких религиозных действий, как участие в церемониях, обращение к Богу, следование религиозным принципам, ассоциируют духовность с религиозными символами и объектами, а в определении духовности делают акцент именно на его религиозную составляющую. И наоборот, женщины, не имеющие опыта выполнения религиозных действий, не связывают понятия «духовность» и «опыт духовности» с религиозными объектами.

Заключение и выводы

Обобщая полученные данные, можно сказать, что феномены духовности и религиозности в индивидуальном сознании современного человека имеют выраженную взаимосвязь, которая в то же время характеризуется определенными возрастными и гендерными особенностями. Согласно полученным данным, с возрастом укрепляется связь духовности с религиозностью. Если в подростковом возрасте и у юношей религия воспринимается как общественное явление, а духовность — как внутреннее состояние спокойствия, то у взрослых духовность имеет неразрывную связь с морально-нравственной составляющей, верой и молитвой.

Полученные данные показали, что взаимосвязь представлений о духовности и религиозности у мужчин и женщин имеет сходную картину. Наибольшее влияние показатели религиозной активности как в группе мужчин, так и в группе женщин, оказывают на представление об опыте духовности. То есть чем выше показатели «стенических религиозных переживаний», «общих религиозных

переживаний», чем выше «внутренняя религиозная мотивация», чем больше преобладание «религиозного мировоззрения» над естественно-научными представлениями и чем выше «религиозная активность», тем скорее мужчины и женщины отождествляют духовный и религиозный опыт, тем скорее религиозный опыт назовут духовным. Характер ассоциаций на слово «духовность» у мужчин и у женщин также связан с особенностями их мировоззрения: у людей с религиозным мировоззрением ассоциации на «духовность» имеют религиозное содержание, у людей с естественно-научным мировоззрением ассоциации не включают религиозные объекты и веру в Бога.

Однако имеются и гендерные различия. Так, у женщин больше значимых взаимосвязей между содержанием образа духовности и их религиозностью, эти связи более выражены (имеют меньшую погрешность), и практический опыт религиозных действий у женщин отражается в особенностях представлений о духовности (содержание определения духовности), что свидетельствует о том, что религиозность у женщин в большей степени сказывается на особенностях их мышления. То есть практические действия, ассоциации и мировоззрение женщин в духовной и религиозной сферах более взаимосвязаны между собой.

Представленные здесь предварительные результаты исследования, на наш взгляд, позволяют обогатить теоретические и практические научные исследования через раскрытие содержания и характеристик образа духовности, представлений о духовности и их связи с религиозностью, также в перспективе позволят разработать и реализовать методы поддержания мирного и безопасного существования нашего многоконфессионального общества.

Библиографический список

1. Агузумцян, Р. В., Хачатрян, Н. Г. (2012). Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки. *Национальный психологический журнал*, 1, 74–80.
2. Азарова, Е. А. (2009). Христианский гуманизм как методологическая основа образования и воспитания личности: о взаимодополняемости науки и религии в народосберегающих технологиях. *Психология человека в современном мире*, 6, 258–264.
3. Астахова, Л. С., Александрова, Н. Н. (2010). Религиозные риски и проблемы духовной безопасности в контексте кризиса профессиональной идентичности. *ВЭПС*, 3, 127–129.
4. Гусева, Е. С. (2014). Гендерные аспекты индивидуальной религиозности. *Известия Самарского научного центра РАН*, 2–2, 329–332.
5. Карпова, Т. П., Лукс, Г. А., Асташина, Е. Е., Бухнер, А. А., Говердовская, И. Н. (2014). Исследование повседневного знания современной молодежи в вопросах религии. *Современные проблемы науки и образования*, 4, 73–80.
6. Керимов, М. М., Керимова, Б. С., Гадаев, В. Ю. (2013). Исламский мир и развитие духовности общества. *Исламоведение*, 1, 20–28.
7. Кулагина, И. Ю., Колюцкий, В. Н. (2006). *Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека*. Москва: ТЦ Сфера.

8. *Общественное мнение — 2015*. (2016). Москва: Левада-Центр. Режим доступа: <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2015>
9. Самойлова, И. Г. (2013). Религиозный опыт личности: социально-психологические исследования. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 3, 55–59.
10. Смирнов, Д. О. (1999). Описание процедуры стандартизации психометрической методики «Опросник религиозной активности». *Пасхи. Научный психологический журнал*, 1–2, 159–172.
11. Стерледева, Т. Д., Стерледев, Р. К. (2013). Духовность и бездуховность как вызов и риски для России. *Власть*, 8, 78–82.
12. Черникова, В. Е. (2010). Духовность в современном образовательном процессе. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 6, 135–142.
13. Швечиков, А. Н., священник Мороз, А. (2005). *Деструктивные тоталитарные секты в современной России*. СПб.: СПбГУТД.
14. Эммонс, Р. (2004). *Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности*. Москва: Смысл.
15. James, L. (1902). *The varieties of religious experience*. Moscow: Russian thought.
16. Legere, T. (1984). A spirituality for today. *Studies in formative spirituality*, 5 (3), 75–84.

Статья поступила в редакцию 25.04.2016.

.....

SPIRITUALITY AND RELIGIOSITY: GENDER AND AGE ASPECTS

Galliamova A. A., Lopukhova O. G.

Galliamova Aliya Albertovna, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, str. Mezhlauk, d. 1.

E-mail: aliya.gallyamova@inbox.ru

Lopukhova Olga Gennadievna, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, str. Mezhlauk, d. 1.

E-mail: olopuhova@rambler.ru

The article raises the problem of studying the relationship of spirituality and religiosity, actualized of modern threat of growing influence of various religious movements and sects. Research the content of the image of spirituality in teenagers, young men, young people and adults, both men and women, its relationship with religiosity, allows to compare age and gender perspective and to understand the significance of religious activity in the development of the individual spirituality. The sample included 502 respondents of both sexes aged 11 to 65 years. The study used methods of semantic diagnosis of spirituality representations and measurement of religiosity on eight scales of the "Religious Activity Questionnaire" (Smirnov, 1999), the frequency and correlation analysis. It was found that the level of religious activity has a direct influence on the content of spiritual experience. With age, spirituality is more associated with the moral and ethical, religious content of personal experience and action, whereas in adolescents and young adults "Spirituality" is more associated with the internal state of mind. Religiosity in women largely affects the features of their worldview, identifying with spirituality, whereas in men there is a large variation in associations between the spiritual and religious experience.

Keywords: spirituality, image of spirituality, religiosity, religious activity, adolescents, youths, men, women

Reference

1. Aghuzumtsyan, G. V. & Khachatryan, N. G. (2012). Izuchenie fenomena duhovnosti v kontekste religioznogo znaniya i psihologicheskoy nauki [Studying the phenomenon of spirituality in the context of religious knowledge and psychological science]. *Nacionalnyj psihologicheskij zhurnal* [National psychological journal], 1, 74–80.
2. Azarova, E. A. (2009). Hristianskij gumanizm kak metodologicheskaya osnova obrazovaniya i vospitaniya lichnosti: o vzaimodopolnyaemosti nauki i religii v narodosberegayushchih tekhnologiyah [Christian humanism as a methodological basis of education and upbringing of personality: on the complementarity of science and religion in narodoslavsky technology]. *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human Psychology in the modern world], 6, 258–264.
3. Astahova, L. S. & Aleksandrova, N. N. (2010). Religioznye riski i problem duhovnoj bezopasnosti v kontekste krizisa konfessional'noj identichnosti [Religious risks and problems of the spiritual security in the context of the crisis of religious identity]. *VEHPS*, 3, 127–129.
4. Guseva, E. S. (2014). Gendernye aspekty individual'noj religioznosti [Gender dimensions of individual religiosity]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestiya Samara scientific center of RAN], 2–2, 329–332.
5. Karpova, T. P., Luks, G. A., Astashina, E. E., Buhner, A. A. & Goverdovskaya, I. N. (2014). Issledovanie povsednevnogo znaniya sovremennoj molodezhi v voprosah religii [The study of everyday knowledge of today's youth in matters of religion]. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 4, 73–80.
6. Kerimov, M. M., Kerimova, B. S. & Gadaev, V. YU. (2013). Islamskij mir i razvitie duhovnosti obshchestva [The Islamic world and the development of spirituality]. *Islamovedenie* [Islamic studies], 1, 20–28.
7. Kulagina, I. Yu. & Kolyuckij, V. N. (2006). *Vozrastnaya psihologiya: Polnyj zhiznennyj cikl razvitiya cheloveka* [Developmental psychology: the Full life cycle of human development]. Moscow: TC Sfera.
8. *Obshchestvennoe mnenie — 2015* [Public opinion — 2015]. (2016). Moscow: Levada-Centr. Retrieved from: <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshchestvennoe-mnenie-2015>
9. Samojlova, I. G. (2013). Religioznyj opyt lichnosti: social'no-psihologicheskie issledovaniya [Religious experience of the individual: a social-psychological research]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova: Pedagogika. Psihologiya. Social'nayarabota. YUvenologiya. Sociokinetika* [Vestnik of KSU N. A. Nekrasov: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology], 3, 55–59.
10. Smirnov, D. O. (1999). Opisaniye protsedury standartizatsii psikhometricheskoy metodiki — “Oprosnik religioznoy aktivnosti” [The description of the standardization procedures of psychometric techniques — “Religious activity Questionnaire”]. *Paskhi. Nauchnyy psikhologicheskij zhurnal* (Paschi. Scientific Psychological Journal), 1–2, 159–172.
11. Sterledeva, T. D. & Sterledev, R. K. (2013). Duhovnost' i bezduhovnost' kak vyzov i riski dlya Rossii [Spirituality and inspirituality as a challenge and risks for Russia]. *Vlast* [The Power], 8, 78–82.
12. Chernikova, V. E. (2010). Duhovnost' v sovremennom obrazovatel'nom processe [Spirituality in the modern educational process]. *Nauchnye problemi gumanitarnyh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian studies], 6, 135–142.

13. Shvechikov, A. N. & svyashchennik Moroz, A. (2005). *Destruktivnye totalitarnye sekty v sovremennoj Rossii* [Destructive totalitarian sects in Russia today]. SPb.: SPbGUTD.
14. Ehmmons, R. (2004). *Psihologiya vysshih ustremenij; motivaciya i duhovnost' lichnosti* [The psychology of highest aspirations: motivation and spirituality in personality]. Moscow: Smysl.
15. James, L. (1902). *The varieties of religious experience*. Moscow: Russian thought.
16. Legere, T. (1984). A spirituality for today. *Studies in formative spirituality*, 5 (3), 75–84.

НОРМЫ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

.....

Клецина И. С., Иоффе Е. В.

Клецина Ирина Сергеевна,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48.
Эл. почта: irinaklyotsina@mail.ru

Иоффе Елена Викторовна,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48.
Эл. почта: elenaioffe@ya.ru

В первой части статьи представлены результаты теоретического анализа такого социально-психологического феномена, как нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы). Выделена специфика гендерных норм как разновидности социальных норм, раскрыты их функции, основные виды (традиционалистские и эгалитарные). Вторая часть статьи освещает результаты эмпирического исследования, направленного на выяснение степени приверженности студентов традиционалистским и эгалитарным нормам мужского поведения. Установлено, что подавляющее большинство юношей и девушек ориентировано на смешанный вариант гендерных норм, включающий традиционалистские и эгалитарные модели поведения. При этом число девушек, считающих, что поведение мужчин должно быть подчинено нормам традиционалистской маскулинной идеологии, в три раза меньше, чем число юношей. Кроме того, получены статистически значимые различия между выборками девушек и юношей в оценке разных сторон мужского поведения. Выяснилось, что девушки оказались менее требовательны к тому, чтобы поведение мужчин соответствовало традиционалистским нормам, за исключением мнения о том, что мужчина должен в первую очередь состояться в профессиональной карьере и быть добытчиком в семье.

Ключевые слова: социальные нормы, гендерные нормы, традиционалистский тип мужского поведения, эгалитарный тип мужского поведения.

В период социальных трансформаций актуальной проблематикой для социально-психологических исследований является изучение социального поведения личности в изменяющихся условиях (Андреева, 2009). Исследование специфики поведения личности предполагает обращение к изучению социально-психологических факторов, детерминирующих процесс индивидуального и группового поведения. При изучении факторов, являющихся специфическими регуляторами поведения в больших группах, исследователи, как правило, обращаются к анализу нравов, обычаев, ценностей, норм, идеалов. При изучении регуляторов социального поведения в малых группах в фокусе внимания ученых

оказываются групповые нормы. Анализ индивидуального поведения включает рассмотрение социальных установок личности (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Нормы являются универсальными регуляторами поведения, поскольку они выполняют свою регулирующую функцию не только в группах, но в отношении поведения отдельной личности. Поведение представителей больших групп регулируется социальными и культурными нормами, в малых группах действуют групповые нормы, а на уровне отдельной личности регулирующую функцию выполняют нормативные установки, так как в процессе социализации социокультурные и групповые нормы интериоризируются и становятся внутренними регуляторами поведения личности.

Несмотря на то, что нормы играют весьма значимую роль в детерминации социального поведения, изучению этого феномена современные исследователи уделяют крайне мало внимания. Практически не изучены *нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы)*, хотя исследователи нередко обращаются к изучению таких факторов, детерминирующих поведение мужчин и женщин, как *гендерные стереотипы* (Кабалевская, 2012; Махакова, 2007; Семенова, 2012; Уле, 2011), *гендерные установки* (Болдырева, 2006; Овчинникова, 2006; Дадаева, 2012; Степанова, Петрова, 2012), *гендерные представления* (Осипова, 2009; Отвечалина, 2005).

Данная статья посвящена анализу *норм* мужского и женского поведения (*гендерных норм*) как разновидности *социальных норм*. В статье также приведены результаты эмпирического исследования, свидетельствующие о распространенности различных видов гендерных норм среди представителей студенческой молодежи.

«*Нормы социальные* — общепризнанные правила, образцы поведения, стандарты деятельности, обеспечивающие упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия индивидов и групп» (Кондратьев, 2005). В психологических работах, раскрывающих содержательную сторону социальных норм, подчеркиваются следующие особенности данного феномена: 1) в социальных нормах находят отражение общественно значимые цели, идеалы, ценности, они содержат обобщенные представления о различных сферах общественной жизни; 2) они выступают в роли эталонов, образцов, стандартов, на которые принято ориентироваться в поведении и деятельности; 3) социальные нормы тесно связаны с мотивацией личности, ее ценностными ориентациями, установками и другими личностными свойствами. Иначе говоря, они увязывают требования, условия и задачи общества с поведенческими проявлениями личности (Кондратьев, 2005; Белинская, Тихомандрицкая, 2001; Петровский, Ярошевский, 1990).

Все перечисленные характеристики в той или иной степени раскрывают регулятивную функцию социальных норм как социально-психологического

феномена. Социальные нормы регулируют жизнедеятельность больших групп и всего общества (Петровский, Ярошевский, 1990). Социальными нормами регулируется ролевое поведение человека, т.е. поведение, которое ожидается от человека со стороны социума, в зависимости от той статусной позиции, которую он занимает в группе и в обществе (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Можно заключить, что регуляция поведения и деятельности людей является основной функцией социальных норм.

Гендерные нормы — правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей больших социальных групп. Процесс освоения гендерных норм, приобщение человека к стандартам полоролевого поведения принципиально не отличается от процесса освоения других социальных норм и включает в себя, с одной стороны, рациональное осознание этих норм, а с другой — интернализацию нормативных стандартов, т.е. превращение внешне заданных требований во внутреннюю норму, потребность, привычку.

Гендерные нормы выполняют следующие функции: 1) интегрирование детей разного пола в группы в процессе формирования гендерной идентичности; 2) формирование моделей, эталонов общепринятого поведения, соответствующего представителям мужского и женского пола; 3) регулирование общего хода гендерной социализации и контролирование поведения, отклоняющегося от гендерных норм (например, часто мы слышим высказывания типа: «Женщины (девочки) так себя не ведут», «Мужчины (мальчики) так не поступают»).

Таким образом, гендерные нормы подобно другим видам норм — это прежде всего обязанности человека по отношению к окружающим его людям, но в то же время это и ожидания других людей (малой группы, большой группы, общества в целом) в отношении поведения отдельных мужчин и женщин.

Гендерные нормы как разновидность социальных норм имеют общие признаки с другими видами норм, вместе с тем они обладают своей спецификой.

Первое отличие заключается в том, что в гендерных нормах культурная составляющая имеет существенно большее значение, чем в других видах норм (таких, как политические нормы, правовые, моральные). Это связано с тем, что гендерные нормы сформировались преимущественно на основе культурных обычаев, традиций, символов, а распространялись и закреплялись в общественном сознании с помощью продуктов культуры, среди которых большую роль играли народное творчество (мифы, сказки, песни) и современные средства массовой информации. Поэтому гендерные нормы должны исследоваться как социокультурный феномен.

Вторая отличительная особенность гендерных норм заключается в том, что они проявляют себя как на уровне всего общества, регулируя поведение мужчин и женщин как представителей больших социальных групп, так и на уровне ма-

лых групп, оказывая влияние на представителей разного пола как членов семьи, учебных заведений, трудовых коллективов. Гендерные нормы одновременно сочетают в себе черты общественных (социальных) и групповых норм.

Выделенные особые условия функционирования гендерных норм порождают их высокую степень устойчивости, ригидности и слабой подверженности изменениям. Освоение гендерных норм начинается в раннем возрасте под влиянием таких разных институтов социализации, как семья, школа, общество сверстников, профессиональные учреждения, СМИ, и идентификация по признаку пола, как правило, сохраняется на протяжении всей жизни человека. Гендерные нормы весьма лично значимы, поскольку известно, что основными факторами, способствующими соблюдению норм, являются групповая идентификация и ценность для личности членства в группе.

Таким образом, гендерные нормы как групповой феномен способствуют стабилизации характеристик гендерных групп, но в то же время, демонстрируя слабую подверженность изменениям, ограничивают личностное развитие и самореализацию мужчин и женщин.

Содержательные характеристики норм мужского поведения раскрываются через категорию «маскулинность», а для описания специфики женского поведения, как правило, используется категория «фемининность».

Однако такие трансформации в сфере социальной жизни, как постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда; ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности; распространение тенденции равного распределения обязанностей в сфере семейно-брачных отношений; модификация гендерных стереотипов и установок, способствуют изменениям гендерных норм от *традиционалистского* типа к *эгалитарному* (Кон, 2011).

В настоящее время в сфере социального поведения мужчин и женщин ситуация характеризуется двумя противоречивыми тенденциями: с одной стороны, в научных работах подчеркивается выраженная тенденция к сближению профессиональных и семейных ролей мужчин и женщин (Кон, 2011), с другой — акцентируется внимание на различиях в мужском и женском поведении, противопоставляются роли, статусы и жизненное предназначение мужчин и женщины (Андроникова, 2014). Эти тенденции проявляются в сосуществовании в обществе и в массовом сознании людей традиционалистских (патриархатных, консервативных) и эгалитарных (современных) гендерных норм.

Результаты эмпирического исследования

Для изучения распространенности традиционалистских и эгалитарных гендерных норм у студенческой молодежи был проведен опрос. В исследовании

приняло участие 503 студента разных вузов г. Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 39 лет (средний возраст 22,5), среди них 232 мужчины и 271 женщина.

Данный опрос представлял собой третий этап адаптации методики «Нормы мужского поведения» для молодежной выборки. Первый этап заключался в русскоязычной адаптации опросника, разработанного Расселом Луйтом (R. Luut) «Нормы мужского поведения» (The Male Attitude Norms Inventory-II) (Клецина, Иоффе, 2013). Теоретическое обоснование, содержание и сам текст опросника были опубликованы в статье Рассела Луйта «The Male Attitude Norms Inventory-II. A Measure of Masculinity Ideology in South Africa». Результаты первого этапа показали, что опросник продемонстрировал валидность и надежность по итоговому показателю нормативности установок, который указывает на степень готовности респондента оценивать поведение мужчин в соответствии с традиционалистскими нормами маскулинности. Дальнейшая работа над опросником была направлена на сокращение количества высказываний и доработку психометрических показателей субшкал опросника в соответствии с теоретическим конструктом традиционалистской идеологии маскулинности (Клецина, Иоффе, 2016).

Опросник «Нормы мужского поведения» включает убеждения и установки по поводу поведения мужчин как исполнителей социальных ролей, объединенных шестью шкалами. 1) «Жесткость, твердость» — отражает взгляды на то, что мужчине требуется физическая сила, эмоциональная твердость и готовность рисковать. 2) «Опора на собственные силы» — отражает ожидания, что мужчина должен самостоятельно принимать решения и быть компетентным во всех вопросах. 3) «Ориентация на достижения и высокий статус» — отражает стереотип, что мужчина должен в первую очередь состояться в профессиональной карьере, быть добытчиком, главой семьи, занимать особое положение в обществе. 4) «Ориентация на обезличенные сексуальные отношения» — отражает стереотип о предпочтении мужчинами секса без эмоциональной привязанности и обязательств. 5) «Гомосоциальность и гомофобия» — отражает представления о том, что «настоящий мужчина» должен уделять внимание соблюдению границ между «мужскими» и «не-мужскими» проявлениями и стараться во всем отличаться от мужчин с гомосексуальной ориентацией и женщин. 6) Все вместе шкалы образуют «Тотальную шкалу традиционалистской маскулинной идеологии», с помощью которой можно определить тип норм, которых придерживается респондент. Высокие баллы свидетельствуют о выраженной ориентации на традиционалистские нормы маскулинности, низкие баллы — о приверженности эгалитарным нормам, средние значения указывают на смешанный тип норм мужского поведения.

Анализ среднегрупповых данных по параметрам шкал опросника «Нормы мужского поведения» показал, что в целом респондентам свойственна ориентация на смешанный тип норм мужского поведения, хотя результаты итоговой

Таблица 1

Меры центральной тенденции по показателям опросника «Нормы мужского поведения» по всей выборке ($n = 503$), чел.

	Статистические показатели			
	Me	SD	Min	Max
Жесткость, твердость	17	3,48	9	27
Опора на собственные силы	13	2,5	6	18
Ориентация на достижения	19,6	3,5	10	27
Принятие обезличенных сексуальных отношений	11,3	2,5	6	19
Гомосоциальность и гомофобия	17,6	3,9	10	27
Шкала традиционалистской маскулинной идеологии	78,5	12,1	45	109

Примечание. Me — среднее; SD — стандартное отклонение; Min — минимум, Max — максимум.

Таблица 2

Распределение респондентов в подгруппы с высоким, средним и низким уровнями приверженности традиционалистским нормам мужского поведения, %

Типы гендерных норм	Традиционалистский тип	Смешанный тип	Эгалитарный тип
Вся выборка ($n = 503$)	11,5	67,5	21
Мужчины ($n = 232$)	18	66	16
Женщины ($n = 271$)	6	69	25

шкалы указывают на более выраженную тенденцию предпочтения традиционалистских норм по сравнению с эгалитарными (табл. 1).

Для анализа распределения в студенческой среде ориентации на разные типы гендерных норм выборка была поделена на три подгруппы в соответствии с показателями итоговой «Тотальной шкалы традиционалистской маскулинной идеологии». К группе со смешанным типом были отнесены респонденты с результатами по итоговой шкале в пределах среднее значение (79) \pm 1 стандартное отклонение (12,1): от 68 до 91 баллов. К группе с эгалитарным типом — 68 баллов и меньше, к группе с традиционалистским типом — 92 балла и больше.

В итоге большая часть респондентов — 67,5% — была отнесена к группе со смешанным типом ориентаций относительно норм мужского поведения (табл. 2). Соответственно большинство студентов демонстрируют и лояльность традиционалистским гендерным нормам, и ориентацию на эгалитарные нормы. В группу с приверженностью эгалитарным гендерным нормам попал 21% респондентов. Другими словами, пятая часть выборки чаще не соглашалась с утверждениями, отражающими традиционалистские нормативные установки

Таблица 3

Достоверность различий значений по шкалам опросника «Нормы мужского поведения» в группах мужчин ($n = 232$) и женщин ($n = 271$)

Наименование шкалы	Группа мужчин, средние значения	Группа женщин, средние значения	Критерий U Манна-Уитни
Жесткость, твердость	18,1	16,3	$p < 0,01$
Опора на собственные силы	13,4	12,5	$p < 0,01$
Ориентация на достижения	19,3	19,9	–
Ориентация на обезличенные сексуальные отношения	11,8	10,9	$p < 0,01$
Гомосоциальность и гомофобия	18,9	16,5	$p < 0,01$
Шкала традиционалистской маскулинной идеологии	81,4	76,2	$p < 0,01$

относительно мужского поведения. В группу с сильно выраженной приверженностью традиционалистским нормам маскулинности вошло всего 11,5%.

Представляют особый интерес данные исследования, показавшие различное соотношение респондентов с приверженностью традиционалистским и эгалитарным гендерным нормам в мужской и женской выборках. Среди женщин в три раза реже, чем среди мужчин, можно встретить тех, кто ориентирован на нормы традиционалистской маскулинной идеологии — всего 6% против 18%. Четверть (25%) студенток и 16% студентов в целом склонны ориентироваться на эгалитарные гендерные нормы.

Женщины статистически значимо реже мужчин готовы придерживаться традиционалистских стандартов в оценке мужского поведения. Из данных табл. 3 видно, что показатели всех шкал опросника «Нормы мужского поведения», кроме шкалы «Ориентация на достижения», у мужской выборки представлены более высокими значениями. Это свидетельствует о том, мужчины предъявляют себе и другим мужчинам более жесткие, чем женщины, стандарты соответствия традиционалистской мужской роли. Молодежь обоих полов единодушна только в оценке роли ориентира на достижения и высокий социальный статус в социализации мальчиков и мужчин.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты исследования иллюстрируют тенденцию к снижению давления традиционной идеологии маскулинности на взгляды и установки студентов относительно поведения мужчин. Большинство респондентов продемонстрировало умеренную приверженность как традиционалистским, так и эгалитарным гендерным нормам. Другими словами, студенты ориентированы на смешанный

тип гендерных норм. Это означает, что в общем в студенческой среде не принято оценивать мужскую состоятельность через жесткое соответствие мужским нормам демонстрации силы, независимости, избегания в оформлении внешности и поведении всего, что ассоциируется с «женским», и следование установке на принятие обезличенной сексуальности.

Среди тех, кто подвержен влиянию идеологии, противопоставляющей роли, статусы и жизненное предназначение мужчин и женщин, чаще оказывались студенты, чем студентки. Респонденты мужского пола больше девушек ценят в мужском поведении проявления уверенности в собственной физической силе, эмоциональной твердости, компетентности, способности самостоятельно принимать решения. Однако юноши и девушки сходятся во взглядах на то, что мужчина должен в первую очередь состояться в профессиональной карьере, быть добытчиком, стремиться занять особое положение в обществе.

Взаимодействие студентов и студенток происходит в основном в рамках учебного процесса, который отличает гендерно нейтральный контекст общения. В связи с этим закономерно снижение влияния традиционалистской идеологии маскулинности в студенческой среде. При этом в межличностных отношениях для имеющих мало своего жизненного опыта молодых людей ориентирами в поведении выступают гендерные стереотипы. Результаты исследования зафиксировали распространенность среди студенческой молодежи смешанного типа нормативных установок относительно мужского поведения, включающего и традиционалистские, и эгалитарные гендерные нормы.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования Е. А. Чикаловой, проведенного в 2013 г. на выборке студентов разных вузов Санкт-Петербурга и Смоленска (Чикалова, 2014). В нем принимали участие 172 студента мужского пола (средний возраст 20 лет). Сходным оказалось распределение респондентов на основании суммарного показателя итоговой «Тотальной шкалы традиционалистской маскулинной идеологии» опросника «Нормы мужского поведения» по подгруппам с высокой, средней и низкой степенью приверженности традиционалистским нормам мужского поведения: 19,1%, 66,3% и 14,6% соответственно. Сходство полученных данных можно расценить как тенденцию и сделать вывод о специфике студенческой выборки, для которой характерен смешанный тип норм мужского поведения.

Усвоение мужской роли — сложный и изменчивый процесс, проходящий под сильным воздействием гендерной идеологии. Культурная система убеждений и установок относительно маскулинности и мужских ролей побуждает мужчин действовать в соответствии с этими требованиями и избегать того, что ими запрещено (например, походить в своем поведении на женщин). Описывая концепцию гендерно-ролевого напряжения Джозефа Плека, И. С. Кон отмечает, что большинство мужчин разделяют усвоенные с детства традиционные нормы маскулинности, но зачастую те поощряют нездоровое поведение (пьянство, не-

оправданный риск), в результате чего у мужчин возникает «дисфункциональное напряжение». В то же время те мужчины, которые отклоняются от жестких норм маскулинной идеологии, часто подвергаются остракизму и испытывают чувство стыда или «травматическое напряжение» (Кон, 2009).

Полученные в исследовании результаты продемонстрировали сочетание в поведенческих ориентирах студентов приверженности традиционалистским и эгалитарным гендерным нормам. Этот признак можно расценивать как позитивный фактор гендерной социализации, снижающий потенциальное напряжение мужчин из-за следования деструктивным ориентирам маскулинной идеологии или несоответствия ее стандартам.

В реальной жизни нет основания для существования полярных моделей мужественности и женственности, построенных только на традиционалистских или только на эгалитарных стандартах поведения. Современное общество нуждается в переосмыслении гендерных стереотипов и выработке новых норм, регулирующих семейное и профессиональное общение и взаимодействие мужчин и женщин, а также людей одного пола, но с разными взглядами на мужские и женские роли и предназначение.

Библиографический список

1. Андреева, Г. М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 1 (3). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
2. Андроникова, О. О. (2014). *Гендерная дифференциация в психологии: учебное пособие*. Москва: ИНФРА-М.
3. Белинская, Е. П., Тихомандрицкая, О. А. (2001). *Социальная психология личности: учебное пособие для вузов*. Москва: Аспект-Пресс.
4. Болдырева, О. И. (2006). *Влияние гендерных установок на выбор студентами модели семьи*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск.
5. Дадаева, Т. М. (2012). Гендерные установки юношей в современной семье. *Вестник Мордовского университета: Серия Социологические науки*, 1, 12–17.
6. Кабалева, А. И. (2012). *Гендерные стереотипы участников дорожного движения*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
7. Клецина, И. С., Иоффе, Е. В. (2013). Результаты первичного этапа адаптации российского аналога опросника «Мужские нормативные установки». *Психологические исследования*, 6, 32, 6. Режим доступа: <http://psystudy.ru>
8. Клецина, И. С., Иоффе, Е. В. (2016). Опросник «Нормы мужского поведения» и возможности его использования для изучения особенностей взаимодействия мужчин и женщин с жизненными ситуациями. *Практикум по психологии жизненных ситуаций*: Е. Ю. Коржова (ред.), (с. 131–147). СПб.: ООО «Фирма «Стикс».
9. Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. Москва: Время.
10. Кон, И. С. (2011). Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XIV, 1 (54), 51–65.

11. Кондратьев, М. Ю. (ред.) (2005). Социальная психология. Словарь. В *Психологический лексикон: энциклопедический словарь* в 6 т. Л. А. Карпенко (ред.-сост.), А. В. Петровский (общ. ред.). Москва: ПЕР СЭ.
12. Махакова, Л. С. (2007). *Влияние гендерных стереотипов персонала по отношению к руководителю на принятие ценностей организационной культуры*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
13. Овчинникова, В. В. (2006). *Влияние гендерных установок на взаимоотношения в разнополых воинских коллективах: на примере вузов ФСБ России пограничного профиля*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Голицыно.
14. Осипова, Д. (2009). Особенности гендерных представлений современной молодежи. *Управленческое консультирование*, 4, 200–209.
15. Отвечалина, О. Б. (2005). *Особенности гендерных представлений воспитательниц дошкольных образовательных учреждений*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
16. Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (ред.). (1990). *Психология: словарь*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Политиздат.
17. Семенова, М. А. (2012). Потребительское поведение в структуре гендерных стереотипов. *Теория и практика общественного развития*, 1, 68–71.
18. Степанова, Н. В., Петрова, В. Н. (2012). Влияние гендерных установок в ситуации конфликта на поведение в межличностных конфликтах юношей и девушек. *Вектор науки ТГУ*, 3 (10), 207–209.
19. Уле, М. (2011). Изменения гендерных стереотипов в процессе взросления. *Вестник пермского университета: Философия. Психология. Социология*, 4 (8), 75–86.
20. Чикалова, Е. А. (2014). *Социальные представления об отцовстве и нормы маскулинности у молодых мужчин*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.

Статья поступила в редакцию 15.05.2016.

.....

THE NORMS OF MALE AND FEMALE BEHAVIOR SHARED BY COLLEGE STUDENTS

Kletsina I. S., Ioffe E. V.

Kletsina Irina Sergeevna, Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, 191186, Russia, Saint-Petersburg, Moika Embankment, d. 48. E-mail: irinaklyotsina@mail.ru.

Ioffe Elena Viktorovna, Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, 191186, Russia, Saint-Petersburg, Moika Embankment, d. 48. E-mail: elenaioffe@yandex.ru.

The first part of the article presents the theoretical analysis of male/female behavioral norms (gender norms) as a phenomenon in social psychology. Gender norms are characterized as a type of social norms. Their varieties, functions and major types (traditionalist and egalitarian) are described. The second part of the article describes the results of an empirical study of traditionalist/egalitarian views of college students on male gender norms. We found out that most male and female college students share mixed view of gender norms that include both traditionalist and egalitarian elements. Interestingly, the number of female students that believe that men should behave according to traditionalist masculine ideology, was three times less than the number of male students who believe the same. We've also got statistically significant differences between male and female samples in this study on the evaluation of dif-

ferent spheres in male behavior. Female students were less traditionalist in their expectations towards male behavior in all spheres except breadwinning for the family and being professionally successful.

Keywords: social norms, gender norms, traditionalist type of male behavior, egalitarian type of male behavior.

References

21. Andreeva, G. M. (2009). Social'naja psihologija: vektory novoi paradigmy [Social psychology: the vectors of the new paradigm]. *Psihologicheskie issledovanija: yelektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological research: an electronic scientific journal], 1 (3). Retrieved from: <http://psystudy.ru>
22. Andronikova, O. O. (2014). *Gendernaja differenciacija v psihologii: uchebnoe posobie* [Gender differentiation in psychology: a tutorial]. Moscow: INFRA-M.
23. Belinskaja, E. P. & Tihomandrickaja, O. A. (2001). *Social'naja psihologija lichnosti: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Social psychology of personality: a textbook for high schools]. Moscow: Aspekt-Press.
24. Boldyreva, O. I. (2006). *Vlijanie gendernyh ustanovok na vybor studentami modeli sem'i: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Influence of gender units in the range of family models students: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. Kursk.
25. Dadaeva, T. M. (2012). Gendernye ustanovki yunoshei v sovremennoi sem'e [Gender installation of young men in the modern family]. *Vestnik Mordovskogo universiteta: Serija Sociologicheskie nauki* [Bulletin of Mordovia University: Series of Social Sciences], 1, 12–17.
26. Kabalevskaja, A. I. (2012). *Gendernye stereotipy uchastnikov dorozhnogo dvizhenija: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Gender stereotypes of road users: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. Moscow: MGU.
27. Klyocina, I. S. & Ioffe, E. V. (2013). Rezul'taty pervichnogo yetapa adaptacii rossiiskogo analoga oprosnika "Muzhskie normativnye ustanovki" [Russian version of the Male Attitude Norms Inventory: the results of primary approbation]. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological studies], 6, 32, 6. Retrieved from: <http://psystudy.ru>
28. Klyocina, I. S. & Ioffe, E. V. (2016). Oprosnik "Normy muzhskogo povedenija" i vozmozhnosti ego ispol'zovanija dlja izuchenija osobennostei vzaimodeistvija muzhchin i zhenshin s zhiznennymi situacijami [Questionnaire "Norms of male behavior" and the possibility of its use for the study of the interaction of men and women with life situations]. In *Praktikum po psihologii zhiznennyh situacii*: E.YU. Korzhova (red). [Practicum on the psychology of life situations: EY Corjova (ed.)] (p. 131–147). St-Petersburg: OOO "Firma "Stiks".
29. Kon, I. S. (2009). *Muzhchina v menjayushemsja mire* [A man in a changing world]. Moscow: Vremja.
30. Kon, I. S. (2011). Tri v odnom: seksual'naja, gendernaja i semeinaja revolyucii [Three in one: sex, gender and family revolution]. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], XIV, 1 (54), 51–65.
31. Kondrat'ev, M. YU. (red.) (2005). Social'naja psihologija. Slovar' [Social Psychology. Dictionary]. *Psihologicheskii leksikon: yenciklopedicheskii slovar' v shesti tomah*

- [Psychological lexicon: Encyclopedic Dictionary in six volumes], L. A. Karpenko (red.-sost.), A. V. Petrovskii (obsh. red.). Moscow: PER SE.
32. Mahakova, L. S. (2007). *Vlijanie gendernykh stereotipov personala po otnosheniyu k rukovoditel'nyu na prinjatie cennosti organizacionnoi kul'tury*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Influence of gender stereotypes of staff in relation to the head of the adoption of the values of the organizational culture: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. Moscow.
 33. Ovchinnikova, V. V. (2006). *Vlijanie gendernykh ustanovok na vzaimootnoshenija v raz-nopol'nykh voinskikh kollektivah: na primere vuzov FSB Rossii pogranichnogo profilja*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Influence of gender on the relationship between plants of different sexes in military units: the example of high schools of the Russian FSB border Profile: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. Golicyno.
 34. Osipova, D. (2009). *Osobennosti gendernykh predstavlenii sovremennoi molodezhi* [Features of gender representations of modern youth]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 4, 200–209.
 35. Otvechalina, O. B. (2005). *Osobennosti gendernykh predstavlenii vospitatel'nic doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Features of gender representations educators of preschool educational institutions: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. Moscow.
 36. Petrovskii, A. V. & Jaroshevskii, M. G. (red.). (1990). *Psihologija: slovar'*. 2-e izd., ispr. i dop [Psychology: dictionary, 2nd ed. and ext.]. Moscow: Politizdat.
 37. Semenova, M. A. (2012). *Potrebitel'skoe povedenie v strukture gendernykh stereotipov* [Consumer behavior in the structure of gender stereotypes]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 1, 68–71.
 38. Stepanova, N. V. & Petrova, V. N. (2012). *Vlijanie gendernykh ustanovok v situacii konflikta na povedenie v mezhlichnostnykh konfliktah yunoshei i devushek* [Influence of gender attitudes in a situation of conflict behavior in interpersonal conflicts, boys and girls]. *Vektor nauki TGU* [Vector of sciences. Togliatti State University], 3 (10), 207–209.
 39. Ule, M. (2011). *Izmenenija gendernykh stereotipov v processe vzroslenija* [Changes of gender stereotypes in the process of growing up]. *Vestnik permskogo universiteta: Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Bulletin of Perm University: Philosophy. Psychology. Sociology], 4 (8), 75–86.
 40. Chikalova, E. A. (2014). *Social'nye predstavlenija ob otcovstve i normy maskulinnosti u molodykh muzhchin*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Social representations of fatherhood and masculinity norms in young men: Abstract of Dissertation of Candidate of Psychological Sciences]. St-Petersburg.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И ГЕНДЕРНАЯ САМООЦЕНКА ЖЕНЩИН

.....

Шлыкова Ю. Б., Лагутова Л. О.

Шлыкова Юлия Борисовна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: magnoy@mail.ru.

Лагутова Любовь Олеговна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: vesna2000@stas@mail.ru.

В статье представлены результаты эмпирического исследования связи компонентов гендерной самооценки женщин со структурой и содержанием автобиографических воспоминаний. Автобиографические воспоминания рассматриваются как основа построения идентичности личности. В воспоминаниях отражены особенности самоотношения личности в различных сферах бытия, в том числе и сфере супружеских отношений. Супружеские отношения рассматриваются через воспоминания и оценку отдельных событий женщиной, как субъекта этих отношений. Гендерная самооценка рассматривается через показатели высоты, устойчивости, реалистичности, интегрированности самооценки, уверенности в себе и уровня оптимизма в достижении идеала. Автобиографические воспоминания анализируются по ряду параметров: объем пространства воспоминания, количество персонажей, расположение автора в воспоминании, активность, наличие совместной деятельности, эмоциональный фон воспоминания, ведущая тема воспоминания. Дается обоснование параметров оценки воспоминаний. Анализ воспоминаний представляет собой сравнение контрастных групп женщин, выделенных на основе отдельных показателей самооценки.

Результаты демонстрируют выраженную связь большинства компонентов гендерной самооценки с содержанием и структурой автобиографических воспоминаний. Параметры гендерной самооценки женщин показали выраженную связь с такими характеристиками воспоминаний как активность в браке, расширение или ограничение контактов и сфер самореализации, позитивное отношение к браку, готовность к совместной деятельности с супругом и разделению ответственности, готовность к реализации материнской функции, потребность в контроле супружеских отношений. Также представлена связь тематического наполнения воспоминаний с различными параметрами гендерной самооценки женщин. Наиболее выраженную связь с самооценкой продемонстрировали воспоминания о детях, супружеских конфликтах, центрация на личности супруга и соотнесение профессиональной и семейной сфер жизнедеятельности женщин.

Ключевые слова: гендерная самооценка, супружеские отношения, автобиографические воспоминания, критерии анализа воспоминаний.

Семья уже на протяжении многих десятилетий является одним из ведущих предметов исследования в психологии. Актуальность исследования семьи и отношений в ней неисчерпаема, в силу динамичности процессов, которые происходят в обществе и отражаются на жизни каждой отдельной семьи (Аникеева, 2010; Ожигова, Тиводар, 2006; Рябикина, Тиводар, 2011).

Одним из направлений исследования семьи является анализ отношений между супругами. Уже многое сказано о кризисе супружества в современном обществе (Алешина Ю. Е., Андреева Т. В., Голод С. И., Обозов Н. Н. и Обозова А. Н., Тиводар А. Р., Харчев А. Г. и другие). Сегодня психология, социология, педагогика отходят от объективных характеристик семьи и отношений в ней (материальное положение, социальный статус, демографические особенности, профессиональная направленность супругов и другие) и обращаются к субъективным показателям этих отношений (удовлетворенность браком, ролевые ожидания, образ будущей семьи, образ партнера и так далее). Супружеские отношения воспринимаются как целостная система, в которой взаимодействуют различные субъекты, личности, имеющие свои индивидуальные особенности, черты характера, мотивы, ценности (Ожигова, Тиводар, 2006).

Одним из базовых феноменов, отражающих характеристики личности, является самооценка. При всем многообразии исследований, посвященных самоотношению и самооценке человека, мы видим недостаточную разработанность дифференцированного подхода к самооценке. Относительно мало исследований, посвященных изучению согласованности гендерной самооценки и профессиональной самооценки. При том, что проблема ролевого конфликта работающей женщины актуальна в научной среде (Аникеева, 2010; Ожигова, Тиводар, 2006; Рябикина, Тиводар, 2011). Но самооценка представляет собой сложное многокомпонентное образование, регулирующее самоотношение и поведение личности в различных сферах ее жизнедеятельности (Ханалиева, 2014).

Недостаточно изученная проблема согласованности отдельных элементов самооценки личности, отсутствие новых направлений в диагностике самооценки личности, редкое обращение исследователей к качественному анализу и субъективной стороне самооценки — основные предпосылки выбора предмета представленного исследования.

Мы предприняли попытку рассмотреть особенности отношения женщин к себе как к супруге, к субъекту супружеских отношений. При огромном количестве исследований отдельных аспектов бытия женщины, практически отсутствуют работы, посвященные изучению согласованности различных образов себя как женщины, являющихся частью общей идентичности личности. В гендерной самооценке представлены не только образы себя как матери, супруги, женщины, но и вся система отношений, в которые включена женщина: детско-родительские отношения, отношения с супругом, взаимодействие с родственниками, про-

фессиональные отношения — все те сферы бытия, в которых женщина способна обретать, укреплять, реализовывать и сохранять собственную идентичность.

Согласно нашим представлениям, эта система отношений, формирующая и поддерживающая гендерную самооценку личности, будет отражена в автобиографических воспоминаниях.

Автобиографические воспоминания имеют сложную и устойчивую связь с идентичностью личности (Нуркова, Василенко, 2013; Шлыкова, 2013; Шлыкова, 2005; Conway, 2005; Habermas, Köber, 2014).

На начальных стадиях развития автобиографические воспоминания связаны с особенностями личности, но эта связь достаточно проста. Но у зрелой личности автобиографическая память становится неотъемлемой частью личности и основой ее самоидентичности (Нуркова, 2014; Conway, 2005; Habermas, Köber, 2014).

Как указывает Нуркова В. В., личность и автобиографические воспоминания имеют двустороннюю связь: на начальных этапах развития личность формируется на основе собственного биографического опыта, но в дальнейшем, сама личность определяет выбор воспоминаний, способствующих стабилизации и развитию «Я» (Нуркова, Василенко, 2013, с. 12).

Автобиографические воспоминания представляют собой не просто образы себя в прошлом, а определяют и поведение человека, особенности его отношений с миром (Исполатова, Николаева, 1999; Нуркова, 2000; Шлыкова, 2013).

Мы полностью согласны с утверждением Нурковой В. В., Василенко Д. А. о том, что самоотношение определяется не столько объективными фактами жизни личности (биографическими), сколько субъективными (автобиографическими), то есть событиями, получившими статус личностно значимых (Нуркова, Василенко, 2013, с. 12).

Согласно нашей модели исследования, отношения личности в различных пространствах ее бытия, определяют ее самоотношение, идентичность на ранних стадиях овладения бытийными пространствами, но в процессе становления, личность начинает контролировать эти пространства, в том числе и через осознанный и неосознаваемый фильтр воспоминаний, которые находятся в фокусе самопонимания (Шлыкова, 2013).

В этом контексте супружеские отношения выступают в сознании женщины как целостный образ себя в этих отношениях в прошлом, настоящем и будущем. Автобиографические воспоминания о супружеских отношениях будут отражать объективные условия развития супружества, субъективную значимость отдельных сфер супружества, ведущие ролевые ожидания и опасения, мотивационно-смысловые аспекты, социальные отношения, актуальные состояния, удовлетворенность браком, цели и жизненные планы (Harris, Barnier, Sutton, Keil, 2014).

Исследование автобиографических воспоминаний о супружеских отношениях может дать возможность выявить движущие силы создания и развития

семьи, основания построения взаимоотношений в молодых семьях, а также возможные причины неудовлетворенности браком и способы их устранения. Субъективная сторона автобиографических воспоминаний супружеских пар, их значимость для семьи в целом и каждой отдельной личности не достаточно изучены в современной психологии.

Учитывая актуальность проблемы межличностных супружеских отношений на современном этапе развития общества, в данной работе ставится *цель*: выявление связи компонентов гендерной самооценки женщин с содержанием воспоминаний о супружеской жизни.

Мы предположили, что содержание воспоминаний о супружеской жизни связано с компонентами гендерной самооценки (высотой, устойчивостью, реалистичностью, интегрированностью, уровнем оптимизма и уверенностью в себе). В связи с выдвинутым предположением, были подобраны следующие психодиагностические методики: анализ воспоминаний о супружеской жизни (Исполатова, Николаева, 1999; Шлыкова, 2013; Шлыкова, 2014; Шлыкова, 2005), методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация П. В. Яньшина) (Яньшин, 2007), беседа.

Исследование реализовано в четырех этапах:

I этап. Сбор воспоминаний женщин о супружеской жизни.

II этап. Анализ содержания воспоминаний женщин.

III этап. Исследование гендерной самооценки женщин.

IV этап. Сравнительный анализ результатов женщин с разным уровнем самооценки; интерпретация результатов и формулировка выводов исследования.

В исследовании приняло участие 42 женщины в возрасте 27–46 лет, состоящие в браке не менее 5 лет и имеющие детей старше 1 года. Исследование проводилось в индивидуальной форме.

Задачей первого этапа было изучение содержания автобиографических воспоминаний женщин. За основу анализа воспоминаний нами взята методика Е. Н. Исполатовой, Т. П. Николаевой (Исполатова, Николаева, 1999).

Данная методика направлена на исследование ранних воспоминаний, посредством диагностики невербального (проксемического) поведения и паралингвистических параметров, в которых, по мнению авторов, отражены эмоционально значимые и проблемные отношения и переживания. Исполатова Е. Н., Николаева Т. П. предложили схему контент-анализа воспоминаний, которая включает выделение и оценку ряда элементов воспоминания (Исполатова, Николаева, 1999).

В нашем исследовании процедура предполагала анализ воспоминаний женщин о событиях супружеской жизни.

Мы предлагали женщинам описать первое вспомнившееся событие, связанное с супружескими отношениями. Таким образом, нами анализировалось одно воспоминание на каждого респондента. Достаточность единственного воспоминания

обосновывается ориентацией на психоаналитический подход к анализу раннего детского воспоминания и на понимание первого воспоминания как отражения актуального состояния респондента (Адлер А., Исполатова Е. Н., Николаева Т. П.).

Нами были выделены и описаны следующие, адаптированные к цели исследования, критерии анализа воспоминаний (Исполатова, Николаева, 1999; Шлыкова, 2013; Шлыкова, 2014; Шлыкова, 2005).

1. Объем пространства воспоминания: расширенный (описание ситуации, события, выходящее за пределы отдельной комнаты, конкретного места), суженный (описание события в пределах ограниченного пространства).

2. Количество персонажей: общее количество людей в воспоминании, супруг, ребенок, родственники собственные, родственники супруга, другие персонажи, присутствие животных.

3. Расположение автора в воспоминании: удаление от других объектов, сближение с другими объектами.

4. Активность: активная позиция респондента, пассивная позиция респондента.

5. Наличие совместной активности: выраженная «Я-ситуация», выраженная «Мы-ситуация».

6. Эмоциональный фон воспоминания: позитивный, негативный, нейтральный.

7. Ведущая тема воспоминания: отношения с супругом, дети, конфликт, профессиональная деятельность, путешествия, праздники, друзья.

По всем критериям определялось среднее значение для подгруппы. Далее подгруппы сравнивались между собой.

II этап. Исследование самооценки по методу Дембо-Рубинштейн (модификация П. В. Яньшина) (Яньшин, 2007). Тест использовался нами для диагностики состояния самооценки по следующим параметрам: высота самооценки, устойчивость самооценки, степень реалистичности и/или адекватности самооценки (при ее повышении), степень удовлетворенности собой (по прямым и косвенным индикаторам), уровень оптимизма (по прямым и косвенным индикаторам), интегрированность осознанного и неосознаваемого уровней самооценки.

В нашем варианте используются следующие 10 шкал: здоровье, ум, характер, счастье, удовлетворенность собой, оптимизм, внешняя привлекательность, самодостаточность (независимость), продуктивность (полезность для других), внутренняя гармоничность, уверенность в себе.

В нашем исследовании инструкция к диагностике самооценки была ориентирована на гендерный аспект. Женщинам предлагалось оценить не просто абстрактные характеристики личности, а особенности оценки себя как представительницы женского пола.

По каждому из перечисленных критериев выборка делилась на равные подгруппы, в которых выявлялись особенности содержания автобиографических

воспоминаний. Отметим, что по каждому показателю самооценки подгруппы формировались заново и выделялись те результаты, которые отражали контрастные подгруппы. Подгруппы выравнивались по количеству для возможности статистического анализа.

Полученные результаты рассматривались по параметрам самооценки.

1. Высота самооценки и содержание воспоминания.

Нами выявлены значимые различия в структурно-содержательных особенностях воспоминаний о супружеской жизни у женщин с повышенным и пониженным уровнем самооценки.

1.1 Высота самооценки и организация пространства воспоминания.

Так высота самооценки связана с организацией пространства респондентов. Для женщин с завышенной самооценкой характерно расширенное пространство воспоминания (47%). Это пространство, выходящее за пределы комнаты, квартиры («Я помню, как встретила своего тогда еще не супруга на площади перед Домом Культуры...», «Я до сих пор чувствую этот запах морской воды в парке...»). Расширение пространства принято расценивать как потребность личности в расширении социальных контактов, готовность включаться в новые отношения, потребность выхода за рамки ограничений.

Для женщин расширение пространства воспоминания о супружеских отношениях может отражать потребность в ослаблении контроля со стороны супруга, возрастание потребности в универсализации «Я». Для женщин, использующих расширение пространства воспоминания, характерным является потребность выйти за пределы ограниченного пространства. Такой тип женщин сконцентрирован на супружеских и детско-родительских отношениях, в связи с чем, потребность «оторваться» от этих отношений хотя бы на время присутствует в их самосознании. При этом, женщины с завышенной самооценкой положительно оценивают себя, приближая Я-реальное к образу идеала. Они не видят границ собственного Я и своих будущих жизненных перспектив.

У женщин с пониженной самооценкой картина прямо противоположная. В их воспоминаниях в подавляющем большинстве встречается суженное пространство (70%). Воспоминания замкнуты в пространстве комнаты или пространства ее заменяющего (например, купе вагона, рабочий офис и так далее). («Я сижу в комнате и мне грустно от того, что он меня не замечает...», «я помню, как он подходит ко мне в палате...»). Сужение пространства воспоминания свидетельствует о потребности личности оградить собственное Я. Такие женщины чувствуют себя не уверенно, имеют повышенную потребность в защите и безопасности, стремятся в данный момент жизни к уединению и внутреннему покою, могут проявлять некоторую степень социофобии.

Женщины с пониженной самооценкой имеют высокий уровень притязаний, но очень низко оценивают себя в настоящем. У них есть достаточно четкие

представления об идеальной жизни, но они уверены, что такая жизнь им не доступна. Они хорошо представляют, кем хотели стать в юности, но считают этот идеал теперь недостижимым. В связи с этим, они предпочитают замкнуться на семейных отношениях и не предпринимать попыток самореализации в других сферах жизнедеятельности.

Таким образом, мы выявили, что чем выше самооценка женщины в браке, тем больше в ее воспоминаниях представлено расширенное пространство, выше потребность в достижениях. Преобладание в воспоминаниях суженного пространства может говорить о снижении самооценки, ощущении недостижимости идеалов, пассивности в жизненных ситуациях.

Женщины с завышенной самооценкой чаще используют сближение с другими в воспоминании (63%). А женщины с низкой самооценкой предпочитают удаление от других персонажей (80%).

Высокая самооценка определяет использование активной позиции при описании воспоминания (100%), а низкая самооценка характерна женщинам, использующим и активную (40%), и пассивную (60%) позиции в воспоминании.

В плане направленности на совместную деятельность, женщины с завышенной самооценкой чаще описывают Я-ситуации (57%), а женщины с низкой самооценкой — Мы-ситуации (80%).

Эмоциональный фон воспоминаний при высокой самооценке почти всегда позитивный (89%), а при низкой самооценке присутствуют разные эмоциональные оценки — позитивные (40%), негативные (30%) и нейтральные (30%).

1.2 Высота самооценки и персонажи воспоминания.

У женщин с повышенной самооценкой нет одного предпочитаемого персонажа. Встречаются и дети (21%), и родственники (26%), и животные (36%).

Для женщин с заниженной самооценкой характерно описывать в воспоминании родственников супруга (70%) и своих родственников (21%). Мы связываем эту тенденцию с некоторой зависимостью данной группы женщин от мнения и действий ближайшего социального окружения.

Основные различия между группами женщин проявились в том, что женщины с низкой гендерной самооценкой чаще описывают родственников своих и мужа при описании воспоминания. Кроме того, в группе с заниженной самооценкой встречаются воспоминания о супружестве, в которых супруг вообще не обозначается как действующий персонаж (40%). Мы связываем эту особенность с возможными супружескими трудностями, при которых образ супруга вытесняется на второй план воспоминаний.

В целом, мы можем говорить о наличии связи высоты гендерной самооценки женщин с содержанием воспоминания о супружеской жизни.

1. Для женщин с повышенной самооценкой характерно: расширять пространство воспоминания, сближать персонажей воспоминания, проявлять активность

в описываемой ситуации, описывать Я-ситуацию, позитивный эмоциональный фон воспоминания, ориентация на образ супруга.

2. Для женщин с пониженной самооценкой свойственно: сужение пространства воспоминания, удаление персонажа, представлять в воспоминании как активную, так и пассивную позицию, описывать Мы-ситуацию, использовать позитивные, негативные и нейтральные эмоции в описании события, использовать в воспоминании родственников (особенно родственников супруга) и удалять из воспоминания самого супруга.

Мы видим, что женщины с повышенной самооценкой предстают как активные, направленные на расширение контактов и сфер самореализации, позитивно настроенные, но при этом, не готовые к совместной деятельности и разделению ответственности с супругом.

Женщины с пониженной самооценкой зависимы от мнения и поступков родственников, при этом, стремятся к изоляции от социального окружения и избеганию данного влияния.

2. Устойчивость самооценки и содержание воспоминания.

Следующим показателем гендерной самооценки мы анализировали степень ее устойчивости. Напомним, что устойчивость определялась схожестью оценок по всем критериям оценивания. Устойчивой могла оказаться и высокая самооценка, и низкая.

2.1 Устойчивость самооценки и организация пространства воспоминания.

Женщины с устойчивой гендерной самооценкой используют как сужение (33%), так и расширение (38%) пространства воспоминания. Для неустойчивой самооценки характерно выраженное сужение пространства (81%). Неустойчивая самооценка влечет потребность в изоляции, ограничении социальных контактов.

Женщины с устойчивой самооценкой значительно чаще сближаются с другими персонажами воспоминания или внешними объектами (61%). В отличие от них, женщины с неустойчивой самооценкой чаще используют стратегию удаления от объектов и персонажей (50%). Это различие подтверждает потребность в изоляции и ограничении социальных контактов при неустойчивой самооценке.

Степень активность также связана с уровнем устойчивости самооценки. Устойчивая самооценка связана с проявлением активной позиции при описании супружеских отношений (100%). При неустойчивой самооценке женщины используют как активную (44%), так и пассивную форму взаимодействия (56%).

У женщин с устойчивой самооценкой в описании присутствуют как Я-ситуации (39%), так и Мы-ситуации (61%). Эти женщины могут и ориентироваться только на себя, и взаимодействовать с другими персонажами. Женщины с неустойчивой самооценкой чаще используют в описании Я-ситуации (75%). При внешней потребности в изоляции ярко выражена и неготовность к совместному решению задач супружеской жизни.

Эмоциональный фон воспоминаний ярко позитивный (89%) у женщин с устойчивой гендерной самооценкой. Неустойчивая самооценка не связана с эмоциональным фоном — встречаются и позитивные (38%), и негативные (31%), и нейтральные воспоминания (31%).

2.2 Устойчивость самооценки и персонажи воспоминания.

Наиболее часто все женщины включают в воспоминание ребенка (50%; 44%). Различие заключается в том, что женщины с неустойчивой самооценкой значительно чаще включают в воспоминания родственников супруга (56%; 11%).

В целом, мы можем говорить о наличии связи устойчивости гендерной самооценки женщины с содержанием воспоминания о супружеской жизни.

1. Для женщин с устойчивой самооценкой характерно: сближение персонажей и объектов воспоминания, активность в описании ситуации, позитивный фон воспоминания, равную ориентацию на супруга и ребенка.

2. Женщины с неустойчивой самооценкой отличаются следующим: сужением пространства воспоминания, удалением себя от других персонажей и объектов, преобладание Я-ситуации в воспоминании, ориентацию на супруга, ребенка и родственников супруга.

Мы видим, что устойчивая гендерная самооценка характеризует активных, позитивно настроенных, ориентированных на полноценный семейный контакт женщин. Неустойчивость самооценки связана с зависимостью от родственников супруга и самого супруга, потребностью в изоляции и неготовностью к совместному решению проблем.

3. Реалистичность самооценки и содержание воспоминания.

Следующий параметр самооценки — ее реалистичность. Данный параметр самооценки относится к респондентам, имеющим повышенную самооценку. На основании оценок образов себя, мы выделили 2 сравниваемые группы:

- женщины с реалистичной высокой самооценкой,
- женщины с неадекватно завышенной самооценкой.

3.1 Реалистичность самооценки и организация пространства воспоминания.

Женщины с реалистичной самооценкой чаще используют в тексте воспоминания суженное пространство (52%), ограниченное конкретным местом, конкретным событием.

Женщины с нереалистично завышенной самооценкой однозначно предпочитают расширенное пространство воспоминания (81%). Для них характерно описание ситуаций в широких масштабах, пространства, которое не замыкается в конкретной обстановке.

Мы можем говорить о том, что нереалистичность гендерной самооценки связана с потребностью в расширении собственных возможностей, выходе за рамки имеющихся жизненных ограничений.

По параметру удаления/сближения субъектов и объектов также имеются различия, но менее выраженные. Женщины с реалистично высокой самооценкой предпочитают стратегию сближения с другими персонажами или объектами (56%). Нереалистичная самооценка связана с использованием стратегий удаления (45%) или смешанных (36%) стратегий.

Мы можем сказать, что, несмотря на потребность в изоляции, уверенные в себе женщины с адекватной самооценкой открыты взаимодействию с социальным окружением. Ограничения действуют, скорее, на широту социальных контактов.

Относительно активности описания ситуации, женщины, имеющие адекватно высокую самооценку предпочитают активное описание события (69%). Женщины с неадекватно завышенной самооценкой используют ситуативно как активную (45%), так и пассивную (55%) формы описания событий.

Обе группы женщин предпочитают Я-ситуацию (78%; 81%) в описании события супружеской жизни. Это значит, что высокая самооценка, не зависимо от ее адекватности и реалистичности, связана с ориентацией на собственные возможности женщины, без готовности к партнерским отношениям и разделению ответственности в супружеских отношениях.

У женщин с нереалистично высокой самооценкой преобладает позитивный фон воспоминаний (90%). Эти женщины описывают событие супружеской жизни как позитивное, радостное. А у женщин с реалистичной самооценкой представлены чаще нейтральные события (60%). Женщины описывают события без отдельного указания на их валентность.

Таким образом, мы видим, что женщины, имеющие реалистично высокую самооценку, это женщины, имеющие ограниченные, но серьезные социальные контакты. Они полностью берут ответственность за собственную жизнь на себя и стремятся активно преобразовывать события своей жизни. К событиям они относятся как жизненному опыту, не зависимо от их валентности.

Женщины, имеющие неадекватно завышенную самооценку, стремятся самостоятельно, без опоры на социальное окружение решать семейные проблемы. Они позитивно воспринимают события супружеской жизни, но не готовы к равноправному партнерству.

3.2 Реалистичность самооценки и персонажи воспоминания.

Женщины с реалистичной самооценкой ориентированы на детско-родительские отношения. У половины женщин данной подгруппы ребенок представлен в первом воспоминании о супружеских отношениях (39%). Для женщин, имеющих нереалистично завышенную самооценку, свойственно включать в воспоминания образ детей (18%) или отсутствие супруга (18%) в воспоминании.

Мы можем говорить о наличии связи реалистичности гендерной самооценки женщины с содержанием воспоминания о супружеской жизни.

1. Для женщин с реалистичной самооценкой характерно: суженность событийного пространства, сближение персонажей и объектов воспоминания, активность в описании ситуации, безоценочное описание воспоминания, равную ориентацию на супруга и ребенка, а также включение в воспоминания своих родственников.

2. Женщины с нереалистичной самооценкой отличаются следующим: расширением пространства воспоминания, удалением себя от других персонажей и объектов, преобладание Я-ситуации в воспоминании, позитивный фон воспоминаний, ориентацию на ребенка и растождествление с образом супруга.

Мы видим, что реалистичная гендерная самооценка характеризует активных, самостоятельных, ориентированных на расширенные семейные отношения женщин. Эти женщины готовы к глубоким отношениям, но ограниченным узким семейным пространством. Нереалистичность самооценки связана с вытеснением роли супруга на фоне выраженного позитивного отношения к супружеству, активности, поиску новых возможностей самоактуализации.

4. Удовлетворенность собой и содержание воспоминания.

Следующий показатель — удовлетворенность собой как женщиной. Многие авторы считают, что удовлетворенность есть основной показатель самооценки. Методика Дембо-Рубинштейн предполагает анализ двух показателей удовлетворенности — прямого и косвенного. Прямой предполагает непосредственную оценку степени удовлетворенности человека собой. Косвенный — сравнение показателей актуальной и идеальной самооценок (Яншин, 2007).

При анализе воспоминаний, нами использовались результаты только косвенного показателя удовлетворенности. Прямой показатель учитывался при анализе интегрированности самооценки далее. Итак, в нашем исследовании выделилось три группы по уровню удовлетворенности собой: с высоким (27%), средним (33%) и низким (40%) уровнем удовлетворенности. Сравнились контрастные группы. Группы уравнивались по количеству респондентов в меньшей группе.

4.1. Удовлетворенность собой и организация пространства воспоминания.

Независимо от степени удовлетворенности собой как женщиной, все респондентки чаще используют расширение (45%; 52%) пространства воспоминания, но суженное (27%; 29%) пространство также присутствует.

Различия имеются по показателю сближения/удаления с персонажами и объектами. Женщины, удовлетворенные собой, чаще используют стратегию сближения (72%), а неудовлетворенные собой женщины используют в равной степени стратегии удаления (41%) от объектов и смешанные (41%) стратегии.

Удовлетворенные собой женщины используют активную позицию (100%) при описании ситуации супружеских отношений. А женщины с низким показателем удовлетворенности собой используют в равной степени активную (41%) и пассивную (59%) формы описания.

По показателю готовности к разделению ответственности женщины также различаются. Удовлетворенные собой женщины почти всегда используют Мы-ситуации (82%) в воспоминаниях, включая равноправное описание себя, супруга и даже ребенка. Женщины с низкой удовлетворенностью используют как Я-ситуации (47%), так и Мы-ситуации (53%).

По эмоциональному показателю также имеются различия. Удовлетворенность собой связана с позитивной оценкой (72%) воспоминаний о супружеских отношениях. Неудовлетворенные собой женщины по-разному описывают свои воспоминания — и как позитивные (24%), и как негативные (41%), и как нейтральные (35%).

Мы можем отметить, что высокая удовлетворенность собой ведет к усилению потребности в отношениях с близкими, готовности к совместному построению супружеских отношений, позитивной оценке своего супружества.

Показатели низкой удовлетворенности не имеют однозначного влияния на особенности воспоминаний. Это может говорить о зависимости отношения к супружеству у неудовлетворенных собой женщин от конкретных условий жизни, проблем, возникающих в отношениях, от индивидуальных причин неудовлетворенности браком.

4.2 Удовлетворенность собой и персонажи воспоминания.

Рассматривая образы других персонажей воспоминаний, мы обозначили следующие тенденции.

Женщины с высоким уровнем удовлетворенности собой чаще, чем неудовлетворенные женщины, включают в воспоминание своего ребенка (72%; 41%). Мы предполагаем, что удовлетворенность своей гендерной самооценкой зависит от реализуемости женщиной своей материнской функции.

Удовлетворенность самооценки не связана с другими образами. Все женщины из контрастных групп чаще всего описывают в воспоминаниях супруга, детей, и собственных родственников.

В целом, можно говорить о том, что удовлетворенность собой как женщиной повышает активность в построении брака, направленность на взаимодействие и разделение с супругом ответственности, позитивное отношение к воспоминаниям о супружестве и связана с реализацией материнской функции.

5. Оптимистичность самооценки и содержание воспоминания.

Следующим показателем гендерной самооценки выступает оптимистичность. Уровень оптимизма определяется авторами как уверенность личности в своей способности достичь поставленных в жизни целей. Уровень оптимизма определяется прямым оцениванием собственного оптимизма респондентами и косвенно — через соотнесение расстояний между реальным и достижимым Я, и расстоянием между достижимым и недостижимым (идеальным) Я[12].

Для соотнесения показателя самооценки с уровнем оптимизма использовался только косвенный показатель. В группе женщин выявилось 14 человек с высо-

ким уровнем оптимизма, 11 с низким уровнем, 17 человек с неопределенным косвенным показателем. Нами были избраны 2 контрастные группы, которые выровняли по минимальному количеству в случайном порядке. Мы выделили 2 сравниваемые группы:

- с высоким уровнем оптимизма (14 человек),
- с низким уровнем оптимизма (11 человек).

5.1 Оптимистичность самооценки и организация пространства воспоминания.

Уверенность в достигаемости идеального Я связана с такими характеристиками воспоминания как расширение пространства воспоминания (85%), удаление от объектов и других персонажей (64%), активность в описании ситуации (85%), позитивный фон воспоминания (92%). В целом, женщина, уверенная в своих способностях к самосовершенствованию отличается активностью, стремлению к автономии при готовности к сотрудничеству в семейных отношениях и позитивным восприятием брака.

Особенностью женщин, имеющих низкие показатели оптимистичности самооценки, является сужение пространства воспоминания (81%), пассивной ролью в описываемой ситуации (73%) и нейтральным, констатирующим описанием событий без включения эмоциональной оценки (72%). Эти женщины в определенной степени избегают расширенных контактов при решении семейных проблем, считают себя не способными управлять отношениями и, вероятнее всего, подавляют эмоциональные переживания.

5.2 Оптимистичность самооценки и персонажи воспоминания.

Тематически, при анализе включения других персонажей, также выявлены различия. Женщины с низким уровнем оптимистичности имеют стандартный набор персонажей — супруг (87%), иногда ребенок (27%) и родственники (27%).

Иная картина у женщин с завышенным уровнем оптимизма. У них вообще больше персонажей, включенных в воспоминание (ребенок, супруг, родственники, домашние питомцы, посторонние люди) и часто встречающиеся воспоминания, в которых нет супруга (29%).

Мы можем говорить, что оптимистичность самооценки, прежде всего, связана с ощущением контроля своей жизни. Чем сильнее это ощущение, тем выше готовность расширять контакты в сфере семейных отношений, больше свобода в проявлении эмоциональной оценки ситуаций. При этом, повышение оптимизма до сверхнормального приводит к тому, что женщина теряет границы собственной семьи и при описании воспоминания о супружеских отношениях, тема собственно семьи и супружества может уходить на второй план.

6. Интегрированность самооценки и содержание воспоминания.

Последним параметром гендерной самооценки в нашем исследовании выступила ее интегрированность. Данный параметр определяется соотношением

косвенных и прямых показателей по шкалам оптимизма и удовлетворенности собой (Яньшин, 2007).

К группе с интегрированной самооценкой мы отнесли 14 человек, к группе с неинтегрированной (противоречивой) самооценкой — 10 человек. Отметим, что все женщины показали четкие результаты — не было смешанных оценок.

6.1. Интегрированность самооценки и организация пространства воспоминания.

Для женщин, имеющих целостную, интегрированную самооценку, характерно использование в одном воспоминании и расширения (50%), и сужения (36%) пространства, удаления (36%) и одновременного сближения (43%) с объектами и персонажами, использованием Я- (30%) и Мы-ситуаций (70%), позитивного (64%) и нейтрального (38%) фона. Такое смешанное использование практически всех параметров мы связываем с тем, что интегрированность предполагает совпадение прямых и косвенных показателей удовлетворенности и оптимистичности. Эти показатели могут совпадать как на низком уровне, так и на высоком. Соответственно и разброс данных столь велик.

Различия между женщинами, у которых показатели самооценки рассогласованы и согласованы, проявились в следующем:

– значительно большем количестве расширенного (90%; 50%) пространства у женщин с рассогласованными косвенными и прямыми показателями, что может говорить о потребности выхода за пределы имеющейся ситуации супружеских отношений;

– значительно более выраженной активности (79%; 30%) при согласованных показателях самооценки, и выраженной пассивности при рассогласованных показателях, что может быть связано с чувством контроля над собственными отношениями;

– в более позитивном отношении к описываемым событиям (64%; 30%) у женщин, имеющих совпадение косвенного и прямого показателя самооценки.

6.2 Интегрированность самооценки и содержание воспоминания.

В частоте использования образов других персонажей различия не обнаружены.

7. Темы воспоминаний и показатели самооценки.

Далее нами рассматривались темы (или сферы), представленные воспоминанием о супружеской жизни. Мы сравнили частоту встречаемости отдельных тем с показателями самооценки.

Тематическое наполнение воспоминаний о супружестве связано со всеми параметрами гендерной самооценки. Рассмотрим основные тенденции:

– Дети чаще являются темой воспоминания при таких особенностях самооценки женщины как неустойчивость, реалистичность, высокая удовлетворенность собой, низкая оптимистичность в достижении идеала, интегрированность.

Мы видим, что материнство может выступать как компенсаторный механизм при различных нарушениях самооценки женщины, а также при ее удовлетворенности собой как женщиной. То есть, усиление материнской функции в самосознании женщины может отражать как уверенность в себе как женщине, так и обратную картину.

– Усиление значимости личностных характеристик супруга и его способностей характерно женщинам при реалистичности самооценки, высокой удовлетворенности собой и оптимистичности в достижении идеала. Мы можем говорить, что уверенность в себе ведет к готовности женщины воспринимать супруга как личность, с определенными способностями, чертами характера, индивидуальными особенностями.

– Супружеские конфликты чаще представлены в воспоминаниях женщин с пониженной, неустойчивой, нереалистичной, неинтегрированной самооценкой, а также при низких показателях удовлетворенности и оптимистичности самооценки. Очевидно, что супружеские конфликты в описании воспоминания о супружеских отношениях, являются показателем нестабильности и проблемности гендерной самооценки женщины.

– Тема путешествий чаще встречается у женщин с повышенной и нереалистичной самооценкой, а также при высоком уровне оптимистичности самооценки. Мы предположили, что переживание путешествий с супругом или детьми подчеркивает общий позитивный тон отношения к браку и уверенность в собственных способностях добиться всего, что необходимо.

– Проблема включения профессиональной сферы в воспоминания о супружеских отношениях имеется у женщин при завышенной, неинтегрированной самооценке и высоком уровне оптимистичности самооценки. Данный результат мы связываем с включением механизма компенсации проблем в семейной сфере (рассогласованность прямого и косвенного показателей удовлетворенности и оптимистичности) определенными достижениями в сфере профессиональной деятельности. Либо возможна ситуация ролевого конфликта у работающей женщины.

– Здоровье кого-либо из членов семьи, как первого воспоминания о супружеских отношениях, встречается у женщин при заниженной гендерной самооценке и низком уровне оптимистичности. Одним из объяснений данной связи может выступать наличие в настоящем реальной проблемы со здоровьем у кого-то в семье. В связи с этим, женщина «забывает» свою гендерную роль и посвящает себя заботе о больном. С другой стороны, утривание своей роли при заботе о болящем члене семьи может компенсировать неуверенность в себе как женщине, супруге, матери.

Использование в воспоминаниях темы семейных праздников или отношения с друзьями не выявили связи с компонентами самооценки женщин.

Выводы

Подводя итог представленного исследования связи структурно-содержательных характеристик воспоминания о супружеских отношениях с компонентами гендерной самооценки, можно сформулировать ряд выводов:

1. Структура воспоминаний о супружеской жизни связана со всеми компонентами гендерной самооценки. Наиболее выражена данная связь с высотой, устойчивостью, оптимистичностью и удовлетворенностью самооценкой.

2. Содержание воспоминаний о супружеских отношениях связано с отдельными компонентами гендерной самооценки. Связь выражена с высотой, реалистичностью, оптимистичностью самооценки и ее интегрированностью.

3. Высота, устойчивость, удовлетворенность и оптимистичность гендерной самооценки связаны со всеми характеристиками воспоминания: потребностью в расширении социальных связей либо изоляции, с направленностью на сотрудничество в супружеских отношениях, с активностью женщины в отношениях, с эмоциональной оценкой супружества, с изменением роли супруга и его родственников.

4. Реалистичность гендерной самооценки связана с оценкой супружества как позитивного или негативного, с потребностью в изоляции или расширении социальных отношений при решении задач супружеской жизни, с изменением значения всех членов семейной сферы — детей, супруга, родителей.

5. Интегрированность гендерной самооценки связана с активностью женщины в отношениях с супругом, потребностью в изоляции или расширении контактов и эмоциональной оценкой отношений.

Нами была предпринята попытка найти какие-либо особенности построения супружеских отношений, отраженные в автобиографических воспоминаниях личности. Мы предположили, что самооценка, как один из базовых компонентов личности, обязательно должна иметь связь с тем, что рассказывает о своем браке человек, с тем, как он видит партнера по отношениям и самого себя в этих отношениях.

В результате исследования нами был выявлен ряд интересных особенностей и механизмов, которые четко демонстрируют наличие связи самооценки женщины в браке с особенностями ее воспоминаний о супружеских отношениях. Нами было выявлено, что практически все показатели самооценки (высота, устойчивость, интегрированность, удовлетворительность, оптимистичность, реалистичность) имеют связь со структурно-содержательными характеристиками воспоминания (с направленностью на взаимодействие, расширением личного пространства, активностью, готовностью к совместной деятельности с супругом, с ролью супруга, ребенка и близких родственников, с ведущей темой воспоминания).

Проблема гармонизации отношений в семье никогда не потеряет своей актуальности. Многие исследователи обращаются к поиску факторов, закономерностей функционирования гармоничного брака, анализируют новые техники

и методы диагностики отношений в семье. Выявленные особенности показывают необходимость дифференцированного подхода к понятию гендерной самооценки, демонстрируют глубину проблемы отражения личностных особенностей и социальных отношений в автобиографических воспоминаниях и открывают новые перспективы исследовательской деятельности в данном направлении.

Библиографический список

1. Аникеева, Н. П. (2010). *Роль гендерной самооценки в становлении личности. Педагогический профессионализм в современном образовании: материалы VI Международной научно-практической конференции*. Новосибирск: НГПУ, 326–334.
2. Исполатова, Е.Н., Николаева, Т.П. (1999). Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности. *Вопросы психологии*, (1), 69–76.
3. Нуркова, В. В. (2000). *Совершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности*. М.: УРАО, 2000.
4. Нуркова, В. В. (2014). Самоопределяющие нарративы в развитии личности. *Психологическая наука и образование*, (4), 22–30.
5. Нуркова, В. В., Василенко, Д. А. (2013). Вариативный репертуар самоопределяющих воспоминаний как ресурс развития самоидентичности. *Вестник РГГУ*, (18), 11–30.
6. Ожигова, Л.Н., Тиводар, А.Р. (2006). Гендерные аспекты бытия личности и проблемы современной семьи. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 149–152.
7. Рябикина, З.И., Тиводар, А.Р. (2011). Личностная идентичность в супружеских отношениях. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 4–12.
8. Ханалиева, Д. У. (2014). Самооценка как фактор регуляции поведения личности в различных жизненных сферах. *Вестник Университета Российской академии образования*, 3 (71), 46–50.
9. Шлыкова, Ю.Б. (2013). Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 34–43.
10. Шлыкова, Ю.Б. (2014). *Тематическая организация автобиографических воспоминаний и самооценка подростков. Психология саморазвития человека*. Киров: ВятГУ, 87–90.
11. Шлыкова, Ю.Б. (2005). Автобиографический анализ значимых идентификаций личности. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 7 (51), 80–81.
12. Яньшин, П.В. (2007). *Клиническая психодиагностика личности*. СПб.: Речь, 2007.
13. Conway, M. A. (2005). Memory and the Self. *Journal of Memory and Language*, 53 (4), 594–628.
14. Habermas, T., Köber, C. (2014). Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity. *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 354–362.
15. Harris, C. B., Barnier, A.J., Sutton, J. & Keil P.J. (2014). Couples as socially distributed cognitive systems: Remember ingevery day social and material contexts. *Memory Studies*, (7), 285–297.

Статья поступила в редакцию 17.05.2016.

WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL MEMORIES ABOUT MARITAL RELATIONS AND GENDER SELF-ESTEEM

Shlykova J. B., Lagutova L. O.

Shlykova Julija Borisovna, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: magnoy@mail.ru.

Lagutova Ljubov Olegovna, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: vesna2000@stas@mail.ru.

The article presents the results of an empirical study on the relationship of gender components of self-esteem of women with the structure and content of autobiographical memories. Autobiographical memories are considered as the basis for the construction of personal identity. Peculiarities of self-identity in the various spheres of life, including the sphere of marital relations are reflected in the memories.

Marital relations are reviewed through woman's memories and assessment of individual events; a woman is represented as a subject of these relations. Gender self-esteem is examined through the height, stability, realism, integration of self-confidence and optimism level in reaching the ideal. Autobiographical memories are analyzed according to several parameters: the amount of memory space, the number of characters, the location of the author in the recollection, the activity, the presence of joint activities, emotional esteem of memories, memories leading issue. Memories analysis is a comparison of contrasting groups of women, identified on the basis of self-esteem of individual indicators.

The results demonstrate an evident correlation between the majority of the components of gender self-esteem with the content and structure of autobiographical memories. Parameters of gender self-esteem of women showed a strong correlation with characteristics of memories like marital activity, the extension or limitation of contacts and spheres of self-fulfillment, positive attitude toward marriage, the willingness to act together and share the responsibility with the husband, commitment to the implementation of the maternal function, the need for control of the marital relationship. The correlation between the thematic content of memories and different parameters of gender self-esteem of women is also presented. The most apparent correlation could be seen in the memories of children, marital conflicts, centration on the husband and the correlation of professional and family spheres of women's life.

Keywords: gender self-esteem, marital relationships, autobiographical memories, parameters of memories analysis.

References

1. Anikeeva, N. P. (2010). Rol' gendernoj samoocenki v stanovlenii lichnosti [Role of gender self-esteem in personality formation]. *Pedagogicheskij professionalizm v sovremenom obrazovanii: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Pedagogical professionalism in modern education: materials of the 6th International Research and Practice Conference]. Novosibirsk: NGPU, 326–334.
2. Ispolatova, E. N. & Nikolaeva, T. P. (1999). Modificirovannaja tehnika analiza rannih vospominanij lichnosti [Modified technology for analyzing person's early memories]. *Voprosy psihologii* [Psychological issues], (1), 69–76.
3. Nurkova, V. V. (2000). *Sovershennoe prodolzhaetsja: psihologija avtobiograficheskoy pamjati lichnosti* [The perfect keeps lasting: psychology of autobiographical memory]. M.: URAO, 2000.
4. Nurkova, V. V. (2014). Samoopredeljajushhie narrativy v razvitii lichnosti [Self-defining narratives in personal development]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], (4), 22–30.

5. Nurkova, V. V. & Vasilenko, D. A. (2013). Variativnyj repertuar samoopredel'jajushhih vospominanij kak resurs razvitija samoidentichnosti [Diverse repertoire of self-defining memories as a self-identity development resource]. *Vestnik RGGU [RSHU Bulletin]*, (18), 11–30.
6. Ozhigova, L. N. & Tivodar, A. R. (2006). Gendernye aspekty bytija lichnosti i problem sovremennoj sem'I [Gender aspects of the personality existence and problems of a modern family]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]*, 3, 149–152.
7. Rjabikina, Z. I. & Tivodar, A. R. (2011). Lichnostnaja identichnost' v supruzheskih otnoshenijah [Personal identity in matrimonial relations]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]*, 4, 4–12.
8. Khanalieva, D. U. (2014). Samoocenka kak factor reguljicii povedenija lichnosti v razlichnyh zhiznennyh sferah [Self-esteem as a factor of regulating personality behavior in various life spheres]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija [Bulletin of the Russian Academy of Education]*, 3 (71), 46–50.
9. Shlykova, Ju. B. (2013). Avtobiograficheskij tekst kak smyslovoe otrazhenie bytija lichnosti [Autobiographical text as semantic reflection of personality existence]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]*, 3, 34–43.
10. Shlykova, J. B. (2014). Tematicheskaja organizacija avtobiograficheskikh vospominanij i samoocenka podrostkov [Thematic organization of autobiographical memories and teenagers' self-esteem]. *Psihologija samorazvitija cheloveka [Psychology of personal self-development]*. Kirov: VjatGU, 87–90.
11. Shlykova, Ju. B. (2005). Avtobiograficheskij analiz znachimyh identifikacij lichnosti [Autobiographical analysis of significant identifications of personality]. *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki [News of SFU. Technical Science]*, 7 (51), 80–81.
12. Janshin, P. V. (2007). *Klinicheskaja psihodiagnostika lichnosti [Clinical psychodiagnostics of personality]*. SPb.: Rech, 2007.
13. Conway, M. A. (2005). Memory and the Self. *Journal of Memory and Language*, 53 (4), 594–628.
14. Habermas, T., Köber, C. (2014). Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity. *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 354–362.
15. Harris, C. B., Barnier, A.J., Sutton, J. & Keil P.J. (2014). Couples as socially distributed cognitive systems: Remember inginevery day social and material contexts. *Memory Studies*, (7), 285–297.

ПОТРЕБНОСТИ И ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ОФИЦЕРА

Вызулина К. С.

Вызулина Ксения Сергеевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: ksv91@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению специфических образований потребностей и ценностей в структуре движущих сил развития личности офицера на разных этапах жизненного пути. Для более углубленного понимания и раскрытия понятия потребности и ценностной сферы были проведены теоретическое и эмпирическое исследования. В теоретической части были рассмотрены работы отечественных и зарубежных исследователей, их классификаций, базирующихся на теориях потребностей. Особое внимание уделено концепции Ш. Ричи и П. Мартина, в которой выделена группа из двенадцати личностных потребностей, сочетание которых показывает приоритетные потребности, мотивирующие трудовую деятельность человека. Ценностная сфера была рассмотрена с позиции экзистенциального подхода. Установлено, что ценностные ориентации влияют на актуальный уровень мотивации, в свою очередь актуальный уровень мотивации оказывает влияние на ценностные ориентации. При всем многообразии исследований мотивационной сферы и ее взаимосвязи с потребностями, формирующимися под влиянием ценностей личности, нельзя не отметить, что остаются популяционные сегменты, исследование которых становится все более актуальным. Среди них — многочисленный корпус кадровых офицеров. Формирование устойчивой системы ценностей у офицеров является одной из приоритетных задач военного образования.

В эмпирической части исследования с помощью теста «Ценностные ориентации» (М. Рокич) и опросника «Диагностика системы профессиональных ценностей сотрудников организации» (Ш. Ричи, П. Мартин) были рассмотрены профессиональные потребности и ценностные ориентации офицеров военного вуза. Выборку испытуемых (89 чел.) составили 2 подгруппы: молодые офицеры — командиры взводов (48 чел.) и преподаватели военного вуза, офицеры высших чинов и запаса (41 чел.). В рамках проведенного исследования выявлено, что система профессиональных ценностей офицеров военного вуза включает специфическую совокупность потребностей в виде: ощущения востребованности и интересной работы; самосовершенствования; четкого структурирования работы; стремления ставить сложные жизненные задачи и достигать их; признания; достойного материального вознаграждения за труд. В системе терминальных ценностей офицеры отдают предпочтение счастливой семейной жизни, физическому и психическому здоровью, хорошим и верным друзьям, уверенности в себе, материально обеспеченной жизни.

Сделан вывод, что установленные взаимосвязи позволяют маркировать совокупность центральных личностных образований в виде системы потребностей и ценностей как движущих сил развития личности офицера в разные возрастные периоды. Полученные данные позволяют выделить направления личностного и профессионального роста офицеров-руководителей.

Ключевые слова: мотивационная сфера; потребности; ценности; офицеры.

Значительные перемены, происходящие в настоящее время в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни государства, находят отражение и в Вооруженных Силах Российской Федерации. Социально-профессиональная среда становления личности военнослужащего весьма специфична и накладывает отпечаток на формирование ее субъектных качеств. Кардинальные перемены последних лет в Российской армии предполагают поиск новых возможностей, а также реконструкцию старых, предназначенных для сохранения и повышения качества офицерского состава как одной из основных боевых единиц страны (Чернов, 2006).

Центральной движущей силой развития личности являются мотивационные образования, формируемые системой потребностей, индивидуальных ценностей субъекта. В психологии личности потребность рассматривается как сущностная динамическая психическая сила, проявляющаяся в состоянии внутренней напряженности. Она побуждает человека к целенаправленной активности для удовлетворения жизненно важных функций самосохранения, биологического и личностного саморазвития (Горностай и др., 2001).

В психологии сложились разнообразные классификации, базирующиеся на различных теориях потребностей. В отечественной психологии получила признание классификация потребностей, согласно которой выделяются три их вида: материальные, духовные, социальные (Ильин, 2008). Известно положение А. Н. Леонтьева о том, что потребности родились из свойства организма переходить в состояние деятельности под влиянием внешних факторов (Леонтьев, 1981). А. Н. Леонтьев вводит понятие низших и высших потребностей, отмечая при этом, что социальная природа накладывает отпечаток на все потребности личности (Леонтьев, 1981).

Особое место занимают исследования системы потребностей, реализуемых в трудовой активности человека. В частности, в концепции Ш. Ричи и П. Мартина выделена группа личностных потребностей (всего двенадцать), разное сочетание которых определяет приоритетные потребности, мотивирующие трудовую деятельность человека (Ричи и др., 2004). Операционализация этой концепции позволила авторам создать оригинальный опросник, получивший достаточно широкое распространение, в частности, при диагностике системы индивидуальных и групповых мотиваторов (Ясько, 2012).

Одним из значимых аспектов движущих сил социальной активности личности является ценностная сфера. Так, Д. А. Леонтьев определяет личностные ценности как «консервированные» отношения личности с миром, отражающие разновариантные аспекты общечеловеческого опыта (Леонтьев, 1999). Каждая личность характеризуется присущей ей индивидуальной последовательностью личностных ценностей. Для зрелой личности ценности выполняют функцию перспективных стратегических жизненных целей или смысловых ориентиров. На сегодняшний день существует несколько подходов к классификации ценностей.

В. Франкл выделяет личностные ценности (творчества, переживания, отношения) (Франкл, 1990). М. Рокич отмечает, что существует два вида ценностей: ценности-цели (терминальные ценности) и ценности-средства (инструментальные ценности) (Rokeach 1973). Набор этих ценностей у человека с течением времени остается неизменным, меняется только их иерархия. Мотивы поведения людей определяют терминальные ценности, а ценности-средства являются специфическим инструментом их реализации (Журавлева, 2006; Карпинский, 2011).

Существенная роль в формировании ценностных ориентаций принадлежит ближайшему окружению личности (Незамайкин, 2014). Ценностные ориентации, отмечают В. И. Добреньков и А. И. Кравченко, представляют собой «основной канал усвоения духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы практического поведения людей» (Добреньков и др., 2007).

Развитие личности как системы нуждается в гармоничном строении мотивационной сферы. В. А. Соловьева установила, что ценностные ориентации влияют на актуальный уровень мотивации, в свою очередь актуальный уровень мотивации оказывает влияние на ценностные ориентации (Соловьева, 2008).

Исследуя ценностные ориентации как элемент в структуре личности офицера, В. И. Султанбеков и А. И. Тимофеев отмечают, что формирование устойчивой системы ценностей у будущих офицеров является одной из приоритетных задач военного образования. Успех решения этой задачи во многом зависит от качества деятельности преподавательского состава военных вузов и командиров подразделений (Султанбеков и др., 2010).

При всем многообразии исследований мотивационной сферы и ее взаимосвязи с потребностями, формирующимися под влиянием ценностей личности, нельзя не отметить, что остаются популяционные сегменты, исследование которых становится все более актуальным. Среди них — многочисленный корпус кадровых офицеров. Глубокая и разносторонняя разработанность проблематики мотивации, потребностной сферы, ценностей личности, наличие богатого инструментального аппарата для исследования этих феноменов, с одной стороны, и очевидный возрастающий запрос психологической науки и социальной практики в анализе компонентов мотивационно-ценностной сферы личности современного кадрового офицера армии — с другой, обуславливают актуальность поиска специфических образований потребностей и ценностей в структуре движущих сил развития личности офицера на разных этапах жизненного пути. Такое понимание проблемы и ее актуальности обусловило цели и предмет проводимого нами исследования.

Организация и методы исследования

Выборку испытуемых (89 чел.) составили 2 подгруппы: молодые офицеры — командиры взводов (48 чел.; подгруппа n_1 ; средний возраст $27,6 \pm 3,8$ лет) и преподаватели военного вуза, офицеры высших чинов и запаса (41 чел.; подгруппа n_2 ; средний возраст $51,9 \pm 10,51$ лет).

Использованы методики: тест «Ценностные ориентации» (М. Рокич), опросник «Диагностика системы профессиональных ценностей сотрудников организации» (Ш. Ричи, П. Мартин).

Анализ полученных данных проведен с применением методов параметрической статистики (расчет средней арифметической, дисперсии, линейной корреляции по Пирсону).

Результаты и их обсуждение

Диагностика системы профессиональных ценностей военнослужащих позволила выявить ведущие профессиональные потребности.

Ведущей ценностью для офицеров является профессиональная востребованность и интересная работа («ИП» $M = 37,4 \pm 10,55$).

Осознание того, что для эффективной профессиональной деятельности офицеру необходимо иметь наличие жестких правил, а также своевременной обратной связи о результатах проделанной работы, обуславливает высокую значимость (второй ранг) потребности в четком структурировании работы («Ст» $M = 37,1 \pm 15,78$).

Военнослужащим очень важно развиваться в профессиональном плане, стремиться достигать совершенства в своей профессии. Ценность «совершенствоваться, расти и развиваться как личность» занимает третье место («Сс» $M = 35,8 \pm 9,35$).

Четвертое и пятое места по значимости занимают потребности завоевания признания со стороны других людей («Пр» $M = 34,8 \pm 10,29$) и достаточного материального вознаграждения за свой труд («МВ» $M = 34,6 \pm 18,38$).

Стремление следовать поставленным целям, намечать и завоевывать сложные, многообещающие рубежи — потребность, заключающая совокупность значимых внутренних мотиваторов профессионально-личностной активности офицера как субъекта деятельности («СД» $M = 32,8 \pm 10,52$).

В группу слабо выраженных потребностей вошли: стремление устанавливать долгосрочные взаимоотношения с коллегами («Во» $M = 25,0 \pm 10,61$); необходимость в хороших условиях работы («ФУ» $M = 24,8 \pm 12,57$); потребность самореализации во власти и влиятельности («ВВ» $M = 20,8 \pm 10,69$). Низкие баллы по шкале «ФУ» можно объяснить тем, что за время обучения в военном вузе и в последующей службе у офицеров формируется непритязательное отношение к условиям быта. Слабое стремление военнослужащих к поддержанию долгосрочных взаимоотношений с коллегами, товарищами по службе можно рассматривать как результат влияния специфики деятельности на личности. Умение хранить тайны, принимать ответственные решения, а во взаимоотношениях с коллегами следовать требованиям воинских уставов — все это в совокупности может влиять на низкий показатель потребности устанавливать долгосрочные

взаимоотношения с коллегами. Малая значимость потребности во власти указывает на то, что военнослужащие привыкли к жесткому единоначалию, строгому следованию кругу должностных функций. При этом офицер имеет развитую компетентность организовать работу личного состава и руководить им в пределах должностного статуса.

Сравнение конфигурации потребностных «профилей» молодых и зрелых офицеров показало их идентичность. Однако есть различие, связанное с потребностью в росте и развитии как личности («Сс» при $t = 1,96$ $p < 0,05$). Офицеры зрелого возраста хотят совершенствоваться, чтобы повысить свой профессиональный уровень. Помимо этого военнослужащие высших чинов гораздо больше нуждаются в социальном одобрении, чем их молодые сослуживцы (потребность в признании в подгруппе n_2 занимает четвертый ранг, а в подгруппе n_1 — шестой).

Молодых офицеров, наоборот, устраивает их положение на данный момент. Для них приоритетом выступает материальное вознаграждение (подгруппа n_1 — третий ранг, в подгруппе n_2 — пятый).

Таким образом, для всех военнослужащих выраженными потребностями стали: ощущение востребованности и интересной работе; четкое структурирование работы; совершенствование, рост и развитие как личности; завоевание признания со стороны других людей; высокая заработная плата и материальное вознаграждение. Низкий уровень значимости имеют потребности: в социальных контактах; во власти и влиятельности; в хороших условиях работы.

Специфика потребностной сферы в группах, дифференцированных по возрасту и должностному статусу, отражается в более высокой значимости для военнослужащих зрелого возраста потребности личностного и профессионального роста, развития, социального признания, а для молодых офицеров — в создании достойных материальных условий жизни.

Исследование иерархии терминальных ценностей, проведенное с применением методики М. Рокича, показало, что первые пять мест у офицеров заняли ценности: «счастливая семейная жизнь» ($M = 14,9 \pm 2,65$); «здоровье» ($M = 14,4 \pm 3,13$); «уверенность в себе» ($M = 12,6 \pm 3,06$); «наличие верных друзей» ($M = 12,0 \pm 3,58$); «материальная обеспеченная жизнь» ($M = 10,4 \pm 3,31$).

Офицерам очень важно иметь эмоциональную поддержку со стороны близких им людей (семья и друзья). Помимо этого они хотят быть здоровыми и уверенными в себе, а также финансово независимыми.

Малозначимыми ценностями являются: «активная деятельная жизнь» ($M = 5,8 \pm 3,12$); «равенство» ($M = 4,8 \pm 3,64$); «творчество» ($M = 4,4 \pm 4,05$); «удовольствия и развлечения» ($M = 3,6 \pm 4,24$); «красота» ($M = 3,1 \pm 2,86$). В этом, несомненно, видим влияние специфики военной службы, которая не предполагает достаточного свободного времени для развлечений, созерцательности и увлечений.

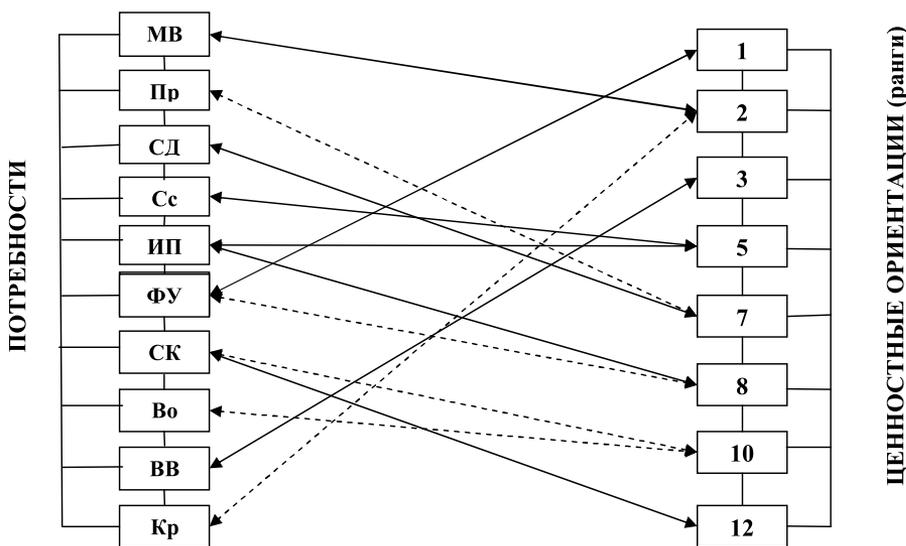

Рис. 1. Корреляционные плеяды (r) профессиональных потребностей военнослужащих (ПП) и ценностных ориентаций (ЦО)

Примечания:

1) пунктиром обозначены отрицательные корреляции;

2) слева обозначены профессиональные потребности (ПП): *МВ* — потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении; *Пр* — потребность в завоевании признания других людей; *СД* — потребность ставить для себя дерзновенные сложные цели и достигать их; *Сс* — потребность в совершенствовании, росте и развитии как личность; *ИП* — потребность в ощущении востребованности и в интересной работе; *ФУ* — потребность в хороших условиях работы; *СК* — потребность в социальных контактах; *Во* — потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения; *ВВ* — потребность во влиятельности и власти; *Кр* — потребность в креативности.

3) справа обозначены ценностные ориентации (ЦО) с выделенными для них рангами: *1* — счастливая семейная жизнь; *2* — здоровье (психическое и физическое); *3* — уверенность в себе; *5* — материально обеспеченная жизнь; *7* — любовь; *8* — интересная работа; *10* — самостоятельность (как независимость в суждениях); *12* — познание (возможность расширения своего образования).

«Профили» ценностных ориентаций подгрупп военнослужащих, как и «профили» системы потребностей, имеют в целом идентичный вид, однако отмечаются и определенные различия.

В сравнении среднегрупповых показателей в подгруппах $n_1 \leftrightarrow n_2$ выявлено следующее: для преподавателей военного вуза и офицеров запаса более важно

Таблица 1

Корреляционная матрица достоверных взаимосвязей профессиональных потребностей военнослужащих (ПП) и ценностных ориентаций (ЦО)

ПП	ЦО							
	1	2	3	5	7	8	10	12
МВ		0,254*						
ФУ	0,246*					- 0,406**		
СК							- 0,279**	0,209*
Во							- 0,266*	
Пр					- 0,241*			
СД					0,210*			
ВВ			0,268*					
Кр		- 0,260*						
Сс				0,224*				

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

иметь интересную работу, а также чувствовать себя востребованными среди своего окружения (№ 4 при $t = 2,83$ $p < 0,01$; № 10 при $t = 2,98$ $p < 0,01$).

Молодых офицеров больше интересует ценность любви (№ 6 при $t = 2,88$ $p < 0,01$), притом что ценность «красота, переживание чувство прекрасного» является самой непопулярной среди военнослужащих, в то же время она более выражена в среде молодых офицеров (при $t = 2,01$ $p < 0,05$). В этом можно предполагать результат деформирующего влияния на личность офицера продолжительной воинской службы.

Офицеров зрелого возраста в отличие от молодых сослуживцев интересует работа и общественное признание. Молодые офицеры больше поглощены своей личной жизнью.

Корреляционный анализ показал наличие определенных связей разной направленности между ценностными ориентациями офицеров и профессиональными потребностями (рис. 1, табл. 1).

Графическое представление корреляционных плеяд показывает ярко выраженные точки, образующие пучки корреляции. Из шести профессиональных потребностей, имеющих большое значение для офицеров, пять имеют взаимосвязи разной направленности с высоко значимыми терминальными ценностями. Так, потребность в ощущении востребованности (ИП) вступает в положительную взаимосвязь с ценностями «материальная обеспеченная жизнь» ($r = 0,208$; $p < 0,05$) и «интересная работа» ($r = 0,243$; $p < 0,05$). Офицеры хотят иметь работу, наполненную смыслом, и получать за нее достойную заработную плату.

Ценность «материально обеспеченная жизнь» связана с профессиональной потребностью «рост и развитие как личность» ($r = 0,224$; $p < 0,05$). Чем выше

материальное вознаграждение, тем больше военнослужащие стремятся совершенствоваться.

Потребность военнослужащих общаться с широким кругом людей (СК) положительно связана с ценностью познания ($r = 0,209$; $p < 0,05$).

Желание общаться с большим количеством людей (СК) и потребность формировать и поддерживать долгосрочные отношения (Во) вступают в отрицательную связь с ценностью «самостоятельность» (СК $r = -0,279$ $p < 0,01$; Во $r = -0,266$ $p < 0,05$). В этом отражается специфика воинской деятельности, не предусматривающей самостоятельности как независимости в суждениях, которая может осложнить процесс коммуникации.

Потребность в хороших условиях несения службы взаимосвязана со счастливой семейной жизнью ($r = 0,246$; $p < 0,05$) и интересной работой ($r = -0,406$; $p < 0,01$). Наличие такой взаимосвязи актуализирует значимость создания благоприятной рабочей обстановки для военнослужащего, что может способствовать устойчивому интересу субъекта к выполняемой деятельности.

Ценность «здоровье» имеет корреляционную взаимосвязь с потребностью материального вознаграждения ($r = 0,254$; $p < 0,05$), что подчеркивает значимость реализации данного вида потребности военнослужащего. Отрицательная корреляция потребности творчества, креативности и ценности физического и психического здоровья свидетельствует о возможных рисках развития дезадаптационных состояний у офицеров, имеющих потребность новаторства, креативности в жизни и деятельности ($r = -0,260$; $p < 0,05$).

Ценность «любовь» коррелирует с потребностями в признании ($r = -0,241$; $p < 0,05$) и желанием ставить сложные задачи ($r = 0,210$; $p < 0,05$). Если есть любовь близких, военнослужащий не испытывает острой потребности в признании собственной значимости со стороны других людей. При наличии теплых доверительных отношений в семье, офицеры стремятся покорять новые рубежи, решать сложные задачи.

Одна из важных ценностей для военнослужащих — «уверенность в себе» — связана с профессиональной потребностью «власть и влияние» ($r = 0,268$; $p < 0,05$). Чем выше самооценка офицеров, тем больше их желание воздействовать и руководить людьми. Потребность во власти является важной составляющей военной службы. В то же время среди опрашиваемых офицеров она занимает последнее место по значимости. При рассмотрении данных в каждой из подгрупп выявлено, что у молодых офицеров данная потребность имеет выраженную положительную взаимосвязь с уверенностью в себе ($r = 0,277$; $p < 0,05$). Однако среди офицеров зрелого возраста тенденция не прослеживается. Полученный результат можно объяснить тем, что у молодого поколения военнослужащих потребность во власти и влиятельности не реализована.

В целом полученные результаты позволяют сделать некоторые выводы. При всем многообразии исследований мотивационной сферы несомненной эвристично-

стью обладает интеграция субъектно-личностного и экзистенциального подходов к анализу движущих сил развития личности. Установлено, что система профессиональных ценностей офицеров военного вуза включает специфическую совокупность потребностей в виде: ощущения востребованности и интересной работе; самосовершенствования; четкого структурирования работы; стремления ставить сложные жизненные задачи и достигать их; признания; достойного материального вознаграждения за труд. В системе терминальных ценностей офицеры отдают предпочтение счастливой семейной жизни, физическому и психическому здоровью, хорошим и верным друзьям, уверенности в себе, материально обеспеченной жизни.

Установленные взаимосвязи позволяют маркировать совокупность центральных личностных образований в виде системы потребностей и ценностей как движущих сил развития личности офицера в разные возрастные периоды. Такой подход дает основания для уточнения и коррекции задач психологического сопровождения кадрового офицера на всех этапах профессионального и жизненного пути.

Библиографический список

1. Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. (2007). *Фундаментальная социология. Т. XIII. Организация и управление*. Москва: Инфра-М.
2. Журавлева, Н. А. (2006). *Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе*. Москва: Институт психологии РАН.
3. Ильин, Е. П. (2008). *Мотивация и мотивы*. СПб.: Питер.
4. Карпинский, К. В. (2011). Дезинтеграция смысла жизни как предпосылки кризиса в развитии личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–16.
5. Леонтьев, А. Н. (1981). *Проблемы развития психики*. Москва: МГУ.
6. Леонтьев, Д. А. (1999). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл.
7. Мясищев, В. Н. (1995). *Психология отношений*. Москва; Воронеж.
8. Незамайкин, И. В. (2014). Исследование ценностных ориентаций в процессе ценностного управления. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*, 27, 7–11.
9. Горностай, П. П., Титаренко, Т. М. (ред.). (2001). *Психология личности: Словарь-справочник*. Киев: Рута.
10. Ричи, Ш., Мартин, П. (2004). *Управление мотивацией*. Москва: Юнити-Дана.
11. Соловьева, В. А. (2008). Мотивационная сфера в исследованиях личности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика*, 4 (14), 59–63.
12. Султанбеков, В. И., Тимофеев, А. И. (2010). Ценностные ориентации как элемент в структуре личности будущего офицера. *Сибирский педагогический журнал*, 3, 181–186.
13. Франкл, В. (1990). *Человек в поисках собственного смысла*. В Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьев (ред.). Москва: Прогресс.

14. Чернов, С. А. (2006). *Формирование преподавателями военного вуза ценностных ориентаций у курсантов*: дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск.
15. Ясько, Б. А. (2012). *Введение в организационную психологию*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
16. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.

Статья поступила в редакцию 24.04.2016.

.....

NEEDS AND VALUES IN THE STRUCTURE OF OFFICER'S PERSONALITY DEVELOPMENT MOTIVATION

Vyzulina K. S.

Vyzulina Ksenia Sergeevna, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040
Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: ksv91@mail.ru.

The article is devoted to specific educational needs and values in the structure of officer personality development motivation at different stages of life. For a more profound understanding and manifestation of the concept of needs and value sphere, theoretical and empirical studies have been carried out. In the theoretical part, works of national and foreign researchers, their classifications, based on the theories of needs, have been reviewed. Special attention was paid to the concept of S. Richie and P. Martin, where a group of twelve personal needs has been picked out, and the combination of those needs shows the prioritized needs that motivate human career. Value sphere was reviewed from the perspective of existential approach. It was found that the value orientations affect the actual level of motivation; in turn, the actual level of motivation influences the value orientations. With all the variety of research of motivational sphere and its relation to the needs developing under the influence of the individual values, it should be noted that there are population segments the research of which becomes increasingly important. Among them, one can find a large foundation of regular officers. Formation of a stable system of values among the officers is one of the prioritized tasks of military education.

In the empirical part of the study by means of "Value orientations" test (M. Rokeach) and "Diagnostics of the system of corporate employees' professional values of" questionnaire (S. Ritchie, P. Martin) professional needs and value orientations of military university officers were reviewed. The examinees (89 people) were divided into 2 subgroups: young officers — troop commanders (48 people) and military university teachers as well as high rank officers and retired officers (41 people). In the framework of the study, it was identified that the professional values system of military university officers includes a specific set of needs in the form of: sense of relevance and interesting work; self-improvement; clear structuring of work; setting challenging goals in life and achieving them; recognition; decent financial remuneration. In the terminal values system, officers prefer a happy family life, physical and mental health, good and faithful friends, self-confidence, financially secure life.

It is concluded that established interrelations allow for labeling a set of central personal formations in the form of a system of needs and values as a motivation for development of officer's personality at different ages. The obtained data allow for highlighting directions of personal and professional growth of chief officers.

Keywords: motivational sphere; needs; value; officers.

References

1. Dobrenkov, V. U. & Kravchenko, A. I. (2007). *Fundamental'naja sociologija. T. 13. Organizacija i upravlenie* [Fundamental Sociology. Vol.13. Organization and management]. Moscow: Infra-M.

2. Zhuravlev, N. A. (2006). *Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v rossijskom obshchestve* [Dynamics of person's value system in the Russian society]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
3. Ilyin E. P. (2008). *Motivacija i motivy* [Motivation and motives]. SPb.: Peter.
4. Karpinski, K. V. (2011). Dezintegracija smysla zhizni kak predposylki krizisa v razvittii lichnosti [Disintegration of the meaning of life as a precondition for crisis in personal development]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–16.
5. Leontiev, A. N. (1981). *Problemy razvittija psihiki* [Issues of mental development]. Moscow: Moscow State University.
6. Leontiev, D. A. (1999). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of conceptual reality]. Moscow: Smysl.
7. Myasishev, V. N. (1995). *Psihologija otnoshenij* [Psychology of relations]. Moscow; Voronezh.
8. Nezamaykin, I. V. (2014). Issledovanie cennostnyh orientacij v processe cennostnogo upravlenija [Study on a value system in the process of value management]. *Sovremennye tendencii v jekonomike i upravlenii: novyj vzgljad* [Modern trends in economy and management: new approach], 27, 7–11.
9. Gornostay, P. P. & Titarenko, T. M. (eds.). (2001). *Psihologija lichnosti: Slovar'-spravochnik* [Personality Psychology: Glossary]. Kiev: Ruta.
10. Ritchie, S. & Martin, P. (2004). *Upravlenie motivaciej* [Motivation management]. Moscow: Yuniti-Dana.
11. Soloviev, V. A. (2008). Motivacionnaja sfera v issledovanijah lichnosti [Motivational sphere in studies on personality]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Akmeologija. Juvenologija. Sociokinetika* [N. A. Nekrasov Kostroma State University Bulletin. Humanities Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Akmeology. Juvenology. Social Kinetic], 4 (14), 59–63.
12. Sultanbekov, V. I. & Timofeev, A. (2010). Cennostnye orientacii kak jelement v strukture lichnosti budushhego oficera [Value system as an element in the structure of personality of a future officer]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 3, 181–186.
13. Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah sobstvennogo smysla* [A person in search for his/her own sense]. Edited by L. Y. Gozman & D. A. Leontiev. Moscow: Progress.
14. Chernov, S. A. (2006). *Formirovanie prepodavateljami voennogo vuza cennostnyh orientacij u kursantov* [Student's value system formed by teachers of a military higher educational institution]: PhD thesis in Pedagogy. Novosibirsk.
15. Jasko, B. A. (2012). *Vvedenie v organizacionnuju psihologiju* [Introduction to Organizational Psychology]. Krasnodar: Kuban State University.
16. Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В КРАСНОДАРЕ В 1928 Г.: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖИ¹

.....

Рожков А. Ю.

Рожков Александр Юрьевич, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: avro14@mail.ru.

В статье описывается и интерпретируется массовый протест учащихся школ и вузов г. Краснодара в марте 1928 г. в связи с приговором суда по «делу Синдаровского». Источниками данных служат документы ОГПУ, партийных и комсомольских органов, газетные публикации, мемуары участников протеста. Настоящий кейс рассматривается через исследовательскую «оптику» культурной истории эмоций, которая позволяет понять прошлое как мир чувств и эмоциональных переживаний. В центре внимания автора находятся системы чувств двух «эмоциональных сообществ», участвующих в тех событиях — официальной власти (партийные, профсоюзные, комсомольские органы и функционеры, сотрудники органов правопорядка, руководство вузов) и учащихся (со всеми особенностями их небольших общин в каждом учебном заведении).

Анализ официального дискурса власти, дискуссий на партийных и комсомольских собраниях, а также показаний студентов на допросах показал, что высшая судебная власть, в отличие от местной, пользовалась большим доверием у части молодежи. Партийная власть и органы ОГПУ во взаимоотношениях с молодежью оказались не готовы потерять патерналистский статус «строного отца». Эмоциональные ценности власти и части студенческой молодежи разместились в разных системах координат. Эти две разные культуры демонстрировали различие в эмоциональных оценках, причем власть подала молодежи явный сигнал к изменению эмоциональных стандартов в сторону «строгости чувств». Нельзя не заметить и различий в природе взаимного страха. Страх власти в отношении части молодежи был сконструирован когнитивно, тогда как природа молодежного страха в отношении власти представляла собой аффективно-когнитивную структуру.

Ключевые слова: Краснодар, «дело Синдаровского», «чубаровцы», студенческий протест, «эмоциональные сообщества».

Три дня, с 23 по 25 марта 1928 г. (с пятницы по воскресенье), студенческий Краснодар бурлил. Здесь произошли события, о которых не сообщала тогда ни одна из местных и центральных газет. На улицы города вышло несколько тысяч протестующих студентов вузов и техникумов, школьников старших классов. В их рядах было немало преподавателей. В учебных заведениях проходили

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект РГНФ № 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций»).

митинги и собрания учащихся. На стенах вузов и техникумов были расклеены листовки-воззвания. Волнения учащихся были напрямую связаны с только что завершившимся судебным процессом по делу так называемых «краснодарских чубаровцев» (Чубаровщина, 1927; Naiman, 1990; Лебина, 1999).

Немногим позже в партийной прессе, официальных материалах о «контрреволюционной молодежной организации» в Краснодаре эти события станут маркироваться как организованная попытка «реакционного учительства и профессуры», беспартийных студентов и школьников отменить решение суда и сорвать применение сурового, но справедливого приговора в отношении «краснодарских чубаровцев». Однако доступные нам источники дают возможность существенно скорректировать и дополнить столь однобокую интерпретацию событий, описать и понять этот неоднозначный кейс более обстоятельно.

Фабула случая

Рассматриваемый случай начался с криминальной драмы, официальная версия которой до сих пор вызывает много вопросов (Рожков, 2004). По этой версии, вечером 25 января 1928 г. якобы после неудавшейся попытки изнасилования была убита и сброшена в реку Кубань 16-летняя школьница З. Крылова, приглашенная тремя знакомыми ей юношами на пикник (Краснодарские чубаровцы, 1928). Следствие установило, что этими юношами являлись 21-летний студент Кубанского сельскохозяйственного института Г. Синдаровский, 18-летний ученик школы № 6 П. Мамрак и 17-летний И. Гавриленко, бывший учащийся той же школы. Через месяц тело жертвы будто бы было обнаружено в 35–40 км вверх по течению реки.

До сих пор доподлинно неизвестно, что произошло в тот январский вечер на берегу Кубани — несчастный случай или тяжкое преступление. Однако стигматизация обвиняемых как «краснодарских чубаровцев» началась в местной прессе еще задолго до начала судебного следствия, что указывает на предвзятый характер расследования. Вначале уголовное дело было квалифицировано как убийство при попытке изнасилования (максимальный срок наказания — 10 лет лишения свободы), но через несколько дней без веских оснований следователь Адыгее-Черкесского областного суда неожиданно переквалифицировал обвинение по «расстрельной» статье 59–3 УК РСФСР (бандитизм). Пресса нагнетала «чубаровскую» истерию в обществе, поэтому решение суда было предсказуемым: Синдаровского и Мамрака приговорили к расстрелу, а несовершеннолетнего Гавриленко — к 7,5 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Пока адвокат подсудимых Н. Н. Луганский готовил кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, учащиеся вузов и школ Краснодара, не веря в причастность этих юношей к преступлению, на следующий день после суда начали акции протеста против «пролития безвинной крови». Мы к этому вернемся после необходимых теоретико-методологических и процедурных пояснений.

«История эмоций» как направление cultural studies

Об «эмоциональном повороте» в западной историографии заговорили сравнительно недавно, с 1990-х гг. Примерно в этот же период «эмоциональный бум» затронул философию, литературоведение, музыковедение, социологию, культурную антропологию, культурную историю и другие дисциплины (Плампер, 2010). В России это направление пока еще в самом начале пути, точкой отсчета которого по праву стоит считать международную конференцию «Эмоции в русской истории и культуре» (Москва, 2008).

Первые работы в области истории эмоций на Западе начали появляться со второй половины XIX в. Я. Буркхардт (1860), Ф. Ницше (1882), Й. Хейзинга (1919), Н. Элиас (1939) и другие авторы подходили к рассмотрению выражения сильных эмоций (гнев, зависть, любовь, совесть, жестокость и т.д.) в основном на материалах Античности, Средневековья, эпохи Возрождения. В 1940 г. Л. Февр произнес свой доклад-манифест «Чувствительность и история», первым призвав историков целенаправленно изучать эмоции в прошлом (Февр, 1991). С тех пор специалисты выделяют три парадигмы в истории эмоций на Западе, соответствующие трем периодам её становления и развития: универсализм (1940–1980); социальный конструктивизм (1980–1995); синтез универсализма и социального конструктивизма (с середины 1990-х гг.) (Плампер, 2010; Rosenwein, 2010; Хмелевская, 2012).

Вплоть до 1980-х гг. эмоции в истории рассматривались «универсалистами» преимущественно как биологически обусловленные иррациональные и неструктурированные феномены, как постоянные величины («базовые» эмоции). В середине 1980-х гг. американские модернисты П. Стернс и К. Стернс основали новое направление в исследовании эмоциональных норм и стандартов — «эмоциология», фактически превратив историю чувств в самостоятельное исследовательское поле. Конструктивистская парадигма, в отличие от универсалистской, рассматривала эмоции как культурно и исторически обусловленные величины. Однако, как справедливо полагает Б. Розенвейн, универсалистский и презентистский подходы к эмоциям достаточно спорны, чтобы помочь появиться истории, посвященной изучению эмоций (Rosenwein, 2010). Современный этап, являющийся методологическим компромиссом, возник, с одной стороны, по причине последних достижений в экспериментальной нейробиологии и когнитивной психологии, с другой — связан с неспособностью конструктивистов решить проблему взаимодействия между меняющимися эмоциональными характеристиками людей и меняющимися историческими обстоятельствами, в которых они находились. В упрощенном виде современная синтетическая концепция рассматривает эмоции как состоящие из какой-то «неизменной основы и некой культурной оболочки» (Плампер, 2010). Таким образом, за 75 лет совершен стремительный прорыв в современном гуманитарном знании, результатом которого стало выделение культурной истории эмоций в самостоятельное

направление историографии. Данное направление не стоит на месте, одним из подтверждений чего является набирающая силу полемика об «эмоциональном» и «аффективном» поворотах в *cultural studies* (Николаи, Хазина, 2015).

С начала 2000-х гг. стали появляться работы, внесшие существенный вклад в разработку теоретико-методологических оснований и заметно пополнившие понятийный аппарат истории эмоций (понятия «эмотив», «эмоциональный режим», «эмоциональное сообщество», «эмоциональное страдание», «эмоциональное убежище» и др.). Прежде всего, речь идет о фундаментальных работах У. Редди и Б. Розенвейн (Reddy, 2001; Rosenwein, 2007; Rosenwein, 2010). Одним из ключевых методологических принципов культурной истории эмоций стал тезис о том, что она имеет мало общего с пониманием эмоций в естественных науках. М. Стейнберг небезосновательно утверждает, что для интерпретации чувств наиболее плодотворным представляется изучение не физиологических и нейробиологических аспектов эмоций, а взаимодействия и переплетений чувств и культуры, языка, истории, общества, власти, т.е. социальное конструирование эмоций. Исходя из этого, выражение эмоций в «эмоциональном сообществе» может быть проанализировано как социальная практика (Стейнберг, 2010). Б. Розенвейн также полагает, что следует рассматривать социальную роль эмоций, прочитывать их как социальные взаимодействия (Rosenwein, 2010). «Обычные» сообщества (семья, трудовой коллектив, студенческий курс, соседи, члены профсоюза и т.д.) в этой концепции рассматриваются через систему чувств, групповых эмоций, которые теперь становятся главным объектом анализа.

Источники и методы интерпретации

Как обычно бывает в микроисторических исследованиях, при изучении настоящего кейса обнаружился дефицит прямых источников, что актуализировало «уликовую парадигму» К. Гинзбурга (Гинзбург, 2004). Вместе с тем стали доступны для анализа некоторые документы ОГПУ: архивно-следственное дело «Антипартийный комитет» и обзор по нему, где отдельное внимание уделено студенческому протесту. Особый интерес представляют также автобиографический очерк Г. Синдаровского «Моя жизнь», его письмо начальнику Кубанского окружного отдела ОГПУ С. Н. Миронову, протоколы допросов инициаторов протеста и обвинительное заключение по уголовному делу. Не менее информативны протоколы партийных и комсомольских органов краснодарских вузов, воспоминания участницы протеста В. И. Коваленко. Ход судебного процесса достаточно подробно освещался в окружной газете «Красное знамя». В целом корпус источников позволяет провести интерпретационные процедуры, релевантные для микроанализа случая в ракурсе истории эмоций.

Кейс анализируется в методологических рамках интерпретативного подхода с применением понятийного аппарата и методов истории эмоций (Reddy, 2001; Rosenwein, 2007; Rosenwein, 2010). Сама фабула этого случая являет собой острый

конфликт, который сопровождался повышенным эмоциональным накалом. Но нас будет интересовать не столько внешнее выражение аффектов сторонами этого конфликта, сколько раскрытие *систем чувств* двух основных «эмоциональных сообществ», участвующих в тех событиях. К ним я отношу официальную власть в широком смысле, состоящую из разных микросообществ (партийные, профсоюзные, комсомольские функционеры, сотрудники органов правопорядка, руководство вузов) и учащихся (студентов и школьников) — со всеми особенностями их небольших общин в каждом учебном заведении. Нас особенно будет интересовать, какие эмоциональные нормы существовали в этих сообществах: что было приемлемым и неприемлемым для данного сообщества в целом и его членов в отдельности, насколько искренними были эмоции, в каких терминах и метафорах, передающих чувства (эмотивах), выражалось эмоциональное состояние людей.

Ш. Фицпатрик совершенно точно подметила, что «у историка, изучающего эмоции, два пути — прочитать то, что написано в дневниках, письмах и мемуарах и проанализировать языковые особенности, учитывая, как определенные внешние условия влияют на выражение эмоций. Другой путь более сложен, так как требует определенных условий — это наблюдение над тем, как люди проявляют свои эмоциональные состояния в определенной ситуации, при соблюдении ритуалов» (Фицпатрик, 2014). Настоящий кейс, несомненно, диктует второй путь, в отличие, например, от описания переживаний юного арестанта ОГПУ (Рожков, 2015).

Из «чубаровцев» — в «контрреволюционные щенки»

Аффективная реакция любой власти в отношении бунтов (в частности, студенческих) вполне предсказуема и в целом понятна. Тем любопытнее высказывания представителей партийной номенклатуры, прозвучавшие через несколько месяцев после краснодарских событий, когда накал страстей, казалось, должен был давно пройти. Наиболее ярко позиция власти представлена Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ А. Мильчаковым, который в начале 1920-х руководил комсомолом Северного Кавказа и хорошо знал обстановку на Кубани. В одной из пропагандистских брошюр он пишет: *«В краснодарских учебных заведениях поднялась большая шумиха, начались митинги в пользу арестованных; они — эти контрреволюционные щенки — встречали поддержку среди известного слоя учащихся и преподавателей»* (Мильчаков, 1928).

Заметно, что даже через время Мильчаков не может скрыть раздражение от краснодарских волнений. Уничижительная метафора *«контрреволюционные щенки»* выдает задетое самолюбие вождя комсомола, его гнев и ярость, желание унижить и оскорбить оппонентов. Еще более откровенно (и не менее эмоционально) он высказался на пленуме ЦК ВЛКСМ 26 октября 1928 г.: *«... когда ликвидировали эту организацию и арестовали ее главарей, то в краснодарских учебных заве-*

дней прошла волна сотен, буквально сотен митингов студенческой учащейся молодежи в пользу их освобождения, причем комсомольская организация <...> потерялась среди этой активной массы, и в Краснодаре, на одиннадцатом году существования Советской власти, росло массовое студенческое движение по поводу ареста контрреволюционеров, террористов и убийц, это движение захватило сотни студенческой молодежи и выросло в общегородскую демонстрацию против Советской власти» (РГАСПИ, л. 56–57).

Здесь мы видим ловкую риторическую игру в подтасовывание фактов («сотен митингов» — явная гипербола) ради мобилизации комсомольского актива. Если прежде «щетки» у Мильчакова были только «контрреволюционные», то теперь он клеймит идейного врага не менее весомыми ярлыками — «главари», «террористы», «убийцы». Что же стоит за политизированным креном в риторике Мильчакова о сугубо уголовном деле? Дело в том, что через два месяца после мартовского суда краснодарский процесс действительно трансформировался из бытовой «чубаровщины» в громкое политическое дело о «контрреволюционной организации» молодежи «Антипартийный комитет» во главе с Г. Синдаровским. Лукавство Мильчакова в том, что в ходе студенческих волнений дискурс о протесте еще не имел «контрреволюционных» коннотаций, и ни о каких «организациях» и «главарях» речь вообще не шла. Напротив, именно массовый протест молодежи и послужил импульсом к превращению уголовного дела «краснодарских чубаровцев» в «контрреволюционное» дело по 58-й статье УК.

В обвинительном заключении по делу «Антипартийный комитет», составленном в Кубанском окружном отделе ОГПУ, эпизоду с протестом студентов было отведено особое место: «В связи с вынесением ВМСЗ² Синдаровскому и Мамраку среди студенчества и учащихся Краснодара стали распространяться слухи о том, что осужденный Синдаровский Георгий осужден невинно, т.к. последний в убийстве не участвовал, а был только свидетелем. В то же время находящиеся в тюрьме Синдаровский, Гавриленко и Мамрак <...> передали из тюрьмы свои письма, в которых первый, обращаясь к студентам и учащимся Краснодара, указывает, что он не чубаровец и чубаровцем себя не считает. <...> На другой день, 24.III вопрос о необходимости как-то реагировать на якобы неправильный приговор суда по делу Синдаровского охватил большинство вузовской и учащейся молодежи. <...> Утром 25 марта в районе сельхозинститута и мединститута, а также здания индустриального техникума были обнаружены расклеенные листовки-воззвания с призывом молодежи организовать «в день убийства Синдаровского» и выйти на улицу на демонстрацию в знак протеста» (АУФСБ КК, л. 159–160).

Сдержанный тон обвинительного заключения продиктован жанром документа, предназначенного для публичного оглашения в суде. Однако в секретном обзоре полпреда ОГПУ на Северном Кавказе Г. Е. Евдокимова по агентурно-

² ВМСЗ – высшая мера социальной защиты (расстрел).

следственному делу «Антипартийный комитет» чекисты не скрывали истинную причину своего вмешательства в накаляющуюся ситуацию: «В связи с тем, что движение против приговора начало принимать явно антисоветскую форму, и грозило нормальной работе вузов и техникумов, Кубокротдел ОГПУ с нашей санкции произвёл изъятие четырёх активистов³» (ЦДНИРО, л. 16). В чем чекисты увидели «явно антисоветскую форму» поведения учащихся, сказать трудно. Из документов ОГПУ следует, что в ходе протестов не было зафиксировано ни антисоветских лозунгов, ни призывов к свержению власти, к вооруженному восстанию и т.д. Чувство жалости к подсудимым и стремление студентов к торжеству справедливости еще не означало недоброжелательности к власти. Волнения краснодарских студентов в 1928 г. прошли очень мирно и цивилизованно (в отличие от массовых беспорядков в январе 1961 г. в том же Краснодаре или в июне 1962 г. в Новочеркасске (Козлов, 2006; Янг, 2010)). Вероятно, сам факт возмущения студентов приговором *советского* суда расходился со сложившимся за 10 лет советской власти режимом выражения «правильных» эмоций. Не менее очевидно и патерналистское представление власти («социального отца») о границах и нормах проявления чувств со стороны «детей», априорно предполагающее их безусловную покорность.

Из этих документов можно сделать вывод о косвенных признаках эмоционального режима, который сложился в стране и в регионе: выражать свои чувства, проявлять эмоциональную реакцию в отношении советской власти и ее институтов позволялось только в позитивном ключе (восторг, одобрение, радость). Гнев, возмущение, презрение, несогласие с властью и недовольство ею исключались. Но против ли советской власти был этот студенческий протест? Закономерен также и вопрос, навеянный методологической репликой Б. Розенвейн: «“злая толпа” — злая она по мнению тех, кто находится в толпе, или потому, что так ее описывают враждебные наблюдатели?» (Rosenwein). Примерно о том же высказался П. Хаттон в споре с концепцией «истории, написанной победителями», подразумевая под этим, что известная нам письменная история отражает намерения заказчиков этих текстов, а не действительную ситуацию социальной жизни (Марков, 2014). Попытаемся установить, насколько интерпретация событий органами власти соответствовала показаниям участников с другой стороны.

«Без нашего ведома, но от нашего имени»

Студенческое «эмоциональное сообщество» Краснодара 1920-х гг. было довольно пестрым. Мы рассмотрим мнения только некоторых его представителей, отражающих определенные группы, и здесь будет трудно не заметить совершенно другой, отличной от власти, системы чувств. Начну с эпизода обвинительного заключения о письмах-воззваниях Синдаровского к учащимся, переданных

³ Арестованными оказались три студента краснодарских вузов (С. Кумурджи, В. Морев, И. Гнедич) и слушатель подготовительных курсов В. Савченко.

из тюремной камеры. Замысел обвинения понятен: дискредитировать в общественном мнении Синдаровского и других фигурантов не только как «убийц и насильников», но еще и как жалких трусов, взывавших к студенчеству из-за тюремной решетки с мольбами о помощи. Однако вот что сам Синдаровский сообщает о своем письме на допросе: *«Принесший передачу Кумурджи просил написать письмо к учащимся города, и я сверх передачи положил одну написанную в ту же минуту страничку»* (АУФСБ КК, л. 53).

Выходит, что не Синдаровский инициировал обращение к учащейся молодежи, а его приятель по сельхозинституту Кумурджи. Но ведь Синдаровского, «блестящего студента, гордость сельхозинститута» (Коваленко), лично знали далеко не все учащиеся Краснодара. Могла ли только сила его слова, даже искреннего и эмоционального, сыграть роль детонатора молодежного недовольства? Вряд ли, иначе подобные акции протеста были бы обыденной нормой, а не «исключением из нормального» (Э. Гренди). Тогда что же побудило молодежь собраться на митинги и выйти на улицу? Одну из версий ответа на этот вопрос дает в своих показаниях студент пединститута Д. Соболевский: *«Процесс, как известно, предполагался показательным. Но затем три обстоятельства сразу вызвали недовольство в среде студенчества: 1) процесс шел не показательным, студенчество на него не попало; 2) общественное обвинение, выдвинутое профкомом или партиячейкой КСХИ <...> в лице Ждан-Пушкина не было уполномочено даже общестуденческим собранием КСХИ. <...> 3) И это самое главное — Ждан-Пушкин, по существу, без нашего ведома, но от нашего имени на судебном процессе требовал высшей меры. Я категорически должен заявить, что волнение студентов, имевшее место на следующий день после вынесения приговора <...> несомненно имело массовый характер. <...> Протест был направлен не против суда, а против необоснованного выступления Ждан-Пушкина, против обхода студенческой массы студорганизациями, против своеобразного “превышения власти”, которое позволил себе Ждан-Пушкин»* (АУФСБ КК, л. 123–124).

И. Гнедич, один из четырех «изъятых» ОГПУ активистов студенческого протеста, весьма эмоционально подтверждает слова Соболевского: *«Когда Краснодар заволновался приговором суда по делу Синдаровского, когда студенчество возмутилось выступлением гр-на Ждан-Пушкина, позволившим себе вне его ведома, требовать от его имени смертной казни “героям” нашумевшего судебного процесса, то я, стремясь практически оформить свое недовольство по поводу недостойного поведения Ждан-Пушкина, как товарища-студента, получил очень много лестных названий: меня называли “черносотенцем”, “монархистом”, “контрреволюционером” и, наконец, “взбунтовавшимся мещанином”. В конце концов я был арестован 30-го марта ГПУ и мне предъявили обвинение по ст. 58 п. 10 УК, ибо я, видите ли, стремился дискредитировать пролетарский суд»* (АУФСБ КК, л. 137–138).

Становится очевидным, что юными бунтарями двигал целый комплекс эмоциональных мотивов (К. Э. Изард небезосновательно относит эмоции к первичной мотивационной системе человека (Изард, 2006, с. 39)). Причем в мотивах учащих не видно страха перед смертью подсудимых, как и признаков понимания ценности человеческой жизни как высшего блага. Возможно, часть молодежи, особенно девушки, испытывала элементарную жалость и сострадание к заключенным. Но возмущенные студенты вовсе не стремились оправдать «убийц и насильников» или понизить им меру наказания, как это пыталась представить власть. На самом деле они были возмущены действиями чиновников системы правосудия, разрушившими веру молодежи в справедливость и открытость пролетарского суда. Но больше всего их будоражила закулисная интрига, срежиссированная властью. Учащиеся Краснодара негодовали по поводу самозванства общественного обвинителя М. Ждан-Пушкина, выступившего на суде от их имени. Студенты возмущались попыткой коммунистического меньшинства в своих рядах, тесно связанного с властью, управлять массой. *Справедливость* — вот ключевое чувство, которое объединило учащих в толпу и управляло их бурными переживаниями в те мартовские дни.

Тем временем в дальнейших показаниях Соболевского открываются новые детали происшествия: *«Когда выяснилось, что профком (пединститута — А.Р.) отказывается созывать собрание, появилась мысль собирать подписи сначала для ходатайства перед профкомом о созыве этого собрания, а потом, когда профком категорически отказался от созыва такого собрания, решил собирать подписи под ходатайством перед Верховным Судом о смягчении приговора обвиняемым. <...> решили поставить вопрос о «чубаровцах» на предполагавшемся в субботу 24/III общестуденческом собрании в КСХИ. <...> Предложение было отклонено большинством голосов. <...> В субботу же утром <...> Луганскому я задал три вопроса: 1) Могли ли проф[союзные] и парт[ийные] организации КСХИ уполномочивать т. Ждан-Пушкина на требование высшей меры только на основании предварительного сообщения в газете, т.е. до окончания следствия. Тов. Луганский на этот вопрос ответил отрицательно. 2) Могут ли студенты добиваться от своих студ[енческих] организаций созыва общестуд[енческого] собрания, 3) можем ли мы ходатайствовать перед Верховным Судом о смягчении приговора. На эти два вопроса Луганский дал утвердительный ответ» (АУФСБ КК, л. 123 об.—124).*

Итак, все отчетливее проясняется второй мотив протестного поведения студентов, тесно связанный с первым — *«чрезмерная чувствительность к оскорблениям и пренебрежению»* (Робин, 2007). Низовая власть (на уровне вузовского профкома) не захотела решить элементарную проблему — созвать собрание студентов, — вследствие чего неразрешенное противоречие привело к более масштабным проявлениям протеста. Вместе с тем студенты ведут себя сдержанно. Они не громят профком, не устраивают массовых беспорядков, а пытаются провести

демократическую процедуру сбора подписей для легального созыва студенческого собрания. И только когда профком категорически отказался это разрешить, они были вынуждены начать сбор подписей под обращением в Верховный Суд РСФСР с целью смягчения приговора. Здесь же обнаруживается и высокий авторитет адвоката Н. Н. Луганского в их глазах. Становится очевидным, что часть студенческой молодежи больше верила в справедливость решений высших судебных инстанций и в силу адвокатов, чем в магическую силу «челобитных» в адрес власти. Все это указывает на признаки зарождавшегося цивилизованного правосознания у наиболее сознательной части молодого поколения раннесоветской России.

Намерения протестантов не выглядят как фронда власти. Как следует из материалов следствия, юные бунтари вовсе не пытались бороться с большевиками как с политическим оппонентом. Это был типичный гражданский протест молодежи, начинавшей осознавать свою групповую идентичность. Позже, после «разоблачения» «контрреволюционной» организации Синдаровского, комсомольские активисты сельхозинститута в своих отчетах зафиксировали вольнодумные высказывания некоторых студентов: *«Здесь не столько контрреволюционного, сколько болтовства», «Суд не справедлив, деспотичен. Этот приговор показывает бессилие Советской власти. Мы живем 11 лет после революции, и пора уже перевоспитывать молодежь, хотя бы она и была контрреволюционна. Поэтому власть сама виновата за такие проступки, да и отвечать не за что. Мы должны добиться отмены расстрела. Убитая девушка этого стоит»* (ЦДНИКК, д. 659, л. 70–71). Сегодня эти реплики выглядят невинно, однако в контексте эмоционального режима советской власти того времени вполне могли вызвать «отцовский» гнев с ее стороны. Тем не менее, это были лишь одинокие голоса смельчаков, а не единое мнение всего эмоционального сообщества студентов Краснодара.

«Винить очень строго нельзя»

Случай, который здесь представлен, в меньшей мере актуализирует анализ индивидуальных эмоций отдельных представителей обоих эмоциональных сообществ, нежели понимание групповых эмоций толпы («души толпы»), действующей по психофизиологическим законам нравственного заражения и подражания. Для интерпретации природы экспрессивного группового поведения могут быть исходными, как минимум, два концептуальных положения. Первое: «проявление известного душевного состояния возбуждает такое же состояние у того, кто его наблюдает» (еще Гораций подметил: «как смех вызывает смех, так и слезы вызывают плач»). И второе: «народное сборище не отличается строгим порядком: оно шумно и большая часть душевных движений <...> не может быть испытана всеми, а потому и не находит себе отголоска» (Сигеле, 1998). Иными словами, толпа может как быстро организоваться, демонстрируя эмоциональный отклик на внешний стимул, так и очень быстро распасться от того, что не

все ее члены глубоко прониклись солидарными чувствами. Толпа, управляемая почти исключительно бессознательным, не способна логически рассуждать, но чересчур податлива внушению и восприимчива к впечатлениям, к тому же она консервативна: «предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству» (Лебон, 1995).

Вполне вероятно, что чекисты в те мартовские дни негласно *«работали по секторам»* протестующей массы учащихся, внедряя в толпу своих агентов с целью противодействия протесту. Очевидно, не дремала и партийно-комсомольская власть. Но и сами студенты довольно скоро продемонстрировали свою неорганизованность и безропотность. Альтруистический порыв быстро уступил место эгоистическим предпочтениям. Многие, как В. Коваленко, вдруг осознали, что «по глупости» подписались под петицией (Коваленко). Вот что Кумурджи на допросе показывает о своем визите в пединститут: *«Поднявшись в актовыв зал, увидел там собравшихся студентов. <...> После выступления Гнедича, в котором он заявил, что при наличии 1/3 студентов мы без разрешения профкома можем организовать собрание, выступил тов. Досужий (пред[седатель] профкома) и заявил, что на собрании можно остаться лишь под личную ответственность. Студенты разошлись...»* (АУФСБ КК, л. 123 об.-124).

Студенты пединститута так и не набрали необходимого кворума, о котором говорил Гнедич. Из 642 студентов института на собрание пришло всего лишь 100–150 человек, да и те разошлись сразу же после строгого предупреждения председателя профкома. Одно дело — выкрикивать требования из толпы, слиться с массой в одно многоликое тело, и совсем другое — отвечать персонально за свои поступки. Выдвину предположение, что многими студентами и во время протеста, и особенно *после него* двигал сложный эмоциокомплекс, выражавшийся цепочкой чувств *страх–стыд–вина* (Марков, 2008). Конечно, часть учащихся могла испытывать животный страх телесного наказания (о зловещем облике ВЧК-ОГПУ тогда ходило немало легенд в молодежной среде) или отчисления из вуза — страх репрессий. Но в рядах протестующих было немало коммунистов и комсомольцев (как, вероятно, и верующих в Бога студентов), связанных определенными моральными нормами, за нарушение которых им в какой-то момент стало стыдно, и они готовы были искренне повиниться.

В связи с этим интересно посмотреть на реакцию со стороны партийных и комсомольских органов в отношении протестантов. Надо понимать, что в групповых представлениях партийно-комсомольского сегмента раннесоветского общества выступление против приговора *пролетарского суда* считалось недопустимым. Практически все партийные и комсомольские функционеры сакрально верили в то, что Верховный Суд РСФСР ни в коем случае не отменит априорно *справедливый* приговор областного суда. Они были искренне убеждены, что коммунистов и комсомольцев, подписавших петицию против приговора суда, ждут жесткие негативные санкции за отступление от партийной дисциплины.

В течение двух-трех недель после волнений были рассмотрены персональные дела всех участников протеста. Анализ документов первичных партийных и комсомольских организаций раскрывает механизм наведения «порядка» среди коммунистической части студенчества. Обратимся к протоколам мединститута, которые сохранились наиболее полно. Вот фрагмент из текста протокола № 7 общего собрания партийной и комсомольской ячеек от 28 марта 1928 г. С докладом на тему «Линия партии в вопросах быта молодежи» выступил коммунист Сотников. Начал он с ритуальных слов, осуждающих протестовавших коллег, но вскоре его выступление стало походить на речь адвоката. Он умудрился обвинительный по форме пафос своей речи свести по существу к защите протестантов: *«винить очень строго нельзя за их реагирование», «они попадают под влияние антисоветских элементов», «ошибки наши в том, что не было учтено мнение и не направлено в правильное русло».* В прениях по докладу выступило всего 4 человека из 98 присутствовавших. Ни один выступавший не коснулся темы студенческих волнений. Все говорили об эротике, будто обсуждалась «чубаровщина», а не студенческий протест (ЦДНИКК, д. 13, л. 20–20 об.).

Однако через неделю, 4 апреля, состоялось специальное заседание бюро ячейки ВКП (б) мединститута, на котором события 23–25 марта были проанализированы более обстоятельно. Повестка дня заседания была уже сформулирована предельно конкретно: «Разбор товарищей, подписавших заявления о смягчении приговора по делу Мамрака». Среди подписантов петиции оказались члены партбюро В. Ивлев и Н. Шмуров. С их заслушивания и началось заседание бюро: *«Ивлев: По процессу чубаровцев следили, высказывались и делали суждения, но до расстрела не доходили. Мы стояли за встряску. Когда же был вынесен приговор, он всколыхнул наше спокойствие, и мы крайне не поняли данного приговора. Выступление Ждан-Пушкина от 5 тысяч студентов без обсуждения вопроса на собрании нас удивило. Поэтому мы и подали заявление в редакцию «Красного знамени», прося разъяснения. Мы осознали ошибку, но не расцениваем ее как контрреволюцию. Шмуров: Я подписал потому, что пришла комсомолка, и видя подпись напротив т. Ивлева, заявлению не придал большого значения»* (ЦДНИКК, д. 14, л. 11 об.).

Позиция Ивлева принципиальна. Он не предстает сочувствующим защитником обвиняемых, осуждает «чубаровщину», но вместе с тем демонстрирует категоричность своей позиции в отношении справедливости приговора. Его, как и многих учащих, возмутило несоответствие меры наказания сути содеянного. Еще больше он был возмущен несанкционированным выступлением Ждан-Пушкина. Шмуров, напротив, продемонстрировал свою беспринципность, фактически спрятавшись за спиной Ивлева. Студентка Кацкевич заняла промежуточную позицию. Как и Ивлев, она заявила, что ее *«смutilo»* выступление Ждан-Пушкина, но, подобно Шмурову, тут же сманеврировала, сославшись на то, что *«подписала необдуманно».* Далее в дискуссию ввязалась авторитетная группа актива, не ставившая свои подписи под петицией. Поэтому ей было легко

перевести тон заседания с объясняющего на обвиняющий: *«Положенцев: ...подписание петиции легкомысленно, ведь заявление подано против суда. Отсюда есть поползновение против Советской власти. <...> Шмуров знал, что суд приговор не отменит, а поэтому совершенно не следовало и ловить пустоту. Вам, партийцам, непростительно, когда обработка прошла беспартийными, а вы пропеллись в хвосте. Лепорский: <...> Они не знают, что приговор вынес классовый суд, и что высшая мера наказания (расстрел) идет на утверждение Верховного Суда, последний может утвердить или смягчить приговор. Студенческие выступления окружком рассматривает как контрреволюционное выступление. У Ивлева преступление больше всех. Партийное лицо потеряно. Смирнов: Проступок совершен крайне необдуманно. Лично в беседе я не находил в них контрреволюционных выступлений. Конечно, беспартийными оно было использовано. Явление это стихийно, но и в этом есть вина общественных организаций. Суд следовало провести показательно. Товарищией наказать необходимо, но не сурово»* (ЦДНИКК, д. 14, л. 11 об.).

Трудно не заметить классово-партийные стереотипы в высказываниях членов бюро. Несогласие с решением пролетарского суда приравнивалось к выступлению против советской власти. Подписание петиции рассматривалось как позорное явление, «плетение в хвосте» антисоветских элементов и «потеря партийного лица». Одно только выступление секретаря ячейки Смирнова носило адвокатский характер. Он даже попытался перевести критику в сторону «общественных организаций» и организаторов судебного процесса, не признал контрреволюционности в действиях своих коллег, что само по себе в тех условиях было для лидера ячейки довольно рискованным шагом. По результатам этого разбирательства всем партийцам, поставившим подпись под петицией за смягчение приговора, был объявлен строгий выговор с занесением в учётную карточку (Ивлеву — с предупреждением). Большинство из обвиняемых признали свою ошибку и раскаялись в необдуманных действиях. Вскоре проступком коммунистов мединститута заинтересовалась окружная контрольная комиссия ВКП (б). Ее решением Смирнов, Ханаев, Лепорский, Ивлев и Шмуров были исключены из партии, другие коммунисты получили менее строгие взыскания.

Поскольку среди комсомольцев насчитывалось намного больше протестовавших, круг подвергнутых взысканиям там оказался шире. Как (весьма ошибочно) вспоминает В. Коваленко, *«всех, кто подписал, исключили из комсомола»* (Коваленко). На самом деле, на заседании горрайкома ВЛКСМ 31 марта 1928 г. по комсомольской организации мединститута были исключены из ВЛКСМ 8 студентов, а также коммунист Ивлев, работавший в комсомоле (ЦДНИКК, д. 27, л. 20). На заседании бюро горрайкома комсомола по пединституту 10 апреля были наказаны тоже 8 комсомольцев. Пятеро самых активных были исключены из ВЛКСМ, трое «попавших под влияние во время протеста» получили строгий выговор с предупреждением (ЦДНИКК, д. 27, л. 22). Видимо, посчитав эти меры

воздействия недостаточными, бюро горрайкома обратилось к руководителям школ и вузов с просьбой об отчислении из них беспартийных подписантов.

Примечательно, что вскоре некоторым исключенным из комсомола смягчили взыскание, заменив его строгим выговором (ЦДНИКК, д. 27, л. 22, 28). Однако все «засветившиеся» в акциях протеста учащиеся надолго были взяты на особый учет как политически неблагонадежные. Многим участникам протеста в течение года после тех событий были объявлены строгие взыскания. Участие в движении протеста учитывалось и в ходе массовой «чистки» партийно-комсомольского состава вузов весной 1929 г. Тогда только по мединституту внеочередной «чистке» подверглось 89 комсомольцев. Поскольку это был уже второй эшелон участников протеста, выявленный позже по доносам, «чистка» прошла относительно мягко: из комсомола исключили только 13 человек, еще 7 выбыло по возрасту или механически за потерю связи с организацией. Из остальных 69 членов только 27 получили взыскания комсомола.

Вопреки ожиданиям партийных функционеров, Верховный Суд РСФСР в кассационном порядке отменил расстрельный приговор «краснодарским чубаровцам» и назначил им более мягкие наказания. Нет оснований полагать, что на решение суда высшей инстанции повлиял студенческий протест. Очевидно, в этой чисто юридической коллизии профессиональный успех оказался на стороне адвокатов. В конечном счете, учитывая дальнейший перевод этой истории с сугубо криминальной плоскости в «контрреволюционную», массовый протест учащихся и отмена расстрела усугубили положение Синдаровского, Мамрака и Гавриленко, которыми плотно занялось ОГПУ. Вскоре перед краевым судом предстали уже 22 юных «контрреволюционера», среди которых по «случайному совпадению» оказались почти все активные участники протеста.

Заключительные размышления

Итак, почему же сотни учащихся в Краснодаре столь эмоционально откликнулись на призыв к протесту? Представляется, что здесь магическим образом совпали несколько факторов, приведших к такому эмоциональному напряжению: личная харизма Синдаровского, несправедливость приговора, ошибки организаторов судебного процесса. Вместе с тем, скорее это были внешние поводы. Глубинные причины происшедшего кроются, на мой взгляд, в протестном потенциале учащейся молодежи 1920-х (Рожков, 1999а; Рожков, 1999б; Rittersporn, 2001), остро реагировавшей на несправедливость власти и все увеличившийся разрыв в ее действиях между идеалами социализма и советской реальностью. Несмотря на отсутствие в СССР подлинной автономии вузов и широкое «наступление на университеты» (Дэвид-Фокс, 2012), отдельные элементы дореволюционной вузовской демократии к концу 1920-х еще сохранялись. Студенчество в этом казусе показало себя активным *субъектом* реальных взаимоотношений власти и молодежи, способным отстаивать свои права в рамках собственных

представлений о советской демократии. Однако по масштабам, продолжительности и характеру требований этот протест несопоставим с бунтами студенческих кампусов в 1960-е гг. в Западной Европе и США, а также с антисоветскими акциями студентов в Москве, Петрограде (Ленинграде), Харькове в первой половине 1920-х гг. и в Тбилисском госуниверситете (1956).

Случай в Краснодаре показал, что высшая судебная власть, в отличие от местной, пользовалась у части молодежи бóльшим доверием. Партийная власть и органы ОГПУ оказались не готовы к такой конфигурации взаимоотношений с молодежью, при которой власть теряла патерналистский статус ригористичного «отца». Власть испугалась, что молодежь, почувствовав себя единой и сильной, в любой момент может выступить против власти. Поэтому она экспонировала свое возмущение «антисоветскостью» и «контрреволюционностью» требований протестантов, пытаясь перефокусировать свои аффекты «на пугающем образе врага» (Булдаков, 2012). Эмоциональные ценности власти и части студенческой молодежи разместились в разных системах координат. Если протест студентов можно условно интерпретировать в терминологии К. Бруннера как атрибут «открытого общества», то в действиях власти явно усматривается стремление к построению «морального общества» (Бруннер, 1993). Эти две разные по сути культуры демонстрировали различие в эмоциональных нормах и оценках, причем власть подала молодежи явный сигнал к изменению эмоциональных стандартов в сторону «строгости чувств». Эмоциональный репертуар протестующих студентов был достаточно разнообразен — от возмущения несправедливостью в начале волнений до страха прослыть контрреволюционерами на финишной стадии протеста.

Власть в лице партийных и чекистских лидеров явно опасалась учащейся молодежи. У молодежи, в свою очередь, был физический страх перед всемогуществом ОГПУ. Между тем по манифестациям страха с обеих сторон трудно установить определенно, чей страх «страшнее». Важнее заметить различия в *природе* взаимного страха. Если фобическими мотивами у молодежи, прежде всего, была иррациональная боязнь пыток в «застенках ЧК-ГПУ» (физиологический мотив избегания боли), страх за близких и тревога за свою карьеру (рациональные мотивы безопасности, аффиляции и достижения), то страхи большевиков базировались преимущественно на гипотетической боязни потерять свое влияние на молодежь (рациональный мотив власти). Иными словами, страх власти в отношении части молодежи как потенциальной угрозы для самой власти был сконструирован *когнитивно*, тогда как природа молодежного страха в отношении власти представляла собой *аффективно-когнитивную* структуру.

Отталкиваясь от идеи П. Стернс и К. Стернс о влиянии класса, гендера и возраста на эмоциональный опыт (Винницкий, 2012), трудно также не заметить асимметрию в эмоциональных проявлениях молодежи и власти. Эмоциональные нормы номенклатурного класса приходили в явное противоречие с эмоциональными нормами возрастного класса молодежи. У краснодарских студентов

мы наблюдаем чистоту помыслов, жажду справедливости, эмоциональную подвижность; у партийно-чекистских функционеров — ригидные представления о нормах поведения молодежи, запрет на проявление эмоций. Весьма конструктивной гипотезой в этом плане представляется идея Н. Дэвис о том, что бунты следует прочитывать как ритуалы очищения, попытки избавить сообщество от нечистоты. П. Бёрк резонно предполагает в связи с этим, что действия бунтарей «помогали конструировать сообщество, драматизируя эксклюзию аутсайдеров» (Бёрк, 2015).

Список использованных источников

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
2. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 60.
3. Краснодарские чубаровцы. Красное знамя (Краснодар). 1928. 1 февраля.
4. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Краснодарскому краю (АУФСБ КК).
5. Д. П-71049.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).
7. Ф. 8. Оп. 1. Д. 659.
8. Ф. 787. Оп. 1. Д. 13.
9. Ф. 787. Оп. 1. Д. 14.
10. Ф. 1994. Оп. 1. Д. 27.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).
12. Ф. 7. Оп. 1. Д. 806.
13. Коваленко В. И. Воспоминания «Моя жизнь». Фотокопия фрагмента рукописи. Личный архив А. Ю. Рожкова.

Библиографический список

1. Бёрк, П. (2015). *Что такое культуральная история?* М.: ГУ-ВШЭ.
2. Бруннер, К. (1993). Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества. *THESIS*, 3, 51–72.
3. Булдаков, В.П. (2012). *Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.* М.: РОССПЭН.
4. Винницкий, И. (2012). Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте»: Обзор работ по истории эмоций. *Новое литературное обозрение*, 5 (117), 441–460.
5. Гинзбург, К. (2004). *Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история*: сб. ст. М.: Новое издательство, 2004, 189–241.
6. Дэвид-Фокс, М. (2012). Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы). *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской Империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы)* (с. 523–563). М.: Новое литературное обозрение.
7. Изард, К.Э. (2006). *Психология эмоций*. СПб.: Питер.

8. Козлов, В.А. (2006). *Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг.* М.: Олма-Пресс.
9. Лебина, Н.Б. (1999). *Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы.* СПб: Летний сад.
10. Лебон, Г. (1995). *Психология народов и масс.* СПб.: Макет.
11. Марков, А.В. (2014). *1980: год рождения повседневности.* М.: Европа.
12. Марков, Б.В. (2008). *Культура повседневности.* СПб.: Питер.
13. Мильчаков, А. (2008). *Задачи союзного руководства и самокритика.* М.: Молодая гвардия.
14. Николаи, Ф.В., Хазина, А.В. (2015). История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога. *Диалог со временем*, 50, 97–115.
15. Плампер, Я. (2010). Эмоции в русской истории // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*: сб. ст. (с. 11–36). М.: Новое литературное обозрение.
16. Робин, К. (2007). *Страх: История политической идеи.* М.: Прогресс-традиция.
17. Рожков, А.Ю. (2004). Кубанская молодежь и ОГПУ: «Дело Синдаровского» (Опыт микроисторического исследования). *Другие времена*: сб. ст. (с. 188–213). Краснодар: КубГУ.
18. Рожков, А.Ю. (1999). Бунтующая молодёжь в нэповской России. *Клио*, 1, 139–154.
19. Рожков, А.Ю. (1999). Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение. *Социологические исследования*, 7, 107–114.
20. Рожков, А.Ю. (2015). Эмоциональные переживания юноши в экстремальной жизненной ситуации (на материалах нарративов арестанта ОГПУ). *Психология. Экономика. Право: научно-образовательный журнал*, 2, 42–54.
21. Сигеле, С. (1998). *Преступная толпа.* М.: Ин-т психологии РАН.
22. Стейнберг, М. (2010). Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями. *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*: сб. ст. (с. 202–226). М.: Новое литературное обозрение.
23. Февр, Л. (1991). *Бои за историю.* М.: Наука.
24. Фицпатрик, Ш. (2014). Счастье и тоска: исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России (фрагменты). *Политическая лингвистика*, 1 (47), 283–287.
25. *Чубаровщина: По материалам судебного процесса (1927).* М.; Л.: Государственное издательство.
26. Хмелевская, Ю.Ю. (2012). «История эмоций» в современной историографической парадигме. *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы.* (с. 452–460). М.: Изд-во ЛКИ.
27. Янг, Г. (2010). Эмоции, политика оспаривания и общественная память: из истории новочеркасской трагедии. *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*: сб. ст. (с. 457–479). М.: Новое литературное обозрение.
28. Naiman, E. (1990). The Case of Chubarov Alley: Collective Rape, Utopian Desire and Mentality of NEP. *Russian History*, 1, 1–30.
29. Reddy, W. (2001). *The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions.* Cambridge: Cambridge University Press.

30. Rittersporn, G. (2001). Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period. *Sowietjugend 1917–1941: Generation zwischen Revolution und Resignation*. (p. 63–82). Essen.
31. Rosenwein, B. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
32. Rosenwein, B. (2010). Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context I*, 1, 2–32.

Статья поступила в редакцию 27.05.2016.

.....

STUDENTS' PROTEST IN KRASNODAR IN 1928: EMOTIONAL NORMS OF THE POWER AND YOUTH

Rozhkov A. Yu.

Rozhkov Alexander Yurievich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: avro14@mail.ru.

The article refers to the description and interpretation of a student mass protest that took place in Krasnodar in March 1928 in connection with the sentence of the court on the "Sindarovskiy's case". The data sources are the OGPU papers, documents of the party and Komsomol institutions, newspaper articles and memoirs of the participants. The case is analyzed with research "optics" of the cultural history of the emotions, which lets us understand the past as the world of feelings and emotional experiences. The author pays his attention to the feeling system of two "emotional communities" involved into those events — the official authorities (party, trade union, Komsomol functionaries, law enforcement and management of higher education institutions) and students (with all the peculiarities of their small communities in each educational institution).

An analysis of the official discourse of power, the discussions at the party and Komsomol meetings and students' prejudicial evidence show that the young people considered the highest judiciary, but not the local one, to be credible. The Party power and the OGPU institutions were not willing to lose the status of a paternalistic "strict father" in the relationship with the youth. Emotional values of the authorities and a part of the students were placed in different coordinate systems. These two different types of culture displayed some differences in emotional evaluations, whereby the official authorities tried to make the youth change the direction of emotional standards and focus on "strict feelings". It is necessary to admit that the nature of mutual fears was different. The fear of the official authorities was cognitive whereas the youth' one had an affective-cognitive structure.

Keywords: Krasnodar, "Sindarovskiy's case", "chubarovtsy", the student protest, "emotional communities".

References

33. Burke, P. (2015). *Что takoe kul'tural'naja istorija?* [What is cultural history?] Moscow: Higher School of Economics
34. Brunner, K. (1993). Predstavlenie o cheloveke i koncepcija sociuma: dva podhoda k ponimaniju obshhestva [The perception of man and the conception of society: two approaches to understanding society]. *THESIS*, 3, 51–72.
35. Buldakov, V. P. (2012). *Utopija, agressija, vlast': Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremeni. Rossija, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression and power: Psychosocial dynamics of the post-revolution period. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN Publishers.

36. Vinnitskiy, I. (2012). Zagovor chuvstv, ili Russkaja istorija na «jemocional'nom povorote»: Obzor rabot po istorii jemocij [Conspiracy of feelings, or the Russian history at an “emotional turn”: Review of papers on the history of emotions]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 5 (117), 441–460.
37. Ginzburg, C. (2004). *Mify-jemblemy-primety: Morfologija i istorija* [Myths, Emblems, Clues: Morphology and History]: collected papers. Moscow: New Publishers, 2004, 189–241.
38. David-Fox, M. (2012). Nastuplenie na universitety i dinamika stalinskogo Velikogo pereloma (1928–1932 gody) [The assault on the universities and the dynamics of Stalin's ‘great break (1928–1932)]. *Raspisanie peremen: Oчерki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskoj Imperii — SSSR (konec 1880-h — 1930-e gody)* [Schedule of changes. Essays on history of education and scientific policy in the Russian Empire — USSR (late 1880s — 1930s)]. Moscow: New Literary Observer, 523–563.
39. Izard, C. E. (2006). *Psixologija jemocij* [The Psychology of Emotions]. St. Petersburg: Piter.
40. Kozlov, V. A. (2006). *Neizvestnyj SSSR. Protivostojanie naroda i vlasti 1953–1985 gg.* [Unknown USSR. Confrontation between the people and power in 1953–1985]. Moscow: Olma-Press.
41. Leбина, N. B. (1999). *Povsednevnaja zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Daily life of the Soviet people: typical things and anomalies, 1920–1930]. St. Petersburg: Letnij sad.
42. Le Bon, G. (1995). *Psixologija narodov i mass* [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. St. Petersburg: Maket.
43. Markov, A. V. (2014). *1980: god rozhdenija povsednevnosti* [1980: the year of the daily routine birth]. Moscow: Evropa.
44. Markov, B. V. (2008). *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of daily routine]. St. Petersburg: Piter.
45. Milchakov, A. (2008). *Zadachi sojuznogo rukovodstva i samokritika* [Tasks of the Union leaders and criticism]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
46. Nicolai, F. V., Khazina, A. V. (2015). Istorija jemocij i “affektivnyj povorot”: problemy dialoga [History of emotions and “emotional turn”: issues of dialogue]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 50, 97–115.
47. Plumper, J. (2010). Jemocii v russkoj istorii [Emotions in the Russian history]. *Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocij* [Russian Empire of emotions: Approaches to the cultural history of emotions]: collected papers. (p. 11–36). Moscow: New Literary Observer.
48. Robin, C. (2007). *Strah: Istorija politicheskoi idei* [Fear: The history of a political idea]. Moscow: Progress-Traditsiya.
49. Rozhkov, A. Yu. (2004). Kubanskaja molodezh' i OGPU: “Delo Sindarovskogo” (Opyt mikroistoricheskogo issledovanija) [Kuban youth and the Joint State Political Directorate: “Sindarovskiy's Case” (Microhistorical research)]. *Drugie vremena* [Other Times]: collected papers. (p. 188–213). Krasnodar: Kuban State University.
50. Rozhkov, A. Yu. (1999). Buntujushhaja molodjozh' v njepovskoj Rossii [Rebelling youth in the NEP Russia], *Clio*, 1, 139–154.

51. Rozhkov, A. Yu. (1999). Molodoj chelovek 20-h godov: protest i deviantnoe povedenie [A young person of 1920: protest and deviant behavior]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 7, 107–114.
52. Rozkov, A. Yu. (2015). Jemocional'nye perezhivaniya junoshi v jekstremal'noj zhiznennoj situacii (na materialah narrativov arestanta OGPU) [Youth's emotional experience in an extreme life situation (based on narratives of a prisoner of the Joint State Political Directorate)]. *Psihologija. Jekonomika. Pravo: nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal* [Psychology, Economics and Law: Scientific and Educational Journal], 2, 42–54.
53. Sighele, S. (1998). *Prestupnaja tolpa* [The criminal crowd]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
54. Steinberg, M. (2010). Melanholija Novogo vremeni: diskurs o social'nyh jemocijah mezhdum dvumja revoljucijami [Melancholy of the Modern Era: Discourse on social emotions between two revolutions]. *Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocij* [Russian Empire of emotions: Approaches to the cultural history of emotions]: collected papers. (p. 202–226). Moscow: New Literary Observer.
55. Febvre, L. (1991). *Boi za istoriju* [Fights for history]. Moscow: Nauka.
56. Fitzpatrick, S. (2014). Schast'e i toska: istoricheskij ocherk o vyrazhenii jemocij v predvoennoj Rossii (fragmenty). [Happiness and toska: A study of emotions in 1930s Russia (fragments)]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 1 (47), 283–287.
57. Chubarovshhina: *Po materialam sudebnogo processa* ["Chubarov" hooliganism: On materials of the legal process], (1927). Moscow, Leningrad: State Publishing House.
58. Khmelevskaya, Yu. Yu. (2012). "Istorija jemocij" v sovremennoj istoriograficheskoj paradigme ["History of emotions" in the modern historiographical paradigm]. *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Modern Historical Science: Theories, Methods, Prospects]. (p. 452–460). Moscow, LKI Publishers, 452–461.
59. Young, G. (2010). Jemocii, politika osparivaniya i obshhestvennaja pamjat': iz istorii novočerchasskoj tragedii [Emotions, policy of dispute and social memory: From the history of the Novočerchassk tragedy]. *Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocij* [Russian Empire of emotions: Approaches to the cultural history of emotions]: collected papers. (p. 457–479). Moscow: New Literary Observer.
60. Naiman, E. (1990). The Case of Chubarov Alley: Collective Rape, Utopian Desire and Mentality of NEP. *Russian History*, 1, 1–30.
61. Reddy, W. (2001). *The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
62. Rittersporn, G. (2001). Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period. *Sowietjugend 1917–1941: Generation zwischen Revolution und Resignation*. (p. 63–82). Essen.
63. Rosenwein, B. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
64. Rosenwein, B. (2010). Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context I*, 1, 2–32.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ АРМЕНИИ

Мкоян Г. С.

Мкоян Гоар Сергеевна, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, 0010, Армения, г. Ереван, пр. Тиграна Метса, 17.
Эл. почта: goharmkoyansoc@yahoo.com.

В статье рассматривается проблема культуры свободного времени как фактора формирования современного общества, вступившего в эпоху глобализации, которая предоставляет возможности для разнообразия досуговой деятельности и при этом создает для личности проблемную ситуацию, связанную с эффективным использованием досугового потенциала для развития досуговой культуры личности. Цель данного исследования состояла в том, чтобы изучить роль и значение свободного времени в формировании социокультурных ценностей в нашем обществе среди двух поколений — сегодняшней молодежи (от 18 до 30 лет) и представителей старшего поколения (от 56 до 66 лет), выявить особенности предпочтений в среде двух поколений в сфере досуга, дать сравнительный анализ и оценку полученных данных. Перед автором стояла задача рассмотрения организации свободного времени как научной и социальной проблемы, его эффективной реализации представителями двух возрастных групп, раскрытия содержания понятия культуры свободного времени. В ходе исследования были использованы количественные и качественные методы социологического исследования: неструктурированное включённое наблюдение, экспертный опрос, интервьюирование (анкетирование) по квотной выборке с соблюдением пропорций состава населения по полу и возрасту. При анализе мы остановились на таких объективных показателях качества свободного времени, как разнообразие занятий в свободное время, особенности предпочтений двух поколений в организации досуга (степень заинтересованности в чтении, обращенности к информационно-коммуникационным технологиям, частота посещения культурно-досуговых учреждений и т.д.). В статье обосновывается мысль о том, что свободное время приобретает свою истинную ценность тогда, когда оно направлено на всестороннее развитие человека и приобретение им социокультурных ценностей, также как с ростом свободного времени повышается роль саморазвития и снижается доля бездеятельного отдыха.

Ключевые слова: культура свободного времени, поколение, личность, ценности, общество, активность, досуг.

Значительное и важное место в социокультурной жизни общества занимает свободное время. В настоящее время в связи с увеличением общего объема свободного времени, насыщением домашнего пространства техникой, ростом мобильности людей в периоды отдыха значение свободного времени, проблема организации досуговой деятельности приобретают особую актуальность.

Следует отметить, что внимание мыслителей к данному вопросу отмечается на всех этапах развития теоретического знания — от Древнего мира до наших дней.

Еще в трудах древних философов (Сократа, Платона, Аристотеля) мы встречаем идеи и мысли о свободном времени. Обращение к историческому опыту и культурному наследию Античности показывает, что одной из важнейших отличительных черт Античности как цивилизации было широко распространенное среди греков и римлян восприятие досуга, т.е. времени, свободного от каких-либо материально-необходимых занятий, как неотъемлемого свойства гражданского состояния. Свободное время и досуг рассматривались в связи со свободой, социальным положением, саморазвитием.

Так, в педагогической теории Платона свободное время связывалось с познавательной деятельностью. По мнению Платона, «познание должно приносить радость», и само слово «школа» в переводе с латинского означает «досуг», а досуг связан всегда с чем-то приятным, поэтому важно делать познавательный процесс приятным и полезным во всех отношениях (Тадевосян, 2011, с. 7, 13).

Глубокая научно-философская, научно-социологическая разработка ряда проблем свободного времени и досуга в зарубежной и отечественной науке связана с именами таких ученых, как М. Вебер, Г. Спенсер, П. Сорокин, В. А. Гросс, С. Н. Иконникова, М. Каплан, Б. Г. Мосалев, А. С. Орлов, В. Д. Патрушев, Э. В. Соколов, Р. А. Стеббинс, Н. А. Хренов, Г. Г. Волощенко, В. А. Воловик и др.

Сегодня термины «свободное время» и «досуг» употребляются чаще всего как синонимы. В литературе представлены различные определения свободного времени: 1) как времени «очищенного», освобожденного от затрат; 2) как времени за пределами необходимого труда, которое посвящается отдыху, развлечению, развитию личности; 3) как «самоценного» времени; 4) как времени, имеющего своей сущностью свободную деятельность (Социологический..., 2008, с. 443).

По словам социолога Кравченко: «Досуг — та часть свободного времени, которым человек располагает по своему усмотрению. Досуг — это деятельность ради собственного удовольствия, развлечения, самосовершенствования или достижения иных целей по собственному выбору, а не по причине материальной необходимости» (Кравченко, 2011, с. 112).

Британский социолог З. Бауман подчеркивает, что значение досуга повышает и особое значение информации как главного экономического ресурса постиндустриального общества. Главным источником роста становится творческий потенциал человека, производящего информацию, поэтому исследователи отмечают особое значение гуманитарных факторов в современном обществе (Бауман, 2002, с. 30).

Как указывает в своем исследовании Э. В. Соколов, свободное время не является «пустым пространством» жизнедеятельности. Это «ресурс», который добывается путем определенных усилий, обладает специфическими качествами

и может быть использован с большей или меньшей эффективностью в зависимости от этих качеств и величины культурного потенциала общества и личности (Соколов, 1981, с. 40).

Отметим, что досуговая деятельность является процессом создания, распространения и умножения культурных ценностей. По словам Э.И. Тюрина: «Плохо организованный досуг, ничем не заполненное свободное время служат источниками «антикультуры» (Тюрина, 2012, с. 8). В этой связи особый смысл приобретает понятие культуры свободного времени.

Термин «культура свободного времени» указывает на определённый уровень использования времени, включая не только величину и структуру, но и содержание, и сущность — знания, ценности, нормы, образцы жизнедеятельности. Свободное время не только личная, но и социальная ценность, и отношение к досугу являются важными показателями культуры личности (Иконникова, 1985, с. 32). В.Я. Суртаева же считает, что культура досуга — это мера реализации социально-культурного потенциала личности в условиях досуговой деятельности, мера приобретенных ею навыков регулирования досугового времени, готовность личности к участию в социально-значимых видах досуговой деятельности (Суртаев, 1998, с. 28).

Проблему свободного времени, связанную с усилиями общества организовать досуг людей, следует признать актуальной в условиях современного общества, вступившего в эпоху глобализации. Многие важные вопросы и повышенный интерес к упомянутой ранее проблеме привело нас к проведению исследования в данной области, разработке соответствующих методик, к сравнительному анализу, описанию и оценке полученных данных. Социологические исследования проводились в течение последних четырех лет, из них — одно качественное (с марта по май 2015 г.) и три количественных (с 2013 по 2016 г.).

Целью исследования было изучение процесса трансформации социокультурных ценностей в современном обществе Армении. Объектом исследования стали две группы разных возрастов: сегодняшняя молодежь (от 18 до 30 лет) и представители старшего поколения (от 55 до 66 лет), принимавшие активное участие в политической и общественной жизни страны. Предметом нашего исследования были ценностные приоритеты, преемственность и существенные изменения ценностей двух поколений в современном обществе Армении.

В настоящей статье представляются результаты исследования (2016 г.), которое проводилось среди двух групп разных возрастов нашего населения. В генеральной совокупности выборки жителей г. Еревана 33,5% составляли указанные нами две возрастные группы. В трехмесячное исследование было вовлечено около 250 жителей указанного города (табл. 1).

Среди опрошенных респондентов 57,2% составили представители молодежи в возрасте от 18 до 30 лет (45,3% были представителями мужского пола и 54,7% —

Таблица 1

Выборочная совокупность опрошенных по возрасту и полу, чел.

№ п/п	Возрастная структура опрошенных	Итоги опрошенных	В том числе		Итоги опрошенных, %	В том числе	
			М	Ж		М	Ж
1	Молодежь в возрасте от 18 до 30 лет	143,0	64,6	78,2	100,0	45,2	54,7
2	Старшее поколение от 55 до 66 лет	107,0	61,2	45,5	100,0	57,2	42,5

женского), 42,7% респондентов представляли старшее поколение в возрасте от 55 до 66 лет (57,5% — представители мужского пола и 42,5% — женского). Нами была использована методика количественного метода социологического исследования — опрос (анкетирование), интервьюирование по квотной выборке с соблюдением пропорций состава населения по полу и возрасту. Представленный опросник (анкета) включал 58 вопросов, из них — 14 выявляли степень заинтересованности респондентов в культуре организации свободного времени. Кроме этого респондентам был предложен ряд вопросов, направленных на логические суждения, выяснение их мнений, точек зрения и оценок в рамках изучаемой проблемы. Выборочная совокупность была вычислена по принципу пропорциональности из числа общего населения. После чего был применен принцип случайной выборки. Генеральную совокупность мы разделили на возрастные группы, используя метод стратификационного отбора. Непропорциональность рассматривалась по возрасту, образованию, полу. В процессе исследования были вовлечены все возрастные категории как в среде молодежи, так и в среде старшего поколения, что позволило получить достоверные данные для проведения объективного сравнительного анализа с целью выявления преобладающей или изменения ценностных ориентаций в среде изучаемых нами двух поколений. Для обеспечения презентативности был проведен подсчет объемов выборки, а также определена возможность ошибочности до 5%. На третьем этапе были проанализированы все результаты и данные указанных исследований. В результате социологического исследования стало очевидно, что сегодня представители этих двух групп, независимо от их занятости, стараются найти свободное время и ищут пути для его рационального использования.

Отвечая на вопрос о том, «Сколько свободного времени обычно у вас бывает?» — 5,6% молодежи ответили «достаточно много», 24,5% — «достаточно», 32,08% — «нет свободного времени», 3,96% — «очень мало» и 3,7% — «мало». У представителей старшего поколения полученные ответы оказались в следующем процентном соотношении: «достаточно много» — 13%, «достаточно» — 12,7%, «нет свободного времени» — 25,5%, «очень мало» — 21,8%, «мало» — 23,6%. Результаты нашего исследования показывают, что такое процентное соотношение обуслов-

лено тем, что очень часто молодежь процесс образования не воспринимает как свободное время и не идентифицирует проведение времени с однокурсниками как проведение досуга.

Как указывает известный философ И. Т. Фролов, свободное время охватывает также учебу и самообразование, приобщение к культуре (чтение, посещение театра, музея, кино и т.п.), общественно-политическую активность, научно-техническое любительское творчество, художественно-эстетическую самодеятельность, занятия с детьми, общение по интересам и др., может содержать также пассивный отдых («ничего неделание») и даже антикультурные занятия (Философский..., 1991, с. 400–401).

А ответы респондентов «нет свободного времени» указывают на то, что в нашем обществе свободное время обычно ассоциируется с тем временем, когда человек ничего не делает или отдыхает. На данный вопрос 21,8% представителей старшего поколения (по сравнению с молодежью — 3,96%, в 6 раз меньше) ответили, что у них очень мало свободного времени. Это объясняется тем, что деятельность человека данного возраста носит рациональный характер, человек начинает сознавать, что по объективным и субъективным причинам должен отказаться от определенных ролей и целенаправленно стремиться достичь всех своих целей, тем самым исчерпывая себя как полового, родительского, рабочего субъекта. Как правило, в этом возрасте человек старается оставаться на своих жизненных и трудовых позициях.

Результаты опроса «Как Вы предпочитаете проводить свой досуг?» показали, что наибольшее предпочтение среди двух поколений было дано семье (30,2% — в среде молодежи, 49,1% — старшего поколения), а также друзьям (54,7% — у молодежи, 43,6% — старшего поколения), и только потом — коллегам (в среде молодежи — 9,4%, старшего поколения — 3,6%) и родственникам (у молодежи — 5,7%, старшего поколения — 3,7%). Несмотря на некоторые процентные расхождения, можем сказать, что в нашем обществе сохранилось ценностное отношение к семье и дружбе. Были высказаны также схожие мнения в сфере искусства и литературы, вопросов, касающихся стиля одежды при посещении культурных учреждений: во всех случаях предпочтение отдано классическому стилю. Конечно, это говорит о преемственности поколений: передаче культурных традиций и ценностей из поколения в поколение, сложившихся ориентаций и установок.

В списке развлекательных занятий 35,2% представителей молодежи предпочитают телепередачи, просмотр видеороликов и различных программ по Интернету, 15% — посещение дискотек и кафе, 14% — занятия спортом и участие в спортивных соревнованиях. Наиболее низкие показатели были: 9,5% — посещение кинотеатров, концертов и 7,5% — чтение литературы. А результаты опроса среди старшего поколения выявили следующие данные. В графе «не посещают» на первом месте — занятие спортом и участие в спортивных соревнованиях (76,3%), на втором месте — посещение дискотек и кафе (65,5%), на третьем —

Таблица 2

Интерес к чтению у молодых 18–30 лет, %

№ п/п	Деятельность	Количество, раз					
		каждый день	несколько раз в неделю	несколько раз в месяц	несколько раз в год	редко	не посещаю, не читаю, не покупаю
1	Чтение художественной литературы (в том числе электронной, по Интернету)	5,7	20,8	24,5	–	30,2	18,8
2	Чтение книг по специальности или прессы (в том числе электронной, по Интернету)	22,6	18,9	15,1	13,2	15,1	15,1
3	Чтение развлекательных журналов и газет (в том числе электронных, по Интернету)	35,8	15,1	17	5,7	17,0	9,4
4	Чтение общественно-политических газет и журналов, аналитических статей (в том числе электронных, по Интернету)	24,5	11,3	15,1	13,2	22,6	11,3

посещение ресторанов (41,8%), на четвертом месте — поход в кино, театр и на концерты (36,4%), а телепередачи, просмотр видеороликов и интернет-связь (24,5%) находятся лишь на пятом месте. Большинство взрослых предпочитают оставаться дома и решать бытовые проблемы, ухаживать за домашними животными, ходить в библиотеку и заказывать книги. Наши наблюдения выявили, что 65% опрошенных в среде двух поколений по причине нехватки денежных средств может предоставить себе только определенные виды свободного времени. Отметим, что в связи с изменением социально-экономической ситуации в стране в настоящее время появились такие виды досуга, как прогулки по магазинам, скоростная езда и т.д. Данная ситуация, в первую очередь, повлияла на такую социально-демографическую группу, как молодежь.

Любовь к книге, культура чтения играют важнейшую роль в нашем обществе, однако в последнее время наблюдается упадок интереса к книге и чтению среди молодежи по сравнению со старшим поколением (табл. 2 и 3). Мы приходим к выводу, что такие результаты могут быть обусловлены тем, что по сравнению со старшим поколением у молодежи культура ежедневного чтения литературы не так сильно развита. Читают книги по специальности или прессу (в том числе электронную, по Интернету) каждый день 35,8% среди молодежи, а 23,6% — среди старшего поколения. Различия в процентном соотношении в чтении электронной литературы можно объяснить тем, что многие представители старшего поколения не владеют или частично владеют компьютером, не могут пользоваться Интернетом. Мы полагаем, что Интернет сегодня, с одной стороны, имеет свои

Таблица 3

Интересы к чтению у граждан 56–66 лет,%

№ п/п	Деятельность	Количество, раз					
		каждый день	несколько раз в неделю	несколько раз в месяц	несколько раз в год	редко	не посещаю, не читаю, не покупаю
1	Чтение художественной литературы (в том числе электронной, по Интернету)	20,1	21,8	16,4	12,7	14,5	14,5
2	Чтение книг по специальности или прессы (в том числе электронных, по Интернету)	23,6	18,2	14,5	11	10,9	21,8
3	Чтение развлекательных журналов и газет (в том числе электронных, по Интернету)	23,6	10,9	21,8	10,9	29,2	3,6
4	Чтение общественно-политических газет и журналов, аналитических статей (в том числе электронных, по Интернету)	36,4	10,8	9,1	5,5	25,5	12,7

плюсы — большой объем обрабатываемой и хранимой информации, а также скорость ее передачи, а с другой — отрицательно влияет на национальные традиции — взаимоотношения в семье, обсуждения, дружеские контакты, желание обсудить прочитанную книгу, передать ее друг другу (потому что она доступна в Интернете и существует мгновенная электронная почта).

Изучая особенности, роль и значение свободного времени в формировании социокультурных ценностей двух поколений нашего общества — сегодняшней молодежи (от 18 до 30 лет) и представителей старшего поколения (от 56 до 66 лет), мы приходим к следующим выводам.

Данное исследование актуально и в теоретическом, и в практическом плане, оно дает возможность глубже осмыслить и понять феномен досуговой деятельности, свободного времени, определить ценностно-мировоззренческую функцию свободного времени, поскольку это не только практическое богатство возможностей, но и определенного рода ценность. Анализ ответов показывает, что свободное время сегодня представляется одинаковой проблемой как для молодежи, так и для представителей старшего поколения; субъективное его качество примерно одинаково для обеих групп. Объективное качество их свободного времени различно. Большинство занятий в свободное время, причем даже тех, что не требуют финансовых затрат, старших привлекают реже. Их свободное время проходит менее увлекательно, и они в целом не собираются эту ситуацию менять, реже задумываясь о его смысле и не выражая особой не-

удовлетворенности. Более того, их свободное время хотя менее разнообразно, однако отличается большей интеллектуальностью (степень заинтересованности в чтении, посещение культурно-досуговых учреждений и т.д.).

Можно отметить, что за последние годы среди молодежи Армении в выборе видов и типов свободного времени возросла ориентация на ценности развлечения (гедонизм), успеха (достижения) и новизны (стимуляция) без учета высокой значимости ценностей, традиций и конформности. Свое внеучебное время молодежь реализует в общении с друзьями. Она предпочитает посещать культурно-массовые мероприятия: концерты, выставки, дискотеки и т.д. Всё это в целом способствует, с одной стороны, обособлению студенчества от других групп молодёжи, а с другой — формирует в их среде такие отличительные черты, как взаимопомощь, определенного рода «коллективизм».

В то же время следует обратить внимание на то, что в сфере культуры свободного времени в среде двух возрастных групп сохранилось ценностное отношение к семье и дружбе, сохранились самобытные, национальные особенности, традиции проведения досуга и праздников.

Библиографический список

1. Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
2. Иконникова, С. Н. (1985). *Социология о молодежи (проблемы воспитания духовного облика)*. Ленинград: Знание.
3. Кравченко, А. И. (2011). *Краткий социологический словарь*. Москва: Проспект.
4. *Социологический энциклопедический словарь*. (2008). Под ред. Г. В. Осипова. Москва: Норма.
5. Соколов, Э. В. (1981). *Свободное время и культура досуга: философско-социологическое исследование*: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ленинград.
6. Суртаев, В. Я. (1998). *Социология молодежного досуга*. СПб., Ростов н/Д: Гефест.
7. Тадевосян, Г. (2011). *Социально-культурная деятельность*. Ереван: Армянский государственный педагогический институт им. Х. Абовяна.
8. Тюрина, Э. И. (2012). *Технологии социокультурной работы с семьей*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.
9. *Философский словарь*. (1991). Под ред. И. Т. Фролова. Москва: Республика.

Статья поступила в редакцию 20.01.2016.

.....

ROLE AND MEANING OF SPARE TIME IN CONTEXT OF FORMATION OF SOCIO-CULTURAL VALUES IN MODERN ARMENIAN SOCIETY

Mkoyan G. S.

Mkoyan Gohar Sergeevna, Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan,
Armenia, Yerevan, 17 Tigran Mets av. E-mail: goharmkoyansoc@yahoo.com.

The article dwells upon the problem of spare time culture as a factor in the formation of the modern society that has entered the era of globalization, which opens up opportunities for a variety of leisure activities and at the same time creates a problematic situation for a person related to the effective use of leisure potential for the development of person's leisure culture.

The objective of the research was to study spare time role and value in the formation of social and cultural values in our society among two generations — today's youth (aged 18–30) and the older generation (aged 56–66), to identify particular preferences in the environment of two generations in the field of leisure, to provide a comparative analysis and assessment of findings. The author had the task of considering the organizational process of spare time activities as a scientific and social problem, the ways to spend spare time by the representatives of the above-mentioned age groups, elaborate on spare time culture concept. Quantitative and qualitative methods of sociological research were used as part of the study: unstructured participant observation, expert survey, interviewing (questionnaire survey) using quota sample within population composition by sex and age.

When analyzing the data, the author chose such objective measures of spare time quality as a variety of leisure activities, particulars of preferences of two generations in the organizational process of spare time activities (the level of interest in reading, using of information and communication technologies, the frequency of visits to institutions of cultural and leisure activities, etc.)

The article argues the idea that spare time acquires its true value when it is focused on the allround development of a human being and his/her acquisition of socio-cultural values. When a person has more spare time, he/she has more opportunities for self-development and a person has less time for inactive leisure.

Keywords: spare time culture, generation, individual, values, society, activity, leisure.

References

1. Bauman, Z. (2002). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moskva: Logos.
2. Ikonnikova, S. N. (1985). *Sociologija o molodezhi (problemy vospitaniya duhovnogo oblika)* [Sociology about youth (problems of spiritual make-up upbringing)]. Leningrad: Znanie.
3. Kravchenko, A. I. (2011). *Kratkij sociologicheskij slovar'* [Concise Dictionary of Sociology]. Moskva: Prospekt.
4. *Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. (2008). Ed. by G. V. Osipov. Moskva: Norma.
5. Sokolov, E. V. (1981). *Svobodnoe vremya i kul'tura dosuga: filosofsko-sociologicheskoe issledovanie* [Spare time and leisure culture: philosophical and sociological research]. Leningrad.
6. Surtaev, V. Y. (1998). *Sociologija molodezhnogo dosuga* [Sociology of youth leisure]. St. Petersburg, Rostov n/D: Hephaestus.
7. Tadevosyan, G. (2011). *Social'no-kul'turnaja dejatel'nost'* [Social and cultural activity]. Yerevan: Armjanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. H. Abovjana.
8. Tyurina, E. I. (2012). *Tehnologii sociokul'turnoj raboty s sem'ej* [Technologies of socio-cultural work with families]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut psihologii i social'noj raboty.
9. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. (1991). Ed. I. T. Frolov. Moskva: Respublika.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОРОДСКОМ КОНФЛИКТЕ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

.....

Кольба А. И.

Кольба Алексей Иванович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: alivka2000@mail.ru

Предметное поле исследований городского конфликта в настоящее время нельзя считать в полной мере сложившимся. Об этом свидетельствует неопределённость формулировки базового понятия, типологии подобных конфликтов, их границ и ряда других аспектов данной проблематики. В то же время в последние годы городской конфликт стал объектом научного интереса представителей разных направлений социальных и смежных с ними исследований: социологов, урбанистов, градостроителей, политологов и др. В рамках настоящего обзора мы ставим задачу на основе анализа публикаций, посвящённых городскому конфликту и проблемам управления им, выявить основные направления исследований и ключевые вопросы, интересующие учёных в рамках указанной тематики.

Стремление охватить различные стороны городской конфликтности свойственно научным проектам учёных Центра исследования городских конфликтов (Centre for Urban Conflicts Research), возникшего на базе кафедры архитектуры Кембриджского университета (В. Пуллин, М. Штернберг, Б. Бейли, Ф. Эрнандес, К. Хамфри и др.). Внимание ученых сосредоточено на проблемах разделённых городов (Иерусалим, Белфаст и др.), этнических, территориальных проблемах городского пространства, преодолении насилия в городах, принятия решений в условиях городского конфликта. Среди многочисленных публикаций сотрудников Центра (Pullan, 2015; Baillie, 2015; O'Connor, 2014; Dumper, 2013), опирающихся на богатый эмпирический материал, следует выделить сборник статей «Locating Urban Conflicts: Ethnicity, Nationalism and the Everyday» (Locating Urban

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

Conflicts..., 2013), подводящий итоги исследовательского проекта и наиболее отчётливо выражающий методологические установки этих исследований. К ним, в частности, можно отнести рассмотрение городских конфликтов как проекции национализма, этнических и религиозных разногласий и других более широких вопросов на социальное и территориальное пространство городов. При анализе значимости повседневных практик в конфликтовании городской конфликт рассматривается с использованием различных методов сбора данных (анализ текстов, анализ развития городского пространства, методы оценки экологического состояния и др.).

Непосредственным образом затрагивают проблемы городской конфликтности исследования, приводящиеся сотрудниками Глобального центра городских исследований (Global Urban Research Centre) при Манчестерском университете. Особо следует отметить исследовательский проект «Определение критического момента городского конфликта: насилие, города и сокращение масштабов нищеты в развивающихся странах» (Understanding the Tipping Point of Urban Conflict: Violence, Cities, and Poverty Reduction in the Developing World), реализованный в 2010–2012 гг. К. Мозер и Д. Роджерсом. Результаты, в том числе и итоговый отчёт (Moser, Rodgers, 2012), опубликованы на сайте проекта (<http://www.urbantippingpoint.org>). В центре внимания исследователей находится проблема перехода городских конфликтов в насильственную стадию и возможности предупреждения подобных сценариев, снижения общего уровня насилия в городах. Отмечается, в частности, что города являются по своей сути конфликтными пространствами, концентрирующими большое количество людей с неконгруэнтными интересами. Выделяются такие понятия, как «критическая точка» (или «переломный момент») городского конфликта, когда он переходит в новое, насильственное состояние. Как правило, её возникновение связано с достижением критической массы определённого фактора, порождающего конфликт (бедность, политическое отчуждение и др.). Авторы вводят также понятие «цепей насилия», позволяющее выделить три уровня анализа: компоненты цепи (различные виды насилия), то, как они сочетаются друг с другом (процессы) и как они встроены в более широкие институциональные структуры (контекст). Таким образом, городские конфликты насильственного характера в рамках данной концепции также рассматриваются как проявление действия социальных факторов большого масштаба в городском пространстве. Можно говорить о наличии традиции исследования городских конфликтов в данном ключе, берущей своё начало ещё в 1960-х гг. (Walton, 1998).

Существует большое количество публикаций, посвящённых отдельным проблемам городской конфликтности, которые достаточно трудно систематизировать: в них присутствуют и страновые признаки, и особенности самих изучаемых городов, и факторы, вызывающие конфликты. Среди них вызывает интерес статья К. Фу, посвящённая «соседским конфликтам» в городах Китая.

Автор, рассматривает как объективные (права собственности на недвижимость, становящиеся объектом спора), так и субъективные (различия восприятия конфликтной ситуации участниками, связанные с их идентичностью, уровнем информированности и др.) факторы конфликта в рамках «спорной политики» на городском уровне (Fu, 2015). Тематика отношений собственности, изучаемая на материалах быстро растущего промышленного центра в Индии, превалирует и в работе В. Нарайн (Narain, 2009). Иммигрантский фактор, возникший с начала 1990-х гг., исследуется на примере городов Северной Италии. Здесь в центре внимания оказываются стратегии адаптации мигрантов в принимающее городское сообщество с целью снижения уровня конфликтности (Sempregon, 2013). Вопросы толерантности и насилия в космополитических городах современного мира поднимаются в работе П. Вербнер (Werbner). В необычном ракурсе городские конфликты представлены в исследовании Ф. Артиоли, посвящённом взаимодействию муниципальных органов и городского сообщества со структурами ВМФ во французском Тулоне (Artioli, 2013). Неожиданным может показаться подход А. Йелеса, который предполагает наличие определённых взаимосвязей между климатическими условиями и вспышками политического насилия в крупных городах, однако он основан на использовании статистических данных. Автор приходит к выводу, что метеорологические факторы оказывают влияние на частоту волнения в азиатских и африканских городах, однако эта связь не является линейной (Yeles, 2015). В целом упомянутые исследования демонстрируют широкий спектр проблематики городской конфликтности и многообразии методов её изучения.

Следует упомянуть разнообразные исследования бразильских ученых, посвящённые тематике городской конфликтности. В них анализируются проблемы как теоретического характера (Ferreira, 2008), так и прикладного, связанные с вопросами жилищной политики в городах (Motta, 2011), государственной политики в сфере городского землепользования, преодоления отсталости трущобных районов (Viana, 2014).

Своя традиция исследования городских конфликтов сложилась в такой сфере, как урбанистика и градостроительное планирование. В её рамках городские конфликты и возможности их урегулирования тесно увязываются с принципами и технологиями пространственного развития городов, в той или иной степени позволяющими учитывать интересы различных сегментов городского сообщества. Таким образом, в планирование помимо материального привносится и социальный аспект. Так, А. В. Самарин и А. В. Шадрина выдвигают тезис, согласно которому в качестве главного функционального элемента города необходимо рассматривать отдельных людей и общественные группы, взаимодействующие в рамках архитектурно-градостроительного процесса (Самарин, Шадрина, 2010). Как правило, эти работы в большей степени ориентированы на внедрение инновационных практик коммуникаций между участниками конфликтов, примене-

ние нестандартных подходов в решении городских проблем. В них проявляется тенденция сводить городские конфликты к градостроительной проблематике и развитию городской среды, что несколько смещает тематику исследований в сторону планирования развития городов (Фрейдин, 2008; Фрейдин, 2009а; Фрейдин, 2009b; Freidine, 2012; Моисеев, 2012; Чернова, 2008; Ball, Maginn, 2005; Voith, Wachter, 2009; Pereira, Mosciaro, 2015).

Следует отметить развитие исследований в области социологии городского конфликта. Особое место здесь занимает Московская школа конфликтологии во главе с Л. Н. Цой (к ней относит себя и ряд упомянутых ранее учёных), внимание представителей которой также сосредоточено на градостроительных конфликтах и преимущественно на методиках их урегулирования. Публикации авторов школы отличает качественный синтез теории, методологии и практических аспектов вмешательства в конфликт, достигаемый на основе опыта реализации прикладных и исследовательских проектов (Цой, 2001; Цой, Сергеев, 2006; Келасьев, 2002). Однако в последние годы, судя по динамике публикаций, их внимание в большей степени привлекают другие сферы исследований. Оригинальность методологии исследования городского пространства и происходящих в его рамках конфликтов отличает И. А. Скалабан, которая применяет метод социального картоирования, позволяющий наглядно отображать социально-пространственные процессы и решать прикладные задачи (Скалабан, 2015; Скалабан, 2012).

Отдельно стоит выделить исследования, посвящённые проблемам управления городскими конфликтами и их урегулирования. К проблемам конфликтов при реализации проектов стратегического развития городов обращается Т. Коппенс. Его работа выполнена на материале бельгийских городов. В центре внимания находятся три основных вопроса: условия, при которых реализация стратегических проектов вызывает протест жителей города; закономерности, связанные с обострением и урегулированием подобных конфликтов; возможности конструктивной работы с различными сторонами конфликта (Coppens, 2011). Анализу управления конкретной ситуацией конфликта в Брюсселе при строительстве Европейского квартала посвящена статья А. Кук. Исследователь пытается найти ответы на вопросы о мотивации различных акторов данного конфликта, об используемой ими инструментари, проанализировать, как складываются отношения между ними, осуществляется координация и др. (Kuhk, 2008). Результаты разработки пространственной методологии принятия решений для урегулирования конфликтов в сфере комплексного городского планирования, прежде всего по вопросам землепользования, представлены в работе греческих авторов (на материале г. Пирей). Здесь предлагается комплексная методика исследования и управления конфликтами в пространстве города АГОРА (Spatial-AGORA), позволяющая собирать необходимую информацию, выявлять степень совпадения/несовпадения интересов участников конфликтов и моделировать отношения между ними (Santorineou, Hatzopoulos, Siakavara, Davos, 2010). Близка

к данной тематике и статья, посвящённая конфликтам в процессе землепользования, авторы которой стремятся выявить возможности смягчения подобных конфликтов и их предвосхищения на основании применения комплексных баз данных (Hersperger, Ioja, Steiner, Tudor, 2015). Стратегии и тактики взаимодействия групп интересов в рамках городского пространства исследует на примере Санкт-Петербурга Е. В. Тыканова (Тыканова, 2013).

Среди работ этого направления необходимо выделить труд коллектива авторов под редакцией Э. Гуалини (Planning and Conflict..., 2015). Этот сборник научных статей отличает качественное сочетание теоретических и практических аспектов тематики, связанной с конфликтами при планировании городского развития. Здесь представлены как концептуальные разработки относительно роли и значения подобных конфликтов (в том числе и обзор состояния исследований по проблеме), так и анализ конкретных конфликтов в западноевропейских городах. Немаловажно, что проблемные ситуации рассматриваются в контексте спорной городской политики.

Большой интерес представляет и исследование проблем управления городскими конфликтами в земельных отношениях в Сомали (Abdi, Tani, Osman, 2010). Авторы делают акцент на институциональных условиях управления конфликтами: слабости государственных структур, столкновении их компетенций, влиянии традиционных общественных структур на развитие конфликтных ситуаций. В книге проводится сравнительный анализ проблем городов, находящихся в разных регионах страны.

Переговорные технологии урегулирования городских конфликтов являются темой исследования Н. Верлоо. Автор отмечает, что для продуктивных коммуникаций в конфликте необходима «переговорная демократия», проявляющаяся через неформальные практики взаимоотношений горожан на уровне отдельных районов, кварталов. Публикация представляет собой итог четырёхлетнего исследования, проведённого автором по методике «включённого наблюдения», что позволило увидеть конфликты изнутри и оценить возможности их урегулирования с позиций межличностных отношений. При этом автор подчёркивает их потенциал для развития городской демократии (Verloo, 2015).

Необходимо упомянуть и работу В. Н. Верхоглазенко, которая, насколько нам известно, не публиковалась в научных изданиях, однако имеет немалую ценность с точки зрения практик управления городским конфликтом. Автор описывает принципы работы социологов-консультантов, их взаимодействие с другими участниками конфликта, а также значение методологического обеспечения такой работы и его возможные трудности (Верхоглазенко, 2001). Проблематике разрешения конфликтов в полиэтничном городском сообществе посвящено диссертационное исследование Д. В. Трофименко (Трофименко, 2008).

В заключение данного обзора хотелось бы остановиться на исследовании, выполненном по смежной с проблемами городской конфликтности тематике. Речь

идёт о проекте «Власть в российском городе», реализуемом группой российских учёных, и ряде публикаций, в том числе затрагивающих проблемы взаимодействия основных акторов городских конфликтов и степень конфликта/консенсуса между ними (Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014; Чирикова, Ледяев, Ледяева, 2015; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2015). В этом контексте стоит отметить и более раннюю публикацию В. Г. Ледяева (Ледяев, 2012), а также публикации Н. В. Борисовой, Ю. А. Пустовойта, В. Я. Гельмана и С. И. Рыженкова (Борисова, 2010; Пустовойт, 2014; Гельман, Рыженков, 2010). Эти работы позволяют рассматривать проблемы управления городскими конфликтами в контексте общих проблем жизни городской политики и взаимоотношений участников политического процесса.

Таким образом, обзор современной научной литературы по проблемам городского конфликта и политического управления им позволяет сделать вывод о многообразии исследований в данном проблемном поле. При этом затруднительно выделить какой-либо преобладающий вектор этих исследований или общие концептуальные основания. Они представляются достаточно разрозненными, направленными на отдельные аспекты проблематики. Для дальнейшей концептуализации исследований и выхода на широкие теоретико-методологические обобщения необходима разработка фундаментального подхода к анализу проблем городской конфликтности.

Библиографический список

1. Борисова, Н. В. (2010). Теория городских политических режимов и возможности ее применения для анализа российской локальной политики. *Вестник Пермского университета. Сер. «Политология»*, 2, 5–12.
2. Верхоглазенко, В. Н. (2001). *Роль методолога в разрешении градостроительного конфликта*. Режим доступа: <http://www.acmegroup.ru/node/264>
3. Гельман, В. Я., Рыженков, С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (4), 130–151.
4. Келасьев, О. В. (2002). *Уровни взаимодействия субъектов конфликтов в процессе реализации градостроительных проектов*. Режим доступа: <http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=531>
5. Ледяев, В. Г. (2012). *Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. Москва: ГУ-ВШЭ.
6. Моисеев, Ю. В. (2012). *Градостроительное планирование перед лицом новых вызовов*. Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/moiseev/moiseev.pdf>
7. Пустовойт, Ю. А. (2014). Городские политические режимы: координация внутри-элитного взаимодействия в крупных индустриальных городах. Государственное управление. *Электронный вестник*, 46, 85–106.
8. Самарин, А. В., Шадрин, А. В. (2010). Городские конфликты: пространство решений. *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*, 2, 27–32.

9. Скалабан, И. А. (2012). Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства. *Журнал исследований социальной политики*, 10 (1), 61–78.
10. Скалабан, И. А. (2015). Образы поселений: карта как соучастие. *Ценности и смыслы*, 1 (35), 38–51.
11. Трофименко, Д. В. (2008). *Городское сообщество: разрешение институциональных конфликтов в полиэтничной среде*: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону.
12. Тыканова, Е. В. (2013). Стратегии и тактики оспаривания городского пространства группами интересов (на примере конфликтов вокруг городского развития в Санкт-Петербурге). *Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 1, 103–110.
13. Фрейдин, Е. О. (2008). Конфликтологическая модель градостроительной деятельности как средство устойчивого развития территорий. *Экологическая составляющая в образовании — основа устойчивого развития поселений на территории Новосибирской области* (с. 27–30). Новосибирск: НГАСХ.
14. Фрейдин, Е. О. (2009а). *Градостроительная деятельность в конфликтном обществе: трансформация традиционной модели*. Режим доступа: http://archi.ru/lib/e_publication.html
15. Фрейдин, Е. О. (2009б). *Градостроительный конфликт: понятие и стратегии развития*. Режим доступа: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569837&fl=5&sl=1>
16. Цой, Л. Н., Сергеев, С. С. (2006). Принципы информирования жителей при реализации градостроительных проектов. *Социальное управление, коммуникация и социальные проектные технологии: материалы Всероссийской конференции, приуроченной к 75-летию со дня рождения профессора Тамары Моисеевны Дридзе, 5–6 октября 2005 г.* (с. 359–370). Москва: Институт социологии РАН.
17. Цой, Л. Н. (2001). Городской конфликт в градостроительной практике: технология согласования интересов. В *Практическая конфликтология. Книга первая* (с. 173–213). Москва: Изд-во ООО ИЦП «Глобус».
18. Чернова, Е. Б. (2008). Конфликтологические разработки в территориальном планировании. *Строительство и транспорт*, 13, 42–47.
19. Чирикова, А. Е., Ледаев, В. Г., Сельцер, Д. Г. (2015). Коалиции исполнительной и представительной власти в малых российских городах. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право*, 2 (2), 5–15.
20. Чирикова, А. Е., Ледаев, В. Г., Сельцер, Д. Г. (2014). Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов. *Полис: Политические исследования*, 2, 88–105.
21. Чирикова, А. Е., Ледаев, В. Г., Ледаева, О. М. (2015). Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого российского города. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4, 7–16.
22. Abdi, M., Tani, S. & Osman, N. (2010). *Local capacities for peace. Land-Based Conflict Project. Contested Urban Land. Approaching Land Management and Land-based Conflicts in Urban Somaliland* / Ed. by J. Stockbrugger. Hargeisa and Duisburg: Academy for Peace and Development.

23. Artioli, F. (2013). The Navy and the city: conflict, cooperation and political competition in the urban governance of Toulon. *Urban Research & Practice*, 6 (1), 75–94. DOI: 10.1080/17535069.2012.762219
24. Baillie, B. (2015). Capturing Facades in «Conflict-Time»: Structural Violence and the (Re) construction Vukovar's Churches. In L. O'Dowd & M. McKnight (eds.) *Religion, Violence and Cities* (p. 40–59). London: Routledge.
25. Ball, M. & Maginn, P. J. (2005). Urban Change and Conflict: Evaluating the Role of Partnerships in Urban Regeneration in the UK. *Housing Studies*, 20 (1), 9–28. DOI: 10.1080/0267303042000308705
26. Coppens, T. (2011). *Conflict and conflict management in strategic urban projects: Proefschrift voorgedragen tot het behalen van de graad van Doctor in de Ingenieurswetenschappen*. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven.
27. Dumper, M. (2013). *Israel, Palestine and the future of Jerusalem*. New York: Columbia University Press.
28. Ferreira, A. (2008). Conflitos no espaço urbano: Labirinto e dialética. Scripta Nova. *Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales*. 270 (97), 120–131.
29. Freidine, Y. (2012). *Urban Planning in Conflict Society: How to Plan and Build the Berlin Wall*. Retrieved from: http://www.isocarp.net/projects/case_studies/cases/cs_info.asp?ID=2248
30. Fu, Q. (2015). Neighborhood conflicts in urban China: from consciousness of property rights to contentious actions. *Eurasian Geography and Economics*, 56 (3), 285–307.
31. Hersperger, A. M., Ioja, C., Steiner, F. & Tudor, C. A. (2015). Comprehensive consideration of conflicts in the land-use planning process: A conceptual contribution. *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*, 10 (4), 5–13.
32. Kuhk, A. (2008). *Layers of use in urban planning: Conflict management in the development of the European Quarter in Brussels*. Retrieved from: http://www.humanarc.be/Ak_Publicaties/AK_Publicaties_PDF/Usobuilt_Layers_of_Use.pdf
33. *Locating Urban Conflicts: Ethnicity, Nationalism and the Everyday*. (2013) / W. Pullan and B. Baillie (Eds). Cambridge: Palgrave Macmillan.
34. Moser, C. & Rodgers, D. (2012). *Understanding the tipping point of urban conflict: global policy report*. Retrieved from: <http://www.urbantippingpoint.org/output/projectpublications/>
35. Motta, L. D. (2011). *A questão da habitação no Brasil: políticas públicas, conflitos urbanos e o direito à cidade*. Retrieved from: http://conflitosambientaismg.lcc.ufmg.br/wp-content/uploads/2014/04/TAMC-MOTTA_Luana_A_questao_da_habitacao_no_Brasil.pdf
36. Narain, V. (2009). Growing city, shrinking hinterland: land acquisition, transition and conflict in peri-urban Gurgaon, India. *Environment & Urbanization*, 21 (2), 501–512.
37. O'Connor, K. (2014). *Public Administration in Contested Societies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
38. Pereira, A. & Mosciaro, M. (2015). *Urban redevelopment, public land and speculation: strategies and conflicts in Porto Maravilha — Rio de Janeiro*. Retrieved from: <http://www.rc21.org/en/conferences/urbino2015/the-politics-of-land-urban-planning-and-conflict-in-the-global-north-and-south/>.

39. *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. (2015) / Ed. by E. Gualini. New York, London: Routledge.
40. Pullan, W. (2015). Agon in Urban Conflict Some Possibilities. In H. Steiner & M. Sternberg (eds.) *Phenomenologies of the City: Studies in the History and Philosophy of Architecture* (p. 213–224). Farnham: Ashgate.
41. Santorineou, A., Hatzopoulos, J., Siakavara, K. & Davos, C. (2010). *Spatial conflict management in urban planning*. Retrieved from: http://www.aegean.gr/environment/labs/remote_sensing/publications/athina_jnh_geograeg.pdf
42. Semprebon, M. (2013). Urban Conflicts and Immigrants' Engagement. A Comparative Pragmatic Analysis of Two Northern Italian Cities. *Journal of International Migration and Integration*, 14 (3), 577–595.
43. Verloo N. (2015). *Negotiating urban conflict: Conflicts as opportunity for urban democracy*. Amsterdam: Amsterdam Institute for Social Science Research.
44. Viana, S. P. (2014). Mediação como Política Pública de Estado em Conflitos Fundiários Urbanos no Brasil: reflexões sobre a proposta do Artigo 579 do Projeto do Novo Código do Processo Civil — CPC. *Social em Questão*, 31, 57–72.
45. Voith, R. P. & Wachter, S. M. (2009). Urban Growth and Housing Affordability: The Conflict. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 626, 112–131. DOI: 10.1177/0002716209344839
46. Walton, J. (1998). Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action. *International Journal of Urban and Regional Research*, 22, 460–481. DOI: 10.1111/1468–2427.00152
47. Werbner, P. (2015). The dialectics of urban cosmopolitanism: between tolerance and intolerance in cities of strangers. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 22 (5), 569–587. DOI: 10.1080/1070289X.2014.975712
48. Yeeles, A. (2015). Weathering unrest: The ecology of urban social disturbances in Africa and Asia. *Journal of Peace Research*, 52 (2), 158–170.

Статья поступила в редакцию 23.05.2016.

.....

DEVELOPMENT URBAN CONFLICT IDEAS IN MODERN SOCIAL RESEARCHES

Kol'ba A.I.

Kol'ba Aleksej Ivanovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: alivka2000@mail.ru

The study was funded by RHE, the project № 16–03–00402 “The political management of urban conflicts in Russia: actors, strategies, institutional base”.

References

1. Borisova, N. V. (2010). Teorija gorodskih politicheskikh rezhimov i vozmozhnosti ee primeneniya dlja analiza rossijskoj lokal'noj politiki [The theory of urban political regimes and the possibility of its application to the analysis of the Russian local policy]. *Vestnik*

- Permskogo universiteta. Ser. "Politologija"* [Perm University Herald. Series "Political science"], 2, 5–12.
2. Verhoglazenko, V. N. (2001). *Rol' metodologa v razreshenii gradostroitel'nogo konflikta* [The role of methodology in the resolution of urban conflict]. Retrieved from: <http://www.acmegroup.ru/node/264>
 3. Gel'man, V. Ju. & Ryzhenkov, S. I. (2010). Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i "vertikal' vlasti" v sovremennoj Rossii [Local modes, urban management and the "vertical of power" in modern Russia]. *Politicheskaja jekspertiza: POLITJEKS* [Political expert: POLITJEKS], 6 (4), 130–151.
 4. Kelas'ev, O. V. (2002). *Urovni vzaimodejstvija sub#ektov konfliktov v processe realizacii gradostroitel'nyh proektov* [Levels of interaction between conflict actors in the implementation of urban development projects]. Retrieved from: <http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=531>
 5. Ledjaev, V. G. (2012). *Sociologija vlasti: Teorija i opyt jempiricheskogo issledovanija vlasti v gorodskih soobshhestvah* [Sociology of power: Theory and Empirical Research of power in urban communities]. Moscow: GU-VShJe.
 6. Moiseev, Ju. V. (2012). *Gradostroitel'noe planirovanie pered licom novyh vyzovov* [Urban planning in the face of new challenges]. Retrieved from: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/moiseev/moiseev.pdf>
 7. Pustovojt, Ju. A. (2014). Gorodskie politicheskie rezhimy: koordinacija vnutrijelitnogo vzaimodejstvija v krupnyh industrial'nyh gorodah [Urban political regimes: coordination within the elite interactions in the major industrial cities]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic Herald], 46, 85–106.
 8. Samarina, A. V. & Shadrina, A. V. (2010). Gorodskie konflikty: prostranstvo reshenij [Urban conflicts: solution space]. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN* [Academic Herald UralNIIProekt RAASN], 2, 27–32.
 9. Skalaban, I. A. (2012). Social'noe kartirovanie kak metod analiza social'no-territorial'nogo prostranstva [Social mapping as a method of analysis of the socio-territorial space]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Social Policy Studies Journal], 10 (1), 61–78.
 10. Skalaban, I. A. (2015). Obrazy poselenij: karta kak souchastie [Images of settlements: map complexity]. *Cennosti i smysly* [Values and meanings], 1 (35), 38–51.
 11. Trofimenko, D. V. (2008). *Gorodskoe soobshhestvo: razreshenie institucional'nyh konfliktov v polijetnichnoj srede* [Urban Community: the institutional resolution of conflicts in the multiethnic environment]: dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov-na-Donu.
 12. Tykanova, E. V. (2013). Strategii i taktiki osparivaniya gorodskogo prostranstva gruppami interesov (na primere konfliktov vokrug gorodskogo razvitija v Sankt-Peterburge) [Strategy and tactics of urban space contesting interest groups (for example, conflicts over urban development in St. Petersburg)]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Serija 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika* [Vestnik St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 1, 103–110.
 13. Frejdin, E. O. (2008). Konfliktologicheskaja model' gradostroitel'noj dejatel'nosti kak sredstvo ustojchivogo razvitija territorij [Conflictological model of urban development activities as a means of sustainable development of territories]. *Jekologicheskaja sostavljajushhaja v obrazovanii — osnova ustojchivogo razvitija poselenij na territorii Novosibirskoj oblasti* [The environmental component in education — the basis for sustainable develop-

- ment of settlements in the territory of the Novosibirsk region] (p. 27–30). Novosibirsk: NGAHA.
14. Frejdin, E. O. (2009a). *Gradostroitel'naja dejatel'nost' v konfliktnom obshhestve: transformacija tradicionnoj modeli* [Urban development activities in conflict-ridden society: the transformation of the traditional model]. Retrieved from: http://archi.ru/lib/e_publication.html
 15. Frejdin, E. O. (2009b). *Gradostroitel'nyj konflikt: ponjatie i strategii razvitiya* [Town Planning conflict: concept and development strategy]. Retrieved from: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569837&fl=5&sl=1>
 16. Coj, L. N. & Sergeev, S. S. (2006). Principy informirovaniya zhitelej pri realizacii gradostroitel'nyh proektov [The principles informing residents in the implementation of urban development projects.]. *Social'noe upravlenie, kommunikacija i social'nye proektnye tehnologii: materialy Vserossijskoj konferencii, priurochennoj k 75-letiju so dnja rozhdenija professora Tamary Moiseevny Dridze, 5–6 oktjabrja 2005 g.* [Social management, communication and social design technology: Proceedings of the conference dedicated to the 75th anniversary of Professor Tamara Moiseevna Dridze, 5–6 October 2005] (p. 359–370). Moscow: Institut sociologii RAN.
 17. Coj, L. N. (2001). Gorodskoj konflikt v gradostroitel'noj praktike: tehnologija soglasovaniya interesov [Urban conflict in urban planning practice: matching technology interests]. V *Prakticheskaja konfliktologija. Kniga pervaja* [Practical Conflict. Book One] (p. 173–213). Moscow: Izd-vo OOO ICP “Globus”.
 18. Chernova, E. B. (2008). Konfliktologicheskie razrabotki v territorial'nom planirovani [Conflictological development in territorial planning]. *Stroitel'stvo i transport* [Construction and Transportation], 13, 42–47.
 19. Chirikova, A. E., Ledjaev, V. G. & Sel'cer, D. G. (2015). Koalicii ispolnitel'noj i predstavitel'noj vlasti v malyh rossijskih gorodah [Coalition executive and representative power in small Russian towns]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Politicheskie nauki i pravo* [Tambov University Herald. Series: Political Science and Law], 2 (2), 5–15.
 20. Chirikova, A. E., Ledjaev, V. G. & Sel'cer, D. G. (2014). Vlast' v malom rossijskom gorode: konfiguracija i vzaimodejstvie osnovnyh aktorov [Authorities in a small Russian town: the configuration and interaction of the main actors]. *Polis: Politicheskie issledovanija* [Polic: Policy Research], 2, 88–105.
 21. Chirikova, A. E., Ledjaev, V. G. & Ledjaeva, O. M. (2015). Municipal'naja reforma i raspredelenie vlasti v rukovodstve malogo rossijskogo goroda [Municipal reform and the distribution of power in the leadership of small Russian city]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Herald. Series: Humanities], 4, 7–16.
 22. Abdi, M., Tani, S. & Osman, N. (2010). Local capacities for peace. Land-Based Conflict Project. Contested Urban Land. *Approaching Land Management and Land-based Conflicts in Urban Somaliland* / Ed. by J. Stockbrugger. Hargeisa and Duisburg: Academy for Peace and Development.
 23. Artioli, F. (2013). The Navy and the city: conflict, cooperation and political competition in the urban governance of Toulon. *Urban Research & Practice*, 6 (1), 75–94. DOI: 10.1080/17535069.2012.762219

24. Baillie, B. (2015). Capturing Facades in “Conflict-Time”: Structural Violence and the (Re) construction Vukovar’s Churches. In L. O’Dowd & M. McKnight (eds.) *Religion, Violence and Cities* (p. 40–59). London: Routledge.
25. Ball, M. & Maginn, P. J. (2005). Urban Change and Conflict: Evaluating the Role of Partnerships in Urban Regeneration in the UK. *Housing Studies*, 20 (1), 9–28. DOI: 10.1080/0267303042000308705
26. Coppens, T. (2011). *Conflict and conflict management in strategic urban projects: Proefschrift voorgedragen tot het behalen van de graad van Doctor in de Ingenieurswetenschappen*. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven.
27. Dumper, M. (2013). *Israel, Palestine and the future of Jerusalem*. New York: Columbia University Press.
28. Ferreira, A. (2008). Conflitos no espaço urbano: Labirinto e dialética. Scripta Nova. *Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales*. 270 (97), 120–131.
29. Freidine, Y. (2012). *Urban Planning in Conflict Society: How to Plan and Build the Berlin Wall*. Retrieved from: http://www.isocarp.net/projects/case_studies/cases/cs_info.asp?ID=2248
30. Fu, Q. (2015). Neighborhood conflicts in urban China: from consciousness of property rights to contentious actions. *Eurasian Geography and Economics*, 56 (3), 285–307.
31. Hersperger, A. M., Ioja, C., Steiner, F. & Tudor, C. A. (2015). Comprehensive consideration of conflicts in the land-use planning process: A conceptual contribution. *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*, 10 (4), 5–13.
32. Kuhk, A. (2008). *Layers of use in urban planning: Conflict management in the development of the European Quarter in Brussels*. Retrieved from: http://www.humanarc.be/Ak_Publicaties/AK_Publicaties_PDF/Usobuilt_Layers_of_Use.pdf
33. *Locating Urban Conflicts: Ethnicity, Nationalism and the Everyday*. (2013) / W. Pullan and B. Baillie (Eds). Cambridge: Palgrave Macmillan.
34. Moser, C. & Rodgers, D. (2012). *Understanding the tipping point of urban conflict: global policy report*. Retrieved from: <http://www.urbantippingpoint.org/output/projectpublications/>
35. Motta, L. D. (2011). *A questão da habitação no Brasil: políticas públicas, conflitos urbanos e o direito à cidade*. Retrieved from: http://conflitosambientaismg.lcc.ufmg.br/wp-content/uploads/2014/04/TAMC-MOTTA_Luana_A_questao_da_habitacao_no_Brasil.pdf
36. Narain, V. (2009). Growing city, shrinking hinterland: land acquisition, transition and conflict in peri-urban Gurgaon, India. *Environment & Urbanization*, 21 (2), 501–512.
37. O’Connor, K. (2014). *Public Administration in Contested Societies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
38. Pereira, A. & Mosciaro, M. (2015). *Urban redevelopment, public land and speculation: strategies and conflicts in Porto Maravilha — Rio de Janeiro*. Retrieved from: <http://www.rc21.org/en/conferences/urbino2015/the-politics-of-land-urban-planning-and-conflict-in-the-global-north-and-south/>
39. *Planning and Conflict: Critical Perspectives on Contentious Urban Developments*. (2015). Ed. by E. Gualini. New York, London: Routledge.

40. Pullan, W. (2015). Agon in Urban Conflict Some Possibilities. In H. Steiner & M. Sternberg (eds.) *Phenomenologies of the City: Studies in the History and Philosophy of Architecture* (p. 213–224). Farnham: Ashgate.
41. Santorineou, A., Hatzopoulos, J., Siakavara, K. & Davos, C. (2010). *Spatial conflict management in urban planning*. Retrieved from: http://www.aegean.gr/environment/labs/remote_sensing/publications/athina_jnh_geograeg.pdf
42. Semperebon, M. (2013). Urban Conflicts and Immigrants' Engagement. A Comparative Pragmatic Analysis of Two Northern Italian Cities. *Journal of International Migration and Integration*, 14 (3), 577–595.
43. Verloo, N. (2015). *Negotiating urban conflict: Conflicts as opportunity for urban democracy*. Amsterdam: Amsterdam Institute for Social Science Research.
44. Viana, S. P. (2014). Mediação como Política Pública de Estado em Conflitos Fundiários Urbanos no Brasil: reflexões sobre a proposta do Artigo 579 do Projeto do Novo Código do Processo Civil — CPC. *Social em Questão*, 31, 57–72.
45. Voith, R. P. & Wachter, S. M. (2009). Urban Growth and Housing Affordability: The Conflict. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 626, 112–131. DOI: 10.1177/0002716209344839
46. Walton, J. (1998). Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action. *International Journal of Urban and Regional Research*, 22, 460–481. DOI: 10.1111/1468–2427.00152
47. Werbner, P. (2015). The dialectics of urban cosmopolitanism: between tolerance and intolerance in cities of strangers. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 22 (5), 569–587. DOI: 10.1080/1070289X.2014.975712
48. Yeeles, A. (2015). Weathering unrest: The ecology of urban social disturbances in Africa and Asia. *Journal of Peace Research*, 52 (2), 158–170.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван, Армения.

Найденов Владимир Глебович, соискатель по направлению «психология» Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван, Армения.

Шлыкова Юлия Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Лагутова Любовь Олеговна, бакалавр психологии, выпускник Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Клецина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Иоффе Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Галлямова Алия Альбертовна, аспирант кафедры общей и практической психологии Института психологии и образования Казанского федерального университета, Казань, Россия.

Лопухова Ольга Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии и образования Казанского федерального университета, Казань, Россия.

Вызулина Ксения Сергеевна, аспирант кафедры управления персоналом Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Аренков Александр Павлович, студент 4 курса Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Борисова Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Петрова Регина Игоревна, магистр политологии, ассистент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Мкоян Гоар Сергеевна, преподаватель кафедры социологии и социальной работы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Армения.

Рожков Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Borisova Nadezhda Vladimirovna, candidate of political science, associate professor of the department of political sciences, Perm State University, Perm, Russia.

Petrova Regina Igorevna, MA in political science, assistant lecturer of the department of political sciences, Perm State University, Perm, Russia.

Sulimov Konstantin Andreevich, candidate of political science, associate professor of the department of political sciences, Perm State University, Perm, Russia.

Berberjan Asja Surenovna, doctor of psychology, professor, head of the department of psychology of Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia.

Najdenov Vladimir Glebovich, competitor in «psychology» of Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia.

Shlykova Julija Borisovna, candidate of psychology, assistant professor, assistant professor of department personality psychology and general psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Lagutova Ljubov' Olegovna, bachelor of psychology, a graduate of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Klecina Irina Sergeevna, doctor of psychology, professor, professor of department human psychology, Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia.

Ioffe Elena Viktorovna, candidate of psychology, assistant professor, assistant professor of department human psychology, Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia.

Galljamova Alija Al'bertovna, graduate student of department of general and applied psychology of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Lopuhova Ol'ga Gennad'evna, candidate of psychology, assistant professor of department of general and applied psychology of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Vyzulina Ksenija Sergeevna, graduate student of department of personnel management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Shamionov Rail' Munirovich, doctor of psychology, professor, head of department of social psychology of education and development, Saratov State University N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

Arenkov Aleksandr Pavlovich, 4th year student, Saratov State University N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

Mkojan Goar Sergeevna, lecturer of department of sociology and social work of the Armenian State Pedagogical University H. Abovyan, Yerevan, Armenia.

Rozhkov Aleksandr Jur'evich, doctor of historical sciences, associate professor, head of department of sociology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kol'ba Aleksej Ivanovich, doctor of political sciences, associate professor, professor of department public policy and public administration of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).

Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа, 1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience, 123*, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rossyiskiy gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.